

Дмитрий Янковский

ОГНЕННЫЙ ШТОРМ

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Дмитрий Янковский

Огненный шторм

«ЭКСМО»

2007

Янковский Д. В.

Огненный шторм / Д. В. Янковский — «Эксмо», 2007

Величайшее открытие земных ученых подарило людям бессмертие, но не принесло ни мира, ни всеобщего счастья. Регулярно возникавшие мутации привели к тому, что новые поколения отказались мириться с гегемонией тысячелетней земной Федерации. Колонизируя необитаемые планеты, они становились непримиримыми врагами человечества. Звездному маршалу и легендарному герою Федерации Игорю Шолохову в жесточайших космических сражениях приходится отстаивать будущее не только своей прародины, но и сотен союзных миров. И самым трагическим в его карьере становится даже не гибель друзей и соратников, а предательство людей, с которыми он не раз плечом к плечу проходил сквозь ад звездных войн...

© Янковский Д. В., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	37
Глава 4	51
Глава 5	64
Глава 6	74
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Дмитрий Янковский

Огненный шторм

Часть первая

Глава 1

Перед бурей

19:41:32. 13.07.3282 года. Земля, Москва.

На крыше здания Генерального штаба я был уже через несколько минут после экстренного вызова. Спустившись на лифте на четвертый этаж, я очутился возле центрального командного пункта Федерации. У входа в главный зал стояли два гвардейца в алых беретах с автоматами «АК-1000». При моем появлении они приняли стойку «смирно» и отдали честь. Я ответил.

В зале присутствовало на удивление много людей. Президент и *полный* Совет Федерации по военным вопросам, который собирался только в экстренных случаях.

– Здравствуйте, товарищ маршал, – встал Петр Суворов.

– Здравия желаю, товарищ Президент.

Я пожал ему руку и сел в приготовленное мне кресло за круглым столом.

– Очень хорошо, что вы прибыли так быстро. Выяснились новые обстоятельства, и требуется немедленная корректировка планов предстоящей операции.

Президент сел, и из-за стола поднялся невысокий голубоглазый человек. Это был генерал-лейтенант Константин Тимофеев, главнокомандующий гарнизонными войсками планет и баз Федерации. Он был недавно назначен на эту должность и, хотя и гордился назначением, чувствовалось, что присутствовать здесь ему не так уж хотелось. Этот человек мне не очень нравился, поскольку сделал стремительную карьеру на тыловых базах и охране транспортных конвоев от пиратских нападений. Опыта космических сражений или личного участия в боевых операциях он не имел.

– Сегодня, в 15:12 по земному времени одна из наших космических станций автоматического наблюдения засекала две крупные эскадры в двадцати световых годах от Солнечной системы в условном восточном направлении. Численность каждой из них в три раза превышает численность нашего объединенного флота. Внешний вид кораблей позволяет сделать вывод, что это эскадры «реформаторов» и фобосианцев. Судя по всему, вместе с силами Антифедерального Альянса они готовят удар по нашим кораблям.

– Что скажете, товарищ маршал? – спросил Президент, когда Тимофеев сел.

Я лихорадочно соображал. Чувства находящихся в этом помещении людей можно было охарактеризовать одним словом – растерянность. Неудивительно. Мы почти год готовились к первому и, возможно, последнему сражению Четвертой Межзвездной войны. Мы знали о тайном сговоре десяти рас, об образовании ими Антифедерального Альянса, направленного на уничтожение Федерации, которая, по их общему мнению, стала слишком сильной. И наши противники знали, что мы это знаем. С обеих сторон наращивалась мощь армий. Политики пререкались и тянули время, но всем было ясно, чем все это кончится. Глобальной схваткой. Самой грандиозной из всех, в которых участвовало человечество. Разведчикам удалось заполучить информацию о направлении главного удара. И мы стали готовиться, подтягивать силы.

План сражения был составлен и подтвержден четыре месяца назад. И вдруг возникла необходимость срочно изменить его, меньше чем за тридцать часов до встречи с противником.

– Посмотрим, – я постарался придать своему голосу максимум спокойствия. – Помните, что говорил однофамилец нашего Президента, великий полководец Александр Васильевич Суворов. Побеждают не числом, а умением.

Возможно, эти слова прозвучали немного пафосно, но мне показалось, что напряжение за столом чуточку ослабело. Я одной фразой напомнил собравшимся о более чем тысячелетней истории Федерации и о том, что мы не убегали от противника, какими бы силами он ни обладал. Мы не отступали *никогда*.

– Итак, посмотрим. Какова конкретная численность флота? Типы кораблей, данные разведки?

Президент нажал на несколько кнопок на пульте, вмонтированном в стол. Центр стола раздвинулся, и над появившимся отверстием возникла голограмма корабля. Я узнал его. Это был овеванный недоброй славой крейсер гиперпространственного боя «Фобос». Этот корабль являлся легендой космоса. А предыстория его такова. В 2308 году был принят закон, запрещающий любую религию. Причиной стали исследования ряда передовых ученых и общественных деятелей. Эти люди экстраполировали в будущее проблему государства и религии. Дело заключалось в том, что в тот период различные религиозные конфессии достигли пика своего могущества и объединились в одну огромную организацию. Они назвали ее – Вселенская церковь спасения. На деле получилась не подчиняющаяся правительству структура с крайне жесткой иерархией. За основу идеологии ВЦС, как ее сокращенно называли, взяла смесь большинства религиозных течений, которые существовали на тот момент. Все настолько гипертрофировалось, что в итоге основополагающими принципами стали догматы двух вечно враждовавших религий – мусульманства и христианства. К своим практиковалось отношение по христианским правилам, а к врагам – по крайне жестоким мусульманским. Но это еще не все. Вскоре организация стала нарушать права своих членов, которые были гарантированы Конституцией. Одним из вопиющих нарушений стало запрещение производить операцию генного вмешательства, которая до этого практиковалась почти триста лет. Операция была относительно несложной и делалась для того, чтобы нейтрализовывать различные неблагоприятные мутации, случайно появившиеся в генотипе. Анализ этого религиозного феномена позволил сделать вывод, что ВЦС крайне опасна для людей, вступивших в нее. Но, более того, она угрожала безопасности посторонних людей, а также могла вступить в конфронтацию с Правительством. Поэтому религия была запрещена. Несогласные с этим подняли серьезные восстания на ряде планет. Армия подавила эти бунты один за другим. Лишь немногим удалось тогда спастись, поскольку был отдан приказ – стрелять без предупреждения. В конце концов бунтари остались только на Ткуне-5. Там завязалось ожесточенное сражение, в результате, которого 524 федеральных бойца были убиты, а потери противника составили около десяти тысяч человек. Около пятисот восставших сбежали на захваченном ими крейсере гиперпространственного боя «Фобос», от названия которого и пошло название этой новой расы. О них долго не было ничего известно, и только семьдесят лет год назад произошло столкновение между нашим фрегатом и фобосианским боевым кораблем. В результате схватки фобосианец был сильно поврежден, но, когда мы высадили на него группу захвата, противник взорвал свой корабль вместе с нашим десантом. Впоследствии схватки с фобосианцами были нередки и наши корабли чаще всего побеждали. Но ни разу нам не удалось пленить живого фобосианца или найти какой-либо намек на местоположение планеты, где они обосновались, поскольку мощные взрывы самоликвидации сразу превращали корабли в радиоактивные облака.

«Реформаторы» тоже были выходцами с Земли. В Федерации давно проводились исследования в области усиления возможностей бойцов с помощью вживленных в тело кибернетических устройств. Вершиной этой программы стало создание отряда «бессмертных». Все

кандидаты в это элитное подразделение проходили специальную подготовку, после чего в их тело вживлялись миниатюрные имплантаты, свойства которых держались в секрете. Поэтому отряд «бессмертных» являлся такой боевой силой, противопоставить которой другие звездные государства просто ничего не могли. Но, чтобы стать «бессмертным», следовало доказать свою преданность Федерации. Кроме того, на такие программы была введена абсолютная монополия государства. Любые частные организации не имели права заниматься разработками в области киберустройств. 11 марта 2711 года был принят закон, запрещающий подобные исследования частным лицам и негосударственным объединениям. А таких бойцов, как «бессмертные», хотели бы иметь многие. И охранные системы различных организаций, и автономные планеты в составе Федерации, и космические пираты. Те, кто был не согласен с законом, решились на восстание. 17 апреля 2711 года они захватили пять крупных транспортов и попытались бежать из Федерации. Один из транспортов был уничтожен еще в атмосфере, второй захвачен. Но три других ушли. До 3222 года о них не было никакой информации. Но в том году один наш научный корабль был пленен «реформаторами». Из пятидесяти трех членов экипажа сорок восемь погибли. Только пятерым удалось уйти в спасательной капсуле, добраться до Федерации и сообщить обо всем. Федерация развернула масштабную поисковую акцию, и планета «реформаторов» была обнаружена. На нее высадили миллионный десант. Но сила обороны была недооценена федералами. Эта ошибка стоила жизни 308 тысячам бойцов. В два раза больше пропало без вести. Пятьдесят две тысячи были тяжело ранены. Тогда звездную систему окружили блокадным кольцом и собирались провести новую, более подготовленную операцию. Но многочисленные локальные войны помешали ее проведению...

После беглого просмотра снимков вражеских эскадр стало ясно, что сила фобосианцев и «реформаторов» исключительно в их количестве. Сами корабли не могли сравниться по тактико-техническим характеристикам с нашими кораблями, не говоря о том, чтобы в чем-то их превосходить. Фобосианский флот составляли копии все того же крейсера «Фобос», который являлся устаревшим уже на момент захвата мятежниками, а ведь с того времени прошло более тысячи лет. «Реформаторы» имели в своем распоряжении вооруженные транспорты и разведывательные корабли с лазерами для защиты от метеоритов. Такое отставание в технологии было объяснимо. Переселенцы лишились доступа к интеллектуальным богатствам Федерации, и даже миллиарды терабайт в памяти бортовых компьютеров их кораблей не могли вместить хотя бы сотую долю наработанной человечеством информации.

– Соотношение один к шести вполне приемлемо, – сказал я.

– Товарищ маршал, оно приемлемо, когда нет других кораблей, – это был генерал Фомин, командующий разведкой. Все посмотрели на него. – Наши суда могут уничтожить их и при соотношении один к десяти, но там еще будут соединения Антифедерального Альянса, а они-то не уступают нашим.

– Согласен. Схватка с ними будет серьезной. Как считаете, что лучше: разгромить сначала их, а потом взяться за фобосианцев и «реформаторов» или наоборот? – спросил я.

– Считаю, что слабого противника нужно громить в первую очередь. «Реформаторы» и фобосианцы не могут ничего противопоставить нашим кораблям в единоборстве, но скоординированными огневыми ударами вполне смогут быстро выводить их из строя поодиночке, – Фомин отвечал четко, видимо, заранее продумав все это.

– А корабли Альянса? Наши суда окажутся под их огнем, пока мы будем громить фобосианцев и «реформаторов», – я-то знал, что он прав, но решил проверить, насколько он продумал стратегию.

– Их корабли примерно соответствуют по численности и характеристикам нашим. Следовательно, им либо придется сосредотачивать корабли для объединенных ударов, либо каждый из их кораблей будет вести огонь по одному нашему кораблю. В первом случае мы полу-

чаем незначительные потери, так как для огневого удара нужно не менее двенадцати судов противника на один наш. Только при таком соотношении они могут рассчитывать уничтожить корабль одним залпом. Для производства залпа им требуется приблизительно столько же времени, сколько и нам. Отдельному кораблю нужно в среднем в три раза меньше времени на залп, чем группе. Следовательно, пока мы будем уничтожать фобосианцев и «реформаторов», Альянс сможет нанести самое большее два залпа. Простой подсчет говорит, что мы потеряем приблизительно шестую часть нашего флота. А по уставу неприемлемые потери начинаются от семидесяти процентов и выше.

– Отлично, – похвалил я Фомина. – Позволь пожать руку столь выдающемуся стратегу.

– Не стоит, – ответил разведчик, но руку пожал. – Обычная арифметика.

– Да ладно, арифметика. Тут нужно знать, в какую сторону считать, – я развернулся к Тимофееву. – А вы как считаете, товарищ генерал-лейтенант?

Тимофеев несколько растерялся. Он явно не вдумывался в то, что говорил Фомин.

– Товарищ генерал совершенно прав, – Тимофеев явно сказал первое, что пришло в голову.

– Товарищем Фоминым был упомянут второй вариант, при котором корабли Альянса могут начать единоборство с нашими кораблями. Чем это может обернуться для нас?

Фомин было раскрыл рот, но я остановил его.

– Подождите, товарищ Фомин. Вам еще будет дано слово, я хочу услышать мнение товарища Тимофеева.

– Мне кажется, – сказал Президент, – что сейчас не лучшее время для выяснения отношений. Продолжайте, товарищ Фомин.

Я встретился взглядом с Суворовым. Он знал о моей неприязни к Тимофееву, но держал его в штабе, считая перспективным командующим. И сейчас взгляд Президента говорил: «Знаю, что он тебе не нравится, но это мое решение».

– Так вот, – вновь заговорил Фомин, – при втором варианте уменьшатся наши потери. Чтобы пробить защитный экран любого нашего корабля нужно в два раза больше времени, чем нам понадобится для уничтожения флотов фобосианцев и «реформаторов». Таким образом, при втором варианте, к началу столкновения с силами Альянса наши потери будут минимальными. В масштабах объединенного космического флота их можно не учитывать.

– Итак, они предпочтут первый вариант, – подвел итог я. – Мы знаем, чем располагает противник, теперь посмотрим, что имеем мы. Какова численность наших тяжелых кораблей? Товарищ Зайцев, вопрос к вам.

Из-за стола встал генерал армии Иван Зайцев, вместе с которым мы выиграли не один десяток сражений. Он был представителем одной из старейших военных династий.

– У нас шестьсот двенадцать линейных эскадр. Позвольте напомнить, что линейная эскадра включает в себя восемь линкоров, четырнадцать крейсеров, двадцать два фрегата и тридцать шесть корветов. Все это, не считая кораблей поддержки, то есть транспортников, медицинских, ремонтно-эвакуационных и штабных кораблей. – Зайцев воспроизводил данные по памяти, но не пытался торопливо перечислить все, как делают многие, боясь забыть.

– А как дела на «Иване Грозном»? – Этот корабль был флагманом федерального флота. А командовала кораблем полковник Марина Зайцева, дочь генерала. Она считалась лучшим пилотом-женщиной.

– «Иван Грозный» подает пример всему флоту. Если понадобится, корабль с экипажем погибнет в бою.

– Ну, гибнуть пока нет нужды, – проронил Президент, – лучше нацелиться на победу. – Ладно, далее. Подпространственный флот. Каково его состояние?

В этот раз поднялся генерал-майор Александр Степанов. Боевой офицер, прошедший путь от командира орудия до командующего всем подпространственным флотом Федерации.

– Флот к сражению готов, – без прелюдий начал он. – Две тысячи четыреста восемьдесят эскадр. По двадцать восемь крейсеров на эскадру. Боеприпасы имеются в тройном комплекте. Моральное состояние экипажей отличное. – Степанов остановился и хотел было сесть, но замялся.

– В чем дело, товарищ генерал-майор? – спросил Президент.

– Товарищ Президент, – Степанов с надеждой посмотрел на Суворова, – разрешите лично командовать крейсером.

– Садитесь, Степанов. Мы это уже оговаривали. Никто из Совета командовать кораблем не будет. Я запретил это даже товарищу Шолохову. Верно, Игорь?

Я вспомнил наш разговор с Президентом три дня назад. Тогда я минут сорок пытался добиться разрешения командовать линкором. Но приказ есть приказ.

Степанов разочарованно сел. Можно было его понять. Мне тоже надоело отсиживаться за чужими спинами.

– Следующее, – продолжил я. – Космопехота.

Еще один представитель военной династии. Генерал-полковник Свердлов.

– Космопехота готова к бою, – резко, по-десантному, отрапортовал он. – У нас четырнадцать тысяч пятьсот восемь десантных эскадр. В каждой эскадре по сорок десантных судов. На каждом судне по три тысячи десантников. Бойцы отлично обучены и вооружены для боя в открытом космосе и для абордажа судов противника.

– Отлично. Я уверен, что вам и вашим людям представится возможность проявить себя. – Я сделал паузу. – Авиация. Полковник Соболев.

Соболев был самым младшим по званию из командующих родами войск. У меня к нему сложилось двойственное отношение. С одной стороны, я видел его беззаветную храбрость. Каждый из восьми орденов, которые красовались у него на груди, был заработан кровью. Но в этом одновременно и заключалась проблема. Как правило, он участвовал в сражениях, командуя лишь своей эскадрилей. Опыта в общем руководстве у него было маловато.

– Мы располагаем семью тысячами авианосных эскадр. В эскадре двадцать авианосцев, пятнадцать эскадренных миноносцев. На каждом корабле базируются 2000 тысячи боевых самолетов различного назначения.

– Хорошо, полковник Соболев. Садитесь. Итак, наши силы определены. Предлагаю следующую стратегию, – я нажал несколько кнопок на пульте и, взяв лазерную указку, подошел к одной из стен. На ней тут же появилось фоновое изображение звездного неба.

Я включил красный цвет указки и нарисовал прямоугольник на левом краю поля, приблизительно посередине между верхом и низом.

– Это наши основные силы. Все линейные эскадры, кроме резерва, мы поставим именно сюда. Они должны будут держать удар объединенного флота фобосианцев и «реформаторов». Учитывая характеристики наших и их кораблей, линкорам не составит труда отбить первые атаки и уничтожить большую часть сил противника. Позади основных порядков мы разместим десять десантных эскадр. В случае, если противник пойдет на абордаж, они должны будут срочно прийти на помощь линкорам и помочь отбить атаку. Если это не удастся, они снимут экипаж и взорвут корабль. Далее. Здесь и здесь, – я нарисовал лазером два квадрата в верхнем и нижнем углах на правой стороне экрана, – мы разместим эскадры гиперпространственного боя. После того, как основные силы фобосианцев и «реформаторов» будут уничтожены, в атаку пойдут силы Альянса. Мы знаем, что они бросают в бой в первую очередь.

Оглядев присутствующих, я понял, о чем они думали. Шестьсот двенадцать эскадр или почти сорок девять тысяч боевых кораблей и двенадцать тысяч вспомогательных будут брошены на растерзание более чем десятиллионного флота фобосианцев и «реформаторов». Выжить в такой схватке очень сложно.

– Первыми они пустят лазерно-таранные корабли под прикрытием истребителей. Их сила и одновременно слабость заключаются в том, что они, по сути, могут нанести лишь один удар. Напомню, что им нужно подойти на двухсоткилометровую дистанцию и одним выстрелом, за миллисекунды, опустошить батареи носового лазера. Такой импульс способен почти мгновенно прошить не один десяток кораблей с полным защитным полем. После этого таранные корабли могут лишь уходить на резервных двигателях, потому что вспышка такой интенсивности просто вытягивает всю энергию из реактора. Один выстрел, и корабль бесполезен. Но этот выстрел способен нанести нам такие потери, что вся оборона будет разрушена за несколько минут. За таранными кораблями идут тяжелые брофффианские крейсера и вклиниваются в пробитые бреши. После этого первая линия обороны будет прорвана. А у нас она только одна. На большее сил не хватит. Поэтому нужно любой ценой уничтожить таранные корабли до того, как они подойдут на двести километров. Для этого и нужны эскадры гиперпространственного боя. Когда вперед пойдут таранные корабли, крейсера войдут в гиперпространство и вынырнут в их тылу. Задача этих эскадр будет предельно простой. Уничтожить таранные корабли. Их охраняют истребители, поэтому неплохо было бы направить туда часть нашей авиации. Что вы думаете об этом, полковник Соболев?

– Авианосцы не смогут пробиться сквозь строй таранных кораблей, – полковник подошел ко мне и нарисовал синим цветом клин брофффианских судов. – А истребители вне авианосцев обречены. У них не хватит топлива на такой дальний скачок. Тут миллиарда два километров.

– Все правильно, не хватит. Поэтому авианосцы прыгнут сразу после крейсеров, – я увидел недоуменный взгляд Соболева. – Да, мы пожертвуем несколькими эскадрами. Нужно будет снять с авианосцев большинство команды. Всех, кроме экипажей самолетов и минимально необходимого количества личного состава судов. Перед самым началом операции оставшиеся запрограммируют компьютер на прыжок и покинут корабль в эвакуационных капсулах. Их подберут транспортники. После прыжка с авианосцев стартуют истребители и вступят в бой с авиацией противника. Выполнив задачу, они попытаются отступить. Необходимо поставить нескольким эскадрам задачу подбирать подбитые истребители.

– А крейсера?

– Они ударят в тыл таранным кораблям и уничтожат их. Оборонительное вооружение у этих судов противника очень слабое и защититься нет шансов. После выполнения этой части плана крейсера должны будут действовать по обстоятельствам. Если подразделения понесут серьезные потери, то они начнут отступление – часть будет прикрывать отход, а основная масса совершит прыжок для соединения с основными силами. Если удастся выйти с небольшими потерями, то крейсера попытаются отразить натиск брофффианских соединений, а основная часть флота их поддержит. В любом случае, когда таранные корабли будут уничтожены, у противника не останется другого выбора, кроме лобовой атаки. А это открывает простор для действий наших десантных кораблей с abordажными командами. Что касается резервов, то нужно оставить половину десантных кораблей, десять процентов линейных и гиперпространственных эскадр. Вся авиация, кроме той, которая выделена для прикрытия крейсеров, назначается в оперативно-тактический резерв.

– Все равно мало, товарищ маршал, – сказал Фомин.

– Мало, но никто и не говорил, что будет много. Только так, для латания дыр, – я подошел к столу и положил указку. – Это азбучная истина. Десятью процентами линкоров и гиперкрейсеров оборону не прорвешь, а для главного удара авианосцы не подходят. Не говоря уже о десантных кораблях.

– Тогда что же?

– Боевые станции.

Мой ответ повис в воздухе. Наука подарила человечеству бессмертие. И большинство присутствующих здесь помнили кошмар почти столетней давности. Разгром под Исилоном.

Тогда наш флот встретился с флотом вситов и почти уничтожил его. Но в самом конце сражения маршал Тимофеев, отец генерал-лейтенанта Тимофеева, отдал приказ о том, чтобы боевые станции, поддерживавшие корабли, завершили разгром. Сам по себе этот приказ не был фатальным. Смертельным оказался второй приказ, о том, чтобы авиация прикрытия вышла вперед и вступила в бой до прибытия станций. И когда истребители уже начали уничтожать корабли противника, в тылу у станций вынырнули авианосцы противника. Всего два корабля, каких-то три тысячи истребителей. Но за первые пять минут они уничтожили семьдесят две станции из 198 принимавших участие в бою. А ведь в семь раз меньшего количества станций хватило бы на то, чтобы одним объединенным ударом уничтожить целую планету. И эти космические исполины гибли от оружия крохотных истребителей. Еще через пять минут потери составляли уже сто шестнадцать боевых единиц. А наша авиация не могла быстро прийти на помощь. В конце концов, из этого боя вышло только шесть станций. Одной из них командовал я. Возможно, мне не нравился Тимофеев еще и потому, что за ту бойню ответственен его отец. Маршала Тимофеева расстреляли, но тем семи с половиной миллионам человек, что погибли со станциями, было уже все равно...

– Но вы же помните... – начал Президент.

– Да. Все помню. Там мне досталось не только это, – я ткнул в орден Суворова второй степени на своей груди, – но и это, – отдернув правый рукав кителя, я показал большой шрам на запястье.

Его я тоже получил в том сражении. Мне удалось вывести свою станцию целой только потому, что в самом начале сражения к нам пристыковался поврежденный авианосец, и на нем было сотни полторы истребителей. Мы быстро подняли их и дали отпор вситам. Одним из истребителей управлял я. Они атаковали каждую станцию всеми силами. Наша станция была одной из первых. Но полторы сотни истребителей отразили удар, и вситы вынуждены были отступить. Мы потеряли более ста тридцати самолетов, а противник – более шестисот. Мне тогда не очень повезло. Моя машина попала под перекрестный огонь зенитной артиллерии станции, наших самолетов и истребителей вситов. Двигатель вышел из строя. Только по счастливой случайности мне удалось направить машину на вторую посадочную палубу авианосца, прорвавшись сквозь силовой экран. Именно тогда стальной штырь диаметром около трех сантиметров пробил насквозь запястье правой руки. В бою боль просто не чувствовалась. После этого сражения мне в течение двух месяцев восстанавливали кость буквально с нуля. Держать пистолет в правой руке я смог только через год.

– Мы вновь рискнем? – спросил Фомин.

– Да, рискнем. В этой битве будет решаться судьба Федерации, будущее человечества. Если мы проиграем, то противник меньше чем через сутки будет здесь, в Москве.

– А Заслон?

– Войска Заслона не смогут удержать столько кораблей. Заслон создавался для защиты Солнечной системы от пиратских рейдов. Но удержать скоординированное нападение им не под силу. Ладно, мы отвлеклись. Сколько у нас станций? Что-то мне подсказывает, что вы можете ответить на этот вопрос, товарищ Тимофеев.

По лицам некоторых офицеров проскользнула легкая улыбка. Тимофеев действительно отвечал за боевые станции как за элемент гарнизонных войск.

– У нас четыре тысячи станций. Две тысячи двести станций гарнизонного класса, девятьсот станций второго боевого класса и семьсот – первого.

– Но это не дает четыре тысячи, – с металлом в голосе произнес я.

– Да, – Тимофеев старался не смотреть на меня. – У нас еще две сотни станций класса «Космическая Заря». Но мы же не станем применять в этом сражении такое оружие?

Я понял, о чем он. Станции «Космическая Заря» создавались как ответ на таранные корабли. Они способны на концентрацию луча лазера главного калибра в десятки раз мощнее таранов. И могли произвести не один выстрел.

– Мы бросим в бой все, что у нас есть, товарищ генерал-лейтенант, – я развернулся к доске. – Станции будут расположены позади линейных эскадр. В нужный момент линейные эскадры отступят и откроют линию огня станциям «Космическая Заря». Их удар должен пробить бреши в обороне противника. После этого вперед пойдут боевые станции первого и второго классов. Гарнизонные станции, как неприиспособленные к нападению, останутся в тылу, чтобы выполнять свои основные функции: ремонт кораблей, прием раненых, обеспечение боеприпасами. Таков мой план. Другие мнения, вопросы, предложения имеются?

– Товарищ маршал, – опять спросил Фомин, – а если они не пустят вперед фобосианцев и «реформаторов»? Если тараны пойдут в самом начале?

– Вряд ли. Но если даже и так, то мы будем вынуждены принять бой. Авиация остается в главном резерве, и при таком раскладе ее нужно будет сберечь любой ценой. Если фобосианцы атакуют в конце сражения, с ними придется бороться исключительно самолетам, потому что от других сил у нас мало что останется. Еще вопросы?

– Разрешите! – негромко произнес Свердлов. – Каждый десантный корабль способен взять на борт дополнительно по две тысячи человек. Если снять с других кораблей десанты, которые составляют по десять процентов от каждого экипажа, то мы получим...

Свердлов не договорил. Его голос был заглушен репликами других офицеров. Им явно пришлось не по душе предложение Свердлова. Всем было ясно, что, осуществив это, мы оставим остальные корабли беззащитными перед абордажем. Именно этим была вызвана такая бурная реакция.

– Тихо! – повысил голос я. Все сразу замолчали. – Мы не курсанты! А тут не полковой клуб! Имейте уважение! Прежде всего, к самим себе, – я сел на место. – Товарищ Зайцев, как вы расцениваете предложение?

– Плохо, – негромко, но весомо произнес генерал. – Если дойдет до абордажных схваток, что неизбежно в таких масштабных сражениях, кто будет отстаивать наши корабли? Мои подчиненные дерутся не хуже десантников, – я заметил, как сверкнул глазами Свердлов при этих словах. Сказывалась давняя неприязнь между космофлотчиками и десанниками. – Но им придется для этого отвлекаться от управления. А это значит фактически обрекать корабль на гибель.

– Согласен, – сказал я. – И можете не испепелять глазами товарища Зайцева, товарищ Свердлов. Все правильно. Десять процентов десанта на каждом корабле Федерации – это не роскошь, а необходимость.

20:38:01.

– Итак, товарищи офицеры, думаю, окончательный план утвержден, – подвел итог Президент. – На время сражения Ставка верховного командования переносится на станцию «Космическая Заря». Когда станция прибудет на Лунную базу, вас известят. Всем быть на базе завтра в шестнадцать часов по московскому времени. Совет окончен. Прошу всех встать.

Мы поднялись, и грянули мощные звуки гимна Федерации. Этому гимну было больше тысячи лет. Он остался от старой, Российской Федерации. Музыка была та же, хотя слова несколько изменены.

– До свидания, товарищи офицеры, – сказал Президент, когда отзвучал гимн. – Наша сила в единстве! – Суворов произнес девиз армии Федерации.

– До конца вечности! – четко ответили мы. Это была своего рода клятва верности Родине и друг другу. Какими бы ни были личные отношения между нами, интересы Федерации ставились превыше всего.

Президент вышел. По уставу мы могли еще остаться и выяснить для себя детали плана, если существовала необходимость, но у меня были другие намерения. Я попрощался со всеми. Пожимая руку Зайцеву, я услышал, как он тихо произнес:

- Спасибо.
- Да не стоит. Дай волю Свердлову, он и техников в десант отправит.
- Все равно. Я твой должник. И учти: я всегда отдаю долги.
- Ладно, учту, – усмехнувшись, я похлопал его по плечу и вышел.

На крыше меня дожидалась моя машина. Обычный армейский четырехместный вездеход «Лань». Мельком я посмотрел на машины других командующих – спортивные с дублированными антигравитационными установками, специальные броневики, которые, было видно, изготовлены на заказ, коллекционные модели почти полутысячелетней давности. Не понимал я всей этой роскоши, наверное, потому, что, став маршалом, в душе оставался старшим сержантом. И суровую военную простоту предпочитаю всему остальному.

«Лань» поднялась в воздух, когда я, потянув штурвал, прогрел антигравы. Включилась ориентировка на Лунную базу. Загерметизировались двери, машина перешла на внутренние резервы воздуха. В задней части кузова открылись сопла ракетных ускорителей, и на приборной доске загорелась надпись «Готовность к выходу в космос». Я перевел управление на автопилот, и «Лань» понесла меня к Лунной базе.

Я откинулся ни сиденье. Через минуту машина вышла из атмосферы. Я обернулся и посмотрел через заднее стекло на удаляющуюся Землю. Москвы с ее огнями не было видно. Потрясающее зрелище представлял собой закат. Он навевал мысли о вечности. Ведь закат был таким столько, сколько существует Земля. И уж точно столько, сколько существует Человечество. Когда наши предки, россы, только учились строить первые дома, когда на месте Москвы были лишь реки и леса, закат был таким. И Вселенная была такой. А сейчас молодое по космическим меркам человечество стремится занять свое место в Галактике, во Вселенной. И за это уже отдали жизнь десятки миллиардов отважных сыновей и дочерей Федерации. Сколько потерь несло человечество, но его не сломили. Мы никогда не узнаем имена всех, кто погиб за Русь, Россию, Федерацию. Но общим памятником им всем будет благополучие человечества. Новые люди с благодарностью вспомнят тех, кто poleg в жестоких схватках за честь Земли, за славу отцов, за счастливую жизнь детей.

Легкий толчок вернул меня к действительности. «Лань» уже села на Лунной базе. Я вышел из машины. Помещение, в котором я оказался, было главным ангаром автотранспорта базы. Яркий свет заливал пространство в сотни квадратных метров, и повсюду стояли армейские машины. Выйдя из зала в коридор, я подумал, что сейчас делать. Спать не хотелось, да и рано было еще. Пойти в спортзал, потренироваться? Нет настроения. Посмотреть какой-нибудь фильм по сети? Да нет, неинтересно. Я поймал себя на мысли, что мне сейчас вообще не хочется думать. Потому что думать – это анализировать. Анализировать завтрашнее сражение. А сражение – это потери. Гибель таких же, как я, солдат Федерации. Моих братьев и сестер. И я ничего не могу сделать, чтобы спасти хоть кого-то.

Наконец я решил пойти пострелять. Арсенал был недалеко. Но сначала заскочил в свою каюту и переоделся в обычную полевую форму.

Тир пустовал. Да, сейчас у бойцов свободное время. Кто-то сидит в клубе с друзьями, кто-то в увольнительной на Земле, кто-то просто шатается по базе. Они готовы к бою и знают, что им, возможно, придется умереть. И они, в большинстве своем, принимают это. Но принимаю ли их жертву я?

Приложив ладонь к датчику, я подождал несколько секунд. Прибор считывал параметры организма, являвшиеся одновременно и удостоверением личности. Наконец датчик пикнул, и зажегся зеленый огонек. Заслонка на одной из полок с оружием открылась. Я выбрал автомат Калинина, «АК-1000». Хотя этот автомат состоял на вооружении более полувека, он по

совокупности боевых характеристик не уступал самым современным лазерным винтовкам. Вес – 4,3 килограмма. Два независимых боевых механизма, один под 10-мм патроны с бронебойными пулями, а второй под 12,7-мм разрывные снаряды. Магазины – на 130 и 62 соответственно. Очень большая дальность – 4500 и 3000 метров – и скорострельность – 1200 выстрелов в минуту и 600. Единственным недостатком была неустраняемая крупногабаритность магазинов. Если 10-мм патроны в двухрядном магазине можно было уложить более-менее компактно, то 12,7-мм снаряды занимали довольно много места, поэтому помимо подсоединенного к автомату магазина боец нес только один запасной с этими боеприпасами.

Я прошел в один из тренировочных залов. Это было помещение длиной около ста метров и шириной в двести. Высота составляла метров двадцать. Здесь в определенной степени имитировались боевые условия.

– Двенадцатый уровень сложности. – Компьютер, отвечающий за тренировку, среагировал на голос. Двенадцатый уровень – самый сложный.

– Мишени готовы, – сообщила машина. – Проверить боеприпасы. Первый этап. Три, два, один. Старт!

Автомат удобно прижимается к плечу. Появляется мишень. Лист двухмиллиметровой стали в форме силуэта человека. Очередь, и разрывные снаряды разнесли первую мишень. Вторая появляется недалеко от первой, и тут же ее постигает та же судьба. Звук поднимающейся мишени за спиной. Я резко развернулся, но не успел. Мишень ушла обратно в пол. Из стены справа появляются три цели. Щелчок, и оружие переключается на полностью автоматическую стрельбу. Длинной очередью я разношу все три мишени. Выскакивают четыре цели: одна из левой стены, две на потолке и одна из пола. Я сношу обе на потолке, прохожусь очередью по мишени на стене, но последняя уходит. Вновь появляется цель позади меня. В этот раз я оказался быстрее и уничтожил ее. Раздался звуковой сигнал. Первый этап окончен.

– Поражение: восемь из десяти, – сообщил компьютер. – Потрачено патронов: двадцать девять; попаданий: двадцать пять. Результат первого этапа: отлично! Второй этап.

Дальше – интереснее. Стрельба по движущимся мишеням.

– Готов! – сказал я, и тут же, без предупреждения появилась цель и начала стремительно двигаться влево.

Вскинув оружие, я срезал ее и развернулся вправо, откуда послышался звук вылетающей мишени. Два силуэта двигались навстречу друг другу. Я разнес оба. По потолку поползли три цели. Я взял в прицел одну, но ее перекрыла другая, и одна очередь прошла две мишени. Третья исчезла. Через мгновение из пола вылетела мишень и начала под действием антигравитации двигаться вверх. Я срезал ее очередью снизу вверх. Еще две цели упали с потолка. Мне удалось сразить обе. Внезапно в конце зала появилась мишень с силуэтом бронебойщика. Она начала двигаться на меня. Подняв автомат, я дал очередь точно в центр. Она продолжала движение. Бронебойщики обладают большей живучестью, чем люди, и было естественно, что и их мишени имеют большую прочность. Силуэт быстро приближался ко мне. Я точно прицелился и, нажав на спуск, стал опустошать магазин автомата. Цель приближалась. Можно было отпрыгнуть в сторону, но я продолжал стрелять. Хлопнул последний выстрел, и мишень остановилась. В полуметре от меня. Я шумно выдохнул и опустил оружие. Затворная рама была отведена назад. Патроны кончились. Везет мне, судя по всему я уничтожил мишень последним выстрелом.

– Поражение: девять из десяти. Потрачено патронов: тридцать три, попаданий: двадцать семь. Результат второго этапа: отлично! Третий раунд.

Последний, третий этап заключался в том, что мишени кроме движения еще и отстреливались слабыми лучами парализующих лазеров. При этом свет в зале мелькал, мешая прицелиться. Я сдвинул переводчик огня на второй магазин с 10-мм патронами и скомандовал готовность.

Несколько лазерных лучей пролетело около меня. Я развернулся и дал длинную очередь по тому месту, откуда они появились. Мишень разлетелась. Еще одна очередь пролетела около меня, и я разнес вторую цель. На несколько секунд свет совсем погас, и помещение освещалось только лучами лазеров. Показалась мишень. Я переместился влево, чтобы не попасть под огонь, и тут же в место, где я стоял до этого, вонзилось несколько зеленых лазерных лучей. При том, что парализующие лучи мишеней были розового цвета. Я развернулся в ту сторону, откуда, судя по всему, вылетели лучи. В мигающем свете можно было различить силуэты пяти вситов в боевых костюмах и с лазерными автоматами. Как же они тут оказались?

Но выяснять времени не было. Я залег, откатился в сторону и начал стрелять. Вситы открыли ответный огонь. Один из противников упал, но четыре оставшихся продолжали вести сильный заградительный огонь. Я вскочил и сместился в сторону, дав короткую очередь. Вситы почти не прицеливались, но при такой интенсивности мне не удавалось остановиться для точного выстрела. Приходилось постоянно перемещаться.

Наконец мне удалось срезать еще одного. Внезапно один из троих оставшихся спрятался за спины товарищей. Я воспользовался ослаблением огня и, присев на колено, выстрелил. Но точный выстрел, который бы несомненно попал в цель, отразился от силового поля, поставленного вситами. Вот что делал третий противник! Это уже серьезно. Защитный экран можно настраивать по-разному, и сейчас, судя по всему, он был направлен на отражение материи и пропуск энергии. Пробить такой экран можно, только истощив запас энергии в аккумуляторе. Но у меня точно не хватит на это боеприпасов.

Я начал быстро соображать, что у меня есть из оружия. В автомате осталось около тридцати патронов. Его можно не считать. Далее. Пистолет «ТТБ» с двумя обоймами, две гранаты в подсумке на поясе, нож и парализующая дубинка. Гранатами можно попытаться повредить поле, но двух будет явно недостаточно.

Оставалось последнее средство. Суперимплантаты «бессмертных». Но что с ними сделать? Заморозить, сжечь, расплющить давлением? Возможности «бессмертных» это позволяли. Но мне необходимо взять пленного. Мой взгляд остановился на всите, лежавшем у двери. Это его я подстрелил первым. У него был лазер и наверняка гранаты. Нужно только добраться до него. Я находился в одном конце зала, а группа вситов в другом. Вситам оставалось преодолеть метров сто, чтобы достичь двери, а мне, если по прямой, чуть меньше ста пятидесяти. Но я все-таки был «бессмертным».

Я активировал часть имплантатов, и внезапно меня пронзила сильнейшая боль. Что это? Случайность? Я попробовал включить ночное видение, и волна боли, пусть и не очень сильной, прошла по телу. Времени выяснять не было. Понятно одно – оборудованием пользоваться нельзя. Итак, придется драться как обычному бойцу.

Я отстрелял последние боеприпасы из автомата и, отбросив его, вытащил пистолет. Десять патронов в обойме, 9,9 миллиметра. Я побежал вперед, постоянно меняя скорость и направление движения. Стараясь экономить боекомплект, я стрелял только, когда останавливался. До вситов оставалось метров двадцать, и мне удалось разглядеть оружие противников. Это были специальные вситские лазерные автоматы «Е-11». Таким оружием были вооружены только части особого назначения резерва третьей очереди верховного командования вситов. Аналог нашего спецназа. Да, с такими шутки плохи.

Вситы поняли мой замысел. Они хотели двинуться мне наперерез, но силовое поле могло просто сжечь их, а перенастроить его или быстро убрать невозможно. Я оказался в пяти метрах от раненого всита, когда он меня заметил. Вскинул пистолет, но я одним выстрелом искорежил его оружие. Неплохо бы захватить винтовку, так как трофейных образцов таких лазеров у нас считанные единицы, но была задача и поважнее. Я взмахнул парализующей дубинкой и ударил всита током. Он затих.

Вытащив обе гранаты, я метнул их в энергощит. Последовали взрывы. Вситы, судя по всему, поняли мою задумку. Они оставили щит на месте и сосредоточили на мне всю огневую мощь. Но было поздно. Я достал из подсумка парализованного всита шесть небольших цилиндров – гранат для уничтожения живой силы. Но для пробивания энергетических щитов они тоже годились. Переместившись в сторону, я выдернул чеки двух гранат.

Бросок, оглушительный взрыв, и щита больше не существовало. Обгоревшие тела трех вситов валялись рядом с разбитым генератором поля. Я вложил в кобуру пистолет и, выйдя в другую комнату, вызвал охрану. Взвод бойцов прибыл секунд через двадцать.

– Вызывали, товарищ маршал? – козырнул дежурный со звездочками капитана, судя по всему, изрядно удивившись моему присутствию здесь. А меня порадовало то, что он узнал меня в лицо – погон с маршальскими звездами на моей форме не было.

– Вызывал. Идите со мной, – я провел их в зал. – Четверых я уложил, пятый только парализован. Общайте тела, пленного – на гауптвахту и под тройную охрану.

20:56:03.

Глубоко вздохнув, я сел напротив всита.

– Для начала имя, звание, личный номер, часть, – сказал я и в упор посмотрел на пленного.

Это был типичный всит. Рост – метра полтора. Плавные очертания маленького тела, одетого в черный комбинезон десантных сил вситов, на руках перепонки. Голова без волос, покрытая темной кожей, большие черные глаза, нос и рот плохо развиты. Этот вид был слаб в бою, однако обладал сильными псионическими способностями. Вситы, конечно, не могли сравниться с «бессмертными», но в определенном смысле представляли угрозу для обычных солдат. Социальная структура этих существ была подобна пчелиному улью. Бесполые солдаты-рабочие и королева-матка.

– Меня зовут Бэо Этон, – всит неожиданно заговорил по-русски. – Да, я знаю ваш язык. Я командир... – он запнулся. – Точнее был командиром спецгруппы, которую вы разгромили. В нашу задачу входило ваше уничтожение. Больше ничего не могу сказать.

Он замолчал.

– Думаю, вы обманываете меня, – сказал я. – Поподробнее о численности группы, плане операции, средствах доставки, специальном вооружении.

Всит боролся сам с собой. Он прекрасно знал, что если он не скажет, то мы его расстреляем, особенно учитывая то, что они напали на представителя высшего командования. С другой стороны, если он ответит на мои вопросы, то вситы не простят предателя и уничтожат его.

– Хорошо. Мне нечего терять. Итак, численность группы составляла пять бойцов, включая меня. К Солнечной системе нас доставил крейсер гиперпространственного боя «Йарьенэто». На борту крейсера был миникорабль с возможностью гиперпространственной остановки. Прямо в гиперпространстве крейсер выпустил наш корабль и ушел на расстояние двух орбит Плутона. Мы вышли из гиперпространства около Урана, скорректировали курс и прямым прыжком прошли к Луне, – всит посмотрел на меня, ожидая, что я прерву его. Но я молчал. – Корабль оставили в одном из кратеров недалеко от базы. Дальше передвигались в летающих скафандрах. На саму базу попали через вспомогательный шлюз на северной стороне. Скафандры спрятали в комнате оператора шлюза, самого оператора мы уничтожили. Дальше нашли вас. Вот и все.

– А как вы меня нашли?

– Мы подключились к главному компьютеру и получили доступ ко всем камерам видеонаблюдения.

Итак, такая операция ради моего уничтожения. Конечно, приятно, когда тебе уделяют столько внимания, но когда в тебя стреляют, приятно не очень. «Йарьенэто» – это флагман

вситской объединенной флотилии крейсеров гиперпространственного боя. Бэо Этон считается лучшим специалистом по диверсионным операциям в вооруженных силах вситов. Я много слышал о нем, но никогда не встречался лицом к лицу.

– Вы довольно откровенны, – я встал и взял со стола измеритель психоимпульсов «ПИИ-57» или, попросту, мозговой зонд. Он позволял с достаточной долей уверенности определить физическое и психическое состояния испытуемого и, соответственно, правду или ложь в его словах. – Как долго «Йарьенэто» будет ждать вашу группу?

– Четверо наших суток или приблизительно сто двадцать ваших часов.

– Отлично, – я включил микрофон на стене. – Лейтенант, принесите звездную карту Солнечной системы, карту лунной поверхности рядом с базой и вещи, конфискованные у диверсантов.

Секунд через пятнадцать в дверях появился лейтенант федеральной службы безопасности. В руках он нес два цилиндра голографических карт и предметы, найденные у вситов. Он положил это на стол и направился к выходу, но я остановил его:

– Подождите, для вас будет еще одно поручение, – я включил голограмму карты Солнечной системы и показал вситу. – Где конкретно находится крейсер?

Пленный молча указал на одну из областей.

– Лейтенант, какие у нас имеются корабли на Лунной базе в данный момент? И сколько готовы к немедленному взлету?

– На базе сейчас два авианосца, восемь эсминцев и три корвета. Но к немедленному взлету готовы только корветы и один из авианосцев. У них двадцатиминутная готовность. У всех остальных кораблей – восьмичасовая.

Я тихо выругался. Вситы, несомненно, послали сигнал о провале, и крейсер получит его чуть больше чем через одиннадцать часов. Если кораблям на максимальном ускорении в 314 скоростей света не составит труда оказаться в этом квадрате за пару минут, то на поиск понадобятся часы. В таком огромном пространстве найти гиперкрейсер нереально. Только на прочесывание обычного пространства уйдет не меньше четырех. А учитывая то, что крейсер наверняка затаился, срок как минимум утраивается. Четыре корабля, готовых стартовать немедленно, чисто теоретически могли бы найти крейсер за это время, но уничтожить его точно не сумеют. Для разрушения самых слабых, днищевых силовых щитов нужен объединенный залп минимум двух корветов, но пока подойдет один, второй уже будет уничтожен. Даже если они сумеют подойти вовремя, провести скоординированный залп все равно не удастся, так как им придется маневрировать, чтобы самим не попасть под огонь крейсера. Об авианосце можно и не вспоминать: пока с него поднимутся самолеты, он будет уничтожен. А захватить или уничтожить «Йарьенэто» очень важно. Лишиться флагмана перед битвой – это самое плохое, что может случиться с любым флотом. Ладно, оставим пока.

– А где ваш корабль? – я включил вторую карту.

– Вот здесь. Но у него голографическая защита. Чтобы его найти, мне пришлось бы лететь с вами. Все системы отключены, электромагнитного поля нет. А с воздуха будет видна только голограмма, которая над ним... – Пока всит говорил, у меня уже созрел план действий.

– Лейтенант, подготовьте патрульный «Водник» и эвакуатор. Возьмите пару бойцов. Вы полетите со мной.

– Куда мы направляемся, товарищ маршал?

– В кратер Циолковского. Там они спрятали свою капсулу. И этот всит полетит с нами.

21:28:05.

– Товарищ Президент, прошу дать разрешение на проведение специальной операции, – я закончил свой рассказ о последних событиях на базе. Суворов хмуро смотрел на меня с экрана видеотелефона. – Мы нашли их капсулу. Это переделанный средний разведчик. С него снято

оружие, часть брони, но установлен второй двигатель, дополнительная система жизнеобеспечения.

– Давай угадаю, – сказал Суворов. – Ты хочешь в этой капсуле проникнуть в крейсер вситов и разрушить его изнутри?

– Разрушить или захватить, как получится, но главное – проникнуть. Это очень важно. Если уничтожить «Йарьенэто», то вситский подпространственный флот будет практически выведен из строя. Но мне нужно твое разрешение, – на «вы» я называл Суворова только на официальных встречах, как и он меня.

– Ладно, как хочешь. Тебя все равно не отговорить. Кого возьмешь с собой?

– Капсула вместила пять вситов, значит, самое большее – три человека. Хотелось бы кого-нибудь из «бессмертных».

– К сожалению, на Земле сейчас нет никого из их отряда. Да и в Солнечной системе тоже.

– Ладно, попробую найти напарников здесь.

– Ну, действуй. Удачи!

Экран погас. Итак, все складывается отлично. Теперь только найти бойцов и можно вылетать. Я вышел из своей каюты и направился на гауптвахту. Допрос всита еще не завершился. Нужно еще выяснить некоторые детали относительно изъятых предметов. На «Йарьенэто» тоже могли быть такие игрушки, и следовало знать хотя бы, что это такое.

Всит сидел за столом, напряженно вглядываясь в силовое поле, отгораживающее часть поверхности, где лежали изъятые у него вещи.

– Ты нас не обманул. Капсула там, где ты сказал. «Йарьенэто», надеюсь, тоже. Теперь последнее, что я хочу выяснить. Назначение всего этого, – я указал на наши трофеи.

Отключив силовое поле, я взял со стола один предмет. Небольшой прямоугольный параллелепипед, на который сверху было надето что-то вроде пульта с несколькими кнопками. Я догадывался, что это, но хотел удостовериться.

– Это граната, так? – я указал на предмет.

– Да, граната. Светотермическая. Взрывается бесшумно, при этом вспыхивает яркий свет, который сжигает все в радиусе двадцати-тридцати метров по вашей метрической системе. Пульт нужен для того, чтобы регулировать время взрыва. Действует так: сорвать пульт, граната окажется на боевом взводе. Затем нажать на одну из кнопок. Зеленая – граната взорвется через четыре секунды, фиолетовая – взрыв, если кто-то приблизится на два с четвертью ваших метра, желтая – взрыв при непосредственном физическом воздействии.

– А оранжевая?

– Если нажмете на нее и подержите, то взорвется сразу, когда отпустите.

– А почему у вас так мало гранат? Мы нашли всего четыре штуки. Вы их использовали?

– Нет. Когда я увидел на полигоне их взрыв, то сразу понял, что применять такие на этой базе – самоубийство. Если кинуть одну из них в коридоре, она сожжет коммуникации в стенах. А вы это быстро обнаружите. Кроме того, они очень дорогие, поэтому нам дали мало.

– Ладно, далее. Это, – я положил гранату и взял нечто напоминающее небольшую ракетную установку. – Гранатомет?

– Не совсем. Это портативный зенитный комплекс. Нам выдали его на случай, если нас после приземления засекут ваши патрульные машины.

– Характеристики?

– Весит 2,2 килограмма, дальность перехвата – семь километров по зениту и двадцать три по горизонту. Ваш штурмовик «Су-230» уничтожит с первого выстрела.

– Мощная штучка. И последнее, – я указал на предмет, о предназначении которого у меня не было никаких предположений. Он представлял собой небольшой датчик с экраном и парой кнопок.

– Последнее изобретение наших ученых. Подавляет оборудование «бессмертных». Пока что разработка опытная и не позволяет полностью заглушить способности таких бойцов, как вы. Болевой эффект – побочное действие.

– Много таких экземпляров?

– Насколько мне известно – четыре. Один в ваших руках, еще один отдали брэфам и два образца в лаборатории.

– То есть на крейсере их нет?

– Нет.

– Отлично, – я вновь вызвал лейтенанта. – Можете отвести пленного в камеру. После этого приходите в комнату тактических занятий номер три.

Офицер удивленно посмотрел на меня, но сдержал свое любопытство в присутствии пленного.

– Так точно.

Оказавшись в названной комнате, я первым делом нашел в компьютере и вывел на стену план вситского крейсера гиперпространственного боя в трех проекциях. Я едва успел это сделать, как в дверях появился лейтенант.

– Вызывали, товарищ маршал?

– Вызывал. Садитесь, офицер, – я кивнул на одно из кресел и сел.

– Не приучен сидеть в присутствии начальства, – четко ответил боец, продолжая стоять по стойке «смирно».

– Вольно. И хватит манерничать. Садись, – я, неожиданно для него, перешел на «ты». – Как тебя зовут?

– Виталий Евгеньевич Николаев. – Лейтенант все-таки сел.

– Отлично. Что ты думаешь об этом? – я кивнул на план крейсера.

– Вситский крейсер гиперпространственного боя класса «Йакиум». Экипаж – 265 вситов, максимальная скорость – 305С. Вооружение – восемь торпедных аппаратов калибра 236 сантиметров, три сдвоенных лазерных установки.

– Неплохо знаешь корабли. Как считаешь, реально двум людям, действуя изнутри корабля, захватить его.

Лейтенант смутился. Он, видимо, не ожидал такого вопроса.

– Теоретически, наверное, возможно. Если эти солдаты – хорошо подготовленные «бессмертные».

– А хотел бы попробовать?

– Я? Да вы что, товарищ маршал. Я ведь не «бессмертный».

– Ну а в принципе?

– Конечно. Я же учился в академии ФСБ. Нам там на подсознательном уровне записывали в мозг различные программы действий.

– А как насчет того, чтобы захватить «Йарьенэто»? Нам вдвоем.

Глаза лейтенанта блеснули. Я знал, что надо делать. Ведь отдать ему приказ идти на такую рискованную операцию я не мог.

– Так вот вы к чему! А как мы туда?.. Ах, так капсула... Все, я понял, – до лейтенанта мгновенно дошел мой замысел. – На капсуле в крейсер, а там изнутри?

– Точно. Я думаю вот о чем. У нас есть четыре готовых к вылету корабля. Капсула достигнет места сбора часов за пять, а корабли уже будут там патрулировать. Когда мы окажемся на крейсере, то выведем из строя двигатели, вооружение и подадим сигнал нашим кораблям. Они высадут десант, и «Йарьенэто» будет захвачен. На одном только авианосце четыре сотни человек десанта.

– Да, когда десант будет высажен, то нам не о чем беспокоиться, но как только нас обнаружат, на нас бросится вся команда корабля. Вы – «бессмертный» и очень опытный, я тоже имею боевой опыт, но мы не сможем перебить две с половиной сотни вситов.

– Давай на «ты», хорошо? А насчет того, что не сможем, так это и не понадобится. Некоторые отсеки можно просто заблокировать. Но главное – дать сигнал кораблям.

– Так мы полетим вдвоем? Не маловато ли сил? Кстати, а почему вы выбрали меня?

– Потому, что «бессмертных» под рукой нет, а обычных бойцов там в момент положат. Тебя выбрал, потому, что поблизости ты единственный, кто проходил обучение в Академии ФСБ. Искать тихо не получится, а я не хочу привлекать к операции лишнее внимание. Если бы мы знали кого-то наверняка, то, конечно, могли бы пригласить. А так лучше и не начинать поиск.

– А я знаю. Лейтенант Афоненко. Мы вместе учились.

– Время прибытия?

– Полчаса. Он здесь, на Луне.

– Хорошо, вызывай лейтенанта, обговорим примерный план и до двадцати двух ноль ноль мы должны вылететь.

21:48:07.

– Итак, товарищи офицеры, – я давал последние указания командирам кораблей, которые будут поддерживать нас в этой операции, – после получения сигнала немедленно начинайте движение к крейсеру и приступайте к высадке десанта. Половина десантников должна находиться в десантных челноках и, если крейсер будет продолжать вести бой, то именно им следует высадиться в первую очередь. Если же боевые системы будут выведены из строя, то десант нужно высадить в обычном порядке. Все ясно?

– Так точно.

– Вы свободны.

Офицеры разошлись. Я прошелся вдоль стены, на которой был выведен план корабля. На столе лежали три полных комплекта обмундирования для диверсионных операций. Рядом с двумя комплектами лежали биопередатчики – стандартное средство мышлеобщения у агентов ФСБ. Они были не такими удобными, как вживленные в организм передатчики «бессмертных», но все-таки обеспечивали вполне приличное качество и расстояние общения в мышлеэфире.

– Товарищ маршал, – вошел Николаев. – Это лейтенант Афоненко.

К моему удивлению, лейтенантом оказалась девушка. Она была довольно высокого роста, со светлыми волосами и озорной челкой.

– Здравия желаю, товарищ маршал. Вы удивлены?

– Самую малость. Не так много в ФСБ девушек.

– А что, Виталий меня не представил? – она спокойно прошла через комнату и села в кресло.

– Он назвал только фамилию. Как твое полное имя?

– Азелика Александровна.

– Азелика?

– Я с Серкеша.

Понятно. Серкеш. Суровая планета. На заре Федерации туда прилетели люди, которые просто искали новой жизни. Планета на несколько веков оказалась отрезанной от остального человечества. После того, как Федерация нашла ее, тогдашний Президент попытался силой присоединить планету. Ее обитатели мужественно защищались, но не смогли противостоять всей военной мощи Федерации. Планета была покорена, но не сдалась окончательно. И вскоре

новый Президент отозвал войска. Только через полвека Серкеш добровольно вошел в Федерацию на правах автономии.

Жители этой планеты были независимы, храбры и жестоки. Сама планета отличалась суровым климатом: из четырехсот восьмидесяти пяти дней Серкешанского года четыреста двадцать дней температура была минус сорок – минус шестьдесят градусов по Цельсию. В остальное время температура держалась на минус двадцати и никогда не поднималась до нуля. Суровая жизнь, борьба со снежными хищниками на родной планете и с Федерацией в космосе сделали жителей прекрасными воинами. Они были неприхотливы, выносливы и почти нечувствительны к боли. Детей – и девочек, и мальчиков – с восьми лет учили пользоваться лазерным пистолетом и водить антигравитационные платформы, которые являлись главным средством передвижения на Серкеше. В двенадцать лет ребенок в первый раз самостоятельно выходил в космос на истребителе. У них сформировалась особая культура, непохожая на земную. Изменилась даже внешность. Серкешанцы были очень высокими, практически все светловолосыми и голубоглазыми. Словом, эта девушка была типичной серкешанкой.

– Итак, товарищи бойцы. Мой план таков. Капсула пойдет на автопилоте и состыкуется с кораблем в автоматическом режиме. В шлюзе нас наверняка встретят вситы. На первый раз немного. Думаю, пара-тройка техников и те, кто организовывал операцию. Мы их уничтожим и будем пробиваться в двигательный отсек. Силовая установка состоит из четырех двигателей, которые работают независимо друг от друга. Для полного обездвижения корабля нужно уничтожить все. Живучестью они не отличаются и взрываются после первых же попаданий из автомата. Этот этап операции должен пройти гладко, так как вситы наверняка не успеют перекрыть коридоры. Далее – боевая палуба. Выводить из строя торпедные установки и башни слишком долго. Мы подорвем главный генератор боевой палубы. У торпедного отсека и у каждой из башен имеются резервные, но их мощности хватит либо на пару мощных выстрелов, либо на множество слабых, которые не смогут пробить энергетические щиты наших кораблей. Торпеды они смогут запустить, но перезарядить аппараты для нового залпа им не удастся. После того, как мы уничтожим генератор, двигаемся к отсеку связи. Оттуда мы подадим сигнал нашим кораблям. Если пробиться туда не сможем, вернемся к капсуле, выйдем в космос и подадим сигнал из нее. Дальше будем ждать десант. При более удачном развитии событий попытаемся захватить командную рубку, чтобы обезглавить корабль. Вопросы есть?

– Никак нет.

– Ну, тогда собираемся, и в путь.

Займемся экипировкой диверсанта: сначала легкий бронежилет, поверх него комбинезон из особого материала, способного маскироваться под цвет местности, на комбинезон – прочный, но легкий и гибкий жилет для снаряжения, который сам по себе представляет защиту, затем наколенники и налокотники. Шлем я пока надевать не стал.

Закончив с одеждой, я стал собирать снаряжение. Два осветителя, фонарь, две дымовые гранаты, малая аптечка, парализующая дубинка и мозговой зонд. Дальше оружие: верный ТТБ, три обычных гранаты и три особых сенсорных, реагирующих на движение, два блока взрывчатки. В выборе основного оружия я колебался. Взять более надежный и неприхотливый специальный автомат «АДС» или лазерную винтовку «Аллигатор»? Наконец я сделал выбор в пользу лазерного оружия. Такая винтовка в условиях диверсионной акции могла обеспечить большее количество выстрелов, что играло ключевую роль в таких операциях. Последним я сунул в ножны специальный диверсионный штык-нож «НСД» с матовым немагнитным лезвием.

– Ну что, готовы?

– Да, – Азелика застегнула браслет биопередатчика на левом запястье. – Проверим ментальный контакт.

– Как меня слышно, – в мыслеэфире появился Виталий. Мысли, как и слова, имеют свой особый тембр звучания.

– Слышу хорошо, – так же беззвучно ответил я. – А ты, Азелика?

– Контакт хороший, все четко.

– Отлично. Идем к капсуле.

Мы прошли в восьмой шлюз, где вокруг вситской капсулы толпилось несколько техников.

– Ну что, разобрались с этой игрушкой?

– Да, ничего особенного. Управление, как и у разведчика. Только скорость побольше за счет второго двигателя.

– Ну ладно, ребята, пошли, – сказал я своим бойцам.

Люк в капсулу был открыт. Сам корабль представлял собой цилиндр радиусом четыре с половиной и высотой чуть больше полутора метров. Для моего роста и роста бойцов это было маловато, поэтому я предусмотрительно захватил с собой несколько баллончиков с быстро-застывающей пеной, которая обычно использовалась для герметизации дверей отсеков. Двух баллончиков хватило, и на полу образовалось мягкое и теплое покрытие из застывшей пены.

– Садитесь на пол, – сказал я бойцам, когда они зашли в капсулу. – Нам лететь больше пяти часов, а долго в этих креслах, – я махнул рукой на вситские кресла, стоящие у приборной доски, – не высидишь.

– Удачи, товарищ маршал, – сказал один из техников, и люк закрылся.

Ворота шлюза разошлись, от космоса нас отделяло только защитное поле, не позволяющее выходить воздуху. Я кое-как втиснулся в пилотское кресло и включил двигатели капсулы. Она поднялась на пару метров. Быстро проверив все системы, я приготовился выйти из шлюза.

– Ребята, а ведь не поздно еще отказаться. Не хотите? – я обернулся к бойцам.

– Все шутки шутите? – ответила Азелика. – Мы же ФСБ. Слово свое держим.

– Ну тогда – в путь.

Я повел машину из шлюза. Поле пропустило корабль, и мы очутились в космосе. На обзорном экране была видна Земля. Предоставив компьютеру ориентировать корабль, я откинулся назад. Наконец на приборной доске загорелась надпись по-вситски: «Корабль готов». Я нажал на кнопку запуска, и резкая перегрузка вдавила меня в кресло. Капсула мгновенно, с места, рванулась на максимальной скорости. Хотя скорость капсулы, по меркам современных боевых кораблей, невелика, было просто удивительно смотреть, как быстро удаляется Луна. Когда она совсем исчезла, я выбрался из кресла и сел на пол напротив бойцов.

– Вы, ребята, можете поспать, делать-то нечего, а лететь долго. Заодно и отдохнете. После прилета на «Йарьенэто» нам предстоит как минимум пару часов выкладываться в полную силу.

– Вы предполагаете, что операция займет столько времени? – спросила Азелика. – Я думала, полчаса, самое большее.

– Полчаса это при идеальном раскладе, если все пройдет по плану. Но, скажу вам по собственному опыту, даже самые лучшие планы часто рушатся при первом столкновении с противником.

– Надеюсь, с нами так не будет.

Глава 2 «Йарьенэто»

03:02:09. 14.07.3282 года. 11,8 миллиарда километров от Солнца.

- Подъем, ребята, – я тихонько потряс бойцов за плечи.
- Уже прилетели? – Азелика открыла глаза.
- Еще нет. Но нужно подготовиться. Активизировать боевые программы и так далее.
- Понятно, – девушка потянулась. – Виталь, вставай!

Но Николаев перевернулся на другой бок и начал бормотать, чтобы его оставили в покое.

Я усмехнулся.

- Виталь, ты чего, оглох?! – закричала Азелика, прямо на ухо напарнику.
- Может, не будем тревожить человека, вдвоем справимся? – в шутку спросил я.
- Сейчас он у меня быстро проснется, – девушка вытащила фляжку и, сняв крышку, плеснула водой ему в лицо.

– Что случилось? – Николаев резко вскочил и ударился головой о низкий потолок. – Ай, Лика, ты могла бы понежнее!

- Могла, но не хотела, – девушка спрятала фляжку.
- Жестко, – прокомментировал я. – У вас на Серкеше все такие?
- Не все. Но многие.
- И за что я тебя любил? – Виталий посмотрел на Азелику.
- Почему в прошедшем времени? – спросил я. – Уже разлюбил?
- Ну, как сказать. Мы собирались пожениться, решили перед этим просто пожить вместе.

Отпуск взяли в одно и то же время. Прилетели на Актиок-2, знаете, есть такая курортная планета. Сняли там домик. И тут я обнаружил, что не могу выдержать распорядка ее жизни. Представьте: в семь часов она меня поднимала и заставляла делать вместе с ней зарядку. Потом вела на пробежку. Два километра со сна, представляете? Да еще по лесу. И так каждый день. Хоть в дождь, хоть в туман. Я терпел две недели, потом все высказал и ушел. После этого мы год не разговаривали. Ну, потом окончили Академию, и в качестве выпускной работы мне поручили распутать одно дело с агентом броффианской разведки. Затем почему-то отстранили. Но меня это заинтересовало, и уже после выпуска, на последних каникулах, я решил заняться этим делом. Понадобилась помощь, и я решил обратиться к Лике. Узнал, где она находилась, – Виталий усмехнулся. – Оказалось, она опять на Актиоке-2 и жила в том самом доме.

- Ностальгия по прошедшим временам, Азелика? – спросил я.

– Нет, – ответил за девушку Виталий. – Просто никогда не изменяет своим привычкам. Я, чтобы ее найти, пришел в одно кафе. Именно в то время, в которое мы всегда там сидели. И сел за наш любимый столик. Правда, я там затеял небольшую драку с местными, и она явилась в самый разгар. Потом мы ретировались.

- Но дело-то распутали?

– Еще бы. Не зря нас во время обучения считали лучшей парой. С профессиональной стороны, разумеется.

– Разумеется, – эхом повторил я. – Надеюсь, и в бою вы так же хороши. А сейчас активизируйте боевую программу «Диверсант», раздел «Действия на чужом космическом судне», подраздел «Действия в тройке».

Ребята кивнули. Боевые программы были частью обучения в академии ФСБ. Они записывались по подкорку мозга и при активации превращали агентов в биологические боевые машины.

- Готовы? – спросил я через несколько минут.

– У меня порядок, – ответила Азелика.

– И у меня, – Виталий посмотрел на девушку. – Проверим?

– Да, – она достала нож и метнула его в напарника.

Он резко выбросил руку вперед и поймал оружие прямо за лезвие. Рефлексы доводились боевыми программами до совершенства. Развернув кисть, Виталий метнул клинок в Азелику. Она так же ловко перехватила оружие и сунула его в ножны.

– Отлично, – сказал я. – Теперь вситам не поздоровится.

Резкий сигнал возвестил о переходе на досветовую скорость. Звезды из светящихся черточек вновь превратились в яркие точки. На бортовых экранах показался черный корпус «Йарьенэто». Наша капсула пошла на сближение в автоматическом режиме. Бортовыми огнями корабль дал понять, что заметил капсулу. Красноватое пламя у дюз говорило о том, что крейсер только вышел из гиперпространства. Вскоре корабль закрыл весь экран. К капсуле протянулись захваты гравитационных решеток крейсера. Они должны были ввести наше судно в один из шлюзов.

– Приготовиться!

Присев около двери, я надел шлем. Как часть диверсионного снаряжения шлем не требовал участия человека при своей регулировке. Он автоматически подстраивался под яркость внешнего освещения и его тип, и выводил изображение на внутреннюю часть забрала в том свете, который был наиболее эффективен. На изображении была также метка, показывающая, куда попадет пуля из основного оружия. Прицеливание осуществлялось только наведением оси ствола на цель. Дальше можно было уже стрелять. В полевом бою, где нужна высокая точность, такой прицел не подошел бы, но в узких коридорах корабля он был в самый раз. Он имел еще одно преимущество перед общевойсковым лазерным целеуказателем: не было демаскирующей лазерной точки. Я навел оружие на Виталия. Метка стала зеленой. Так прицел реагировал на своих. Красный цвет метки означал противника, белый – уничтоженные объекты, синий – нейтральные объекты, а желтый пустые транспортные средства и боевые машины.

Главный экран показывал один из шлюзов изнутри. Я послал мысль:

– Это двенадцатый шлюз. Нам повезло. Он самый ближний к двигателям. Путь от него до двигательного отсека – пара минут. Пройдем до лифта в сторону кормы, оттуда – вниз на одну палубу и до конца главного коридора опять же в сторону кормы. Там мощная дверь. Ее подорвем с помощью взрывчатки. Дальше действуем по обстоятельствам.

Первые ворота шлюза закрылись. Начал нагнетаться воздух. К счастью, вситы дышали воздухом почти того же состава, что и наш, поэтому нам не пришлось брать кислородные маски. Вторые ворота открылись. Вошли несколько вситов. Они спешили к капсуле.

– Готовность три секунды. Укладываем всех и бежим в коридор. Нужно добраться до лифта прежде, чем они активизируют автономные защитные пушки.

– Понятно, – ответил Виталий.

– Пошли! – я толкнул дверь, и она ушла вниз.

Перекувыркнувшись через левое плечо, я одним лучом срезал двух солдат и техника, оказавшегося рядом. Азелика успела снять охрану у двери. Виталий сжег тех вситов, которые направлялись ко входу в капсулу.

– Живо к лифту. Я прикрою, – вылетев в коридор, я присел на колено. Вситов не было видно.

Позади меня пронеслись Азелика с Виталием. Через несколько секунд за спиной послышались выстрелы «Аллигаторов» и звуки падающих тел вситов.

– Командир! – это была Азелика. – Мы у лифта, двигайтесь к нам. Мы прикроем!

Я развернулся и побежал в их сторону. Впереди виднелись мои бойцы. Азелика держала под прицелом часть коридора, откуда мы пришли, а Виталий залег с другой стороны.

– Отлично, все в лифт!

Внезапно по нам открыли огонь две охранные пушки. Я быстро снял одну, а Азелика разделалась с другой.

– Они успели включить охранную систему! – доложил в мыслеэфире Виталий. – По правому обходному коридору к нам направляются два робота охраны и пехотинцы!

Словно в подтверждение его слов, в стену врезались несколько лучей тяжелого лазера.

– Быстро сработали, гады! Спускаемся! – я толкнул Азелику в лифт. За ней в кабину заскочил Виталий.

Левой рукой я сорвал с пояса две сенсорных гранаты, активировал их и, высунувшись из-за поворота во вспомогательный коридор, швырнул обе гранаты навстречу наступающим. С небольшим интервалом прозвучали четыре взрыва. Я с удовлетворением отметил, что гранаты потрачены не зря. Два взрыва дали они и еще два – роботы, получившие фатальные повреждения. Лифт поехал вниз.

Как только створки раскрылись, мы выскочили и заняли оборонительные позиции. Несколько пушек вновь открыли огонь, но были уничтожены через несколько секунд.

– Виталий, прикрывай. Сторожи лифт. Азелика, со мной.

Мы побежали к мощной двери, которой оканчивался коридор. Из одного вспомогательного бокового перехода в стену ударил луч. Я остановился и выглянул. Посреди коридора стоял одинокий всит в форме технического персонала. Молодец, не испугался! Я создал на ладонях магнитное поле и вырвал лазер из рук противника. Всит продолжал ошарашенно стоять. Я дал очередь рядом с его ногами. Он повернулся и побежал прочь. Азелика вскинула оружие и срезала убежавшего противника. Перед дверью я остановился.

– Будем взрывать, – сказал я в мыслеэфире. – Но тут нужно не меньше четырех зарядов.

Азелика протянула свою взрывчатку. Я уложил блоки у основания двери. Всю дверь таким количеством не вынести, но проделать проход хватит. Мы отбежали за поворот.

– Виталь, спрячься в лифт, сейчас будет немного жарко, – приказала Азелика.

Я нажал на кнопку детонатора. От взрыва заложило уши. По основному коридору пронеслась стена огня, часть ее попала и в нашу сторону, но шлемы и комбинезоны надежно защищали от высокой температуры. Когда огонь утих, я выглянул из укрытия, и мимо моей головы пролетел сгусток плазмы, а из дыры в двери показался охранный робот вситов. Он представлял собой два метровых броневых «блюдца», по соединению которых проходил узкий пояс с датчиками и оружием. Передвигался робот с помощью антиграва.

За роботом из пробоины высыпало десятка два вситов, которые тут же обстреляли меня. Я укрылся за поворотом.

– Виталий, из двери показались вситские бойцы и робот. Скрывайся в лифте. Держись любой ценой. Мы попытаемся пробиться к двигателям. Ты меня понял?

В мыслеэфире была тишина.

– Виталий, отвечай!

Тишина. Либо ранен, либо убит. Если ранен, то нельзя его бросать. Если убит, то лифт остался без защиты, а он нам еще понадобится.

– Азелика, прикрой меня, я попытаюсь прорваться к Виталию. Главное – уничтожь робота.

Выскочив из-за поворота я дал несколько лучей в гущу вситов. Робот мгновенно ответил сгустками плазмы. Я бежал в сторону лифта, постоянно меняя темп и структуру движения. Это очень выматывало. Добежав до поворота в обходной коридор, я остановился. Можно было передохнуть.

От метких попаданий Азелики погибло уже около десятка вситов. Но робот уверенно двигался вперед и открывал огонь по девушке, каждый раз, когда она высывалась из-за поворота.

Я вновь выскочил и побежал к лифту. Издалека было видно, что Виталию здорово досталось. Он лежал в луже крови, биопередатчик был разбит. Я вбежал в лифт и втащил бойца за собой. За спиной гроыхнул взрыв, и обломки подбитого Азеликой робота перегородили проход наступающей группе вситов.

Перевернув парня на спину, я осмотрел рану. Заряд плазмы угодил под правую ключицу. Бойцу еще повезло, часть удара приняли на себя жилет и комбинезон. Попади этот заряд в лицо, и никакой шлем бы не спас. Достав аптечку, я вынул из нее несколько ампул с восполнителем – органической жидкостью на основе стромальных клеток. Модифицированные и концентрированные, они в считанные секунды восполняли поврежденные ткани. Вылив четыре ампулы в рану, я спрятал аптечку и похлопал Виталия по щекам:

– Очнись!

– Меня, кажется, зацепило, – боец открыл глаза. Восполнитель работал безотказно, да и программа «диверсант» концентрировала силы организма на восстановление поврежденных тканей.

– Идти сможешь?

– Думаю, что смогу.

– Хорошо, пробиваемся к Азелике.

– А лифт?

– Ты не в состоянии сейчас защитить его, а я остаться не могу, поскольку Азелика одна там не справится. Так что найдем другой.

Я выскочил из лифта и, присев на колено, дал длинную очередь. В глубине коридора вситы пытались преодолеть завал из обломков робота. Несколько бойцов уже перелезли, но мои выстрелы срезали их.

– Пошли, Виталий!

Парень неуверенно, но довольно быстро пробежал до первого поворота и залег, прикрывая меня. Я рванулся вперед. Мощный взрыв в конце коридора заставил меня взглянуть туда. Судя по всему, вситы решили не церемониться с подбитым роботом и взорвали его. Я заметил, что верхнее «блюдец», сорванное взрывом, летит на нас и, рухнув на пол, крикнул Виталию:

– Пригнись!

К счастью, парень среагировал быстро, и диск пролетел над его головой. А, секундой позже, и над моей.

– Вперед!

Вситы, подрывая робота, должны были спрятаться в двигательном отсеке. Этим я и спешил воспользоваться.

– Азелика, беги к двери. Жди нас. Но сама не атакуй!

– Понятно.

Впереди мелькнул комбинезон девушки, и через несколько секунд она залегла у остатков двери. Вскоре мы были там же.

– Лифт мы потеряли, Азелика, – сказал я вслух. – Виталий, как видишь, жив, но он пока не боец. Сейчас атакуем. Много их там?

– Да нет. Штук двадцать. Причем половина – техники.

– Отлично, – я подполз ближе к пробитому взрывчаткой отверстию. – Виталий, прикрывай. Просто лежи здесь и уничтожай всех, кто появится в коридоре.

Вытащив гранату, я сорвал чеку и поудобнее перехватил оружие.

– Пригните головы! – граната полетела в пробоину.

Раздался взрыв, и я рванул в отсек. Вситы явно не ожидали такого поворота событий. Только что атаковали они, а теперь атаковали их. Двигательный отсек представлял собой зал длиной около сорока и шириной около двадцати метров. В каждом углу зала находилось по мощной двигательной установке, а по центру тянулась цепочка столов с компьютерами.

Азелика не ошиблась в подсчете противников, однако она недосмотрела двух роботов у дальней стены. Судя по тому, что «пояса», соединяющие блюда, не горели, роботы были выключены. Это заметил и один из вситов-техников, который рванулся к пультам. Азелика не успела срезать его, и он нажал на несколько кнопок, прежде чем был убит. Остальные вситы оказали вялое сопротивление. Несколько лучей из их лазеров, пролетели в стороне от нас. Мы быстро прикончили всех противников, но тут открыл огонь робот. Я схватил Азелику за плечо и побежал за одну из силовых установок. Совсем рядом пролетели сгустки плазмы. Мы оказались практически отрезанными от выхода.

Нужно было что-то придумать. Робота можно уничтожить только взрывом, но такой взрыв выведет из строя и часть установок. А при повреждении установок включалась автоматическая охранная система, которая буквально выжигала весь зал. Я планировал перебить охрану и с порога расстрелять установки, а потом спрятаться в боковом коридоре. Но даже самые лучшие планы...

– Что будем делать? – спросила Азелика. В ее голубых глазах не было ни тени страха.

– Есть идея, – я тихонько выглянул из-за установки.

Робот видел меня, но не стрелял. Дело в том, что он управлялся главным корабельным компьютером, который не мог приказывать ему стрелять в собственные двигатели. Расстояние между установкой и стеной было менее метра, поэтому робот не только не мог проникнуть туда, но даже занять позицию более удобную для ведения огня. Я убедился, что стрелять он не собирается, создал с помощью имплантов, вшитых под кожей запястий, мощное магнитное поле и направил его на робота. Он никак не отреагировал. Когда поле прочно захватило робота, я поднял его над полом. Он закрутился на месте, пытаясь понять, что происходит. Но я уже развернул его к стене, лишая возможности прицелиться в нас.

– Азелика, по моей команде расстреляй все установки и выбегай.

– А вы?

– Я разберусь. Готова?

Девушка шагнула к двери и прицелилась в дальнюю установку. Я встал рядом с Азеликой, продолжая удерживать робота.

– Готова, – сказала она.

– Огонь!

Через мгновение луч «Аллигатора» разнес установку. В потолке начали открываться стволы стационарных огнеметов. Им были необходимы считанные секунды, чтобы изготавиться к стрельбе и окатить нас струями напалма. Но Азелика не мешкала. Она быстро расправилась с оставшимися установками и выскочила в коридор. Тут же послышался крик Виталия:

– Противник!

Я нырнул в отверстие в двери и изменил конфигурацию поля так, чтобы робот своим корпусом перекрыл вход. Теперь от шквала огня нас защищала двухсантиметровая броня робота. Часть огня прошла сквозь зазор между корпусом робота и краями пробоины. Но это было не опасно.

А в коридоре уже шел бой. Из боковых проходов выскакивали вситские десантники и тут же залегали под нашим шквальным огнем. Вдруг из-за ближайшего поворота выбежали несколько бойцов в тяжелых боевых скафандрах и с бронежилетами в руках. Это было действительно опасно. Они могли под прикрытием щитов подобраться к нам, а потом задавить числом в рукопашной схватке.

– Огонь по центру! – скомандовал я.

Три луча ударили в щит, находившийся в центре коридора, и пробили в нем, как и в укрывавшемся за ним всите, дыру. Но этого было мало. Новые противники закрыли образовавшуюся брешь.

– Азелика, посмотри, где ближайший лифт! – крикнул я девушке.

– Самый ближний тот, который мы оставили, – сказала она, включив голографическую карту крейсера. – Но в двигательном отсеке есть специальный капитанский лифт.

– И куда он ведет? – я швырнул гранату в гущу вситов. Часть противников погибла при взрыве, и волна нападающих слегка отхлынула.

– В капитанскую рубку, конечно.

– Воспользуемся им.

– После уничтожения двигателей там ставится защита, чтобы противник не попал в рубку.

– Сколько времени нужно для ее ликвидации? – я швырнул еще одну гранату, понимая, что долго так продолжаться не может.

– Трудно сказать. В лучшем случае двадцать минут, – пролетевший мимо нас луч ясно показал, что этих минут у нас нет.

– Но там же бронедвери, – подал голос Виталий. – Давайте их вынесем взрывчаткой.

– Лифт сразу самоуничтожится, это вторая ступень защиты. Нужно влезть в бортовой компьютер и отсечь эту часть корабля от бортовой охранной системы. Тогда двери можно будет открыть. Другого выхода нет.

– Иди, Азелика, у тебя десять минут.

– Командир, уберите этого робота! – сказала она в мыслеэфире.

Я обнаружил, что до сих пор держу робота в воздухе и, переменив направление поля, бросил его на кучу врагов. Тяжелый диск пролетел метров десять, сминая нападающих.

– Получите, гады! – крикнул Виталий.

Азелика нырнула в отсек. После огненного шквала стены были оплавлены, но температура уже не представляла угрозы.

– Ладно, Виталий, нам нужно продержаться десять минут.

– Продержимся.

Вситы снова пошли в атаку. На этот раз вместо бронешитов они закрывались коллективным силовым полем, генератор которого нес один из бойцов. Оно было отрегулировано таким образом, что не пропускало ни материю, ни энергию: вситы боялись как гранат, так и лучей наших лазеров.

– Азелика, поторопись! Возможно, нам придется немного подраться в рукопашной, – я закрепил штык-нож на «Аллигаторе». – Виталий, пока скройся в отсеке.

– Вы что, один против этих? – он кивнул в сторону приближающихся вситов.

– Да, один. Быстро лезь в отсек. С твоей раной пока еще ты в рукопашной мне не помощник.

Боец неохотно нырнул в дыру. Я встал в полный рост и перехватил оружие поудобнее. Вситы подошли на пять метров и на секунду остановились. Как по команде они выхватили из ножен боевые ножи. Поле отключилось.

И началось.

На меня рванулись несколько вситов из первого ряда. Я встретил первого штыком в живот. Вытащив лезвие, сместившись вбок, врезал прикладом винтовки в челюсть противнику, который наступал слева. Возвратное движение приклада вывело из строя всита справа. Но врагов не останавливали эти потери. Несколько вситов рванулись на меня слева и справа. Отступив, я прочертил длинную дугу штыком, которой срезал сразу четырех. Остальные перегруппировались и ринулись в атаку. Я успел заколоть одного, но сразу три противника налетели на меня. Сильный удар в грудь едва не сбил меня с ног, и тут же послышался звук ломающегося ножа. Кто-то из вситов лишился оружия. Мой приклад описал дугу, и еще один всит упал с раздробленным черепом. Последний из нападавших попытался нанести прямой рубящий удар сверху вниз, но я выставил винтовку и, сместившись вправо вперед, врезал прикладом под ребра противнику. Он охнул и упал. Уцелевшие бросились бежать. Их было чуть менее

десятка. Я нагнал одного и вогнал штык ему прямо в спину. Всит обмяк. Когда оставшиеся в живых скрылись за поворотом, я развернулся и крикнул:

– Виталий, можешь возвращаться.

– Все закончилось? – спросил боец, выбираясь из дыры. Он удивленно оглядел следы побоища. Весь пол впереди был забрызган светло-красной кровью вситов.

– Да. По крайней мере в рукопашную они больше не сунутся. Азелика, что у тебя? – последнее было сказано в мыслеэфире.

– Все нормально. Еще пара минут, и готово.

– Отл... – я только собирался похвалить девушку, как увидел в конце коридора еще нескольких роботов. – Виталий, отступаем в отсек.

Когда мы залегли у дыры с обратной стороны двери, я еще раз пересчитал роботов. Семь штук. Такое количество можно остановить только с помощью гранатомета. В этот раз роботы шли без поддержки вситов. Неудивительно. По моим подсчетам выходило, что мы уничтожили не меньше полусотни противников. А сколько у них роботов?

– Азелика, ты не знаешь, сколько охранных роботов обычно находится на таком корабле?

– Двенадцать штук.

– Ого, выходит, они весь свой резерв бросили на нас.

– Боятся, – прокомментировал Виталий. – Может, взрывчаткой?

– Пока сэкономим. Азелика, ну сколько можно копать?

– Готово, командир.

– Отлично. Виталий, к лифту.

Я помог парню подняться, и тут мой взгляд упал на отключенного робота, того, которого не успел активировать всит. Подбежав к мини-компьютеру, который Азелика подключила к информационной системе корабля, я быстро нашел нужное. Это был блок охраны. Отключить его не представлялось возможным в такие сроки, поэтому я слегка подкорректировал программу, запустив машину с заданием уничтожать вситов и охранных роботов. Закончив с этим, я проводил взлетевшее «блюдец» взглядом, пока оно двигалось к двери, и скрылся в лифте.

– Итак, куда мы попадем? – спросил я, когда кабина поехала вверх.

– В капитанскую рубку, – ответила Азелика.

– Что, прямо в рубку?

– Прямо. Этот лифт предназначен для экстренных случаев.

– Понятно. Тогда действуем так. Когда двери откроются, выбегаем и берем на прицел вситов. Там находится высшее начальство этого корабля, поэтому стрелять они вряд ли будут. Виталий, ты бери на себя пульт огневого контроля, Азелика, на тебе командир корабля и пилоты. А я займусь связью.

– Так мы что, вызовем корабли до того, как подавим боевые системы?

– Придется.

– Но... – Виталий хотел что-то возразить, однако двери уже раскрылись, и мы с Азеликой вылетели из лифта.

Никто из вситов не успел ничего сделать, а мы уже держали под прицелом всю рубку. Я окинул взглядом помещение. Всего около дюжины вситов. Капитан, два пилота, двое связистов, четверо артиллеристов, один за пультом инженерной поддержки и двое в разных концах рубки, видимо, адъютанты.

– Корабль захвачен, – сказал я по-вситски. – Любой, кто действием или бездействием откажется подчиниться, будет расстрелян на месте. Повторять не буду. Никому не вставать с мест, не двигаться, не говорить, пока к вам не обратятся. Ваш корабль незаконно вторгся в территориальное пространство Звездной Федерации. В целях вашей и нашей безопасности прошу немедленно наладить связь с авианосцем Федерального Флота «Княгиня Ольга», кото-

рый находится в этом же квадрате, а также отдать приказ вашему экипажу сложить оружие и сдаться.

Воцарилось молчание. Через несколько секунд один из адъютантов повернулся ко мне и произнес:

– А если мы не подчинимся... – это были последние слова всита. Выстрел Азелики пробил ему грудь.

– Мы предупреждали, – повторил я. – Не говорить, пока к вам не обратятся.

Вновь молчание. Я краем глаза увидел, что мой «Аллигатор» поврежден – индикатор мощности не горел. Судя по всему, когда мне пришлось парировать удар всита в рукопашной, его нож пробил кожух винтовки и разбил газовую капсулу. Я прислонил винтовку к стене и, вытащив пистолет, направился к пульту связи.

– Налаживай связь с авианосцем! Живо! – ствол «ТТБ» уперся в висок одного из связистов.

– Мы не знаем, где он... – начал всит, но 9,9-мм пуля снесла ему половину черепа.

– Я не спрашивал, знаете вы или нет. Был приказ установить связь. И пошли сигнал о нашем местоположении, – я направил оружие на второго всита. – Когда сделаешь, молча протяни мне микрофон. И не надо дурить, вы наверняка вели наш корабль от самого его появления в этом квадрате.

Нарочитая жестокость, с которой мы действовали, должна была подавить пленных. Два трупа за десять секунд нашего пребывания в рубке убедили их в серьезности наших намерений. Через несколько секунд связист дрожащей рукой протянул микрофон мне.

– Шолохов на связи, – сказал я, взяв микрофон. – Повторяю, Шолохов на связи.

– Говорит «Княгиня Ольга», – послышался ответ. – Мы засекли корабль. Готовы к высадке десанта.

– Принял...

Боковым зрением я заметил, что всит, сидящий за инженерным пультом, потянулся к моей винтовке, прислоненной к стене. Не отрываясь от микрофона, я вскинул пистолет и прострелил ему голову.

– ...Приступайте. Только учтите, все их боевые системы еще функционируют. Будьте осторожны!

– Понял. Что у вас за стрельба?

– Все нормально. Часть военнопленных ослушалась приказа. Пришлось применить физические меры воздействия. Конец связи, – я бросил микрофон обратно на пульт и вновь перешел на вситский: – Капитан, немедленно прикажите своим подчиненным сложить оружие.

Я подошел к креслу капитана. Азелика отошла на мое прежнее место. Нажав на несколько кнопок на пульте перед вситом, я протянул ему микрофон.

– Прикажите своим людям сложить оружие, – повторил я.

Он молчал и смотрел на меня глазами, полными бессильной ненависти.

– Не хотите? Мы спешим, поэтому не могу вам дать на размышление больше четырех секунд. – Всит даже не потянулся к микрофону. Все это время ствол моего пистолета был направлен ему в висок. – Четыре. Три. Две. Одна. Предупреждаю, гибелью вы не принесете пользы ни себе, ни своим людям. Несколькими минутами раньше или позже этот корабль окажется в наших руках. Не хотите?

«ТТБ» в третий раз дернулся в моих руках. Тело капитана упало на приборную доску. Я подошел к креслу первого помощника.

– Итак, требование то же. Микрофон подготовьте самостоятельно. Но предупреждаю, нажмете хоть на одну лишнюю кнопку, и вас постигнет участь капитана. Я знаю, что по вашим уставам такой приказ прекратить сопротивление может отдать только капитан корабля. Так вот прежний капитан мертв, и вы номинально являетесь новым.

Всит взял микрофон и поднес к губам.

– И учтите, я знаю вситский достаточно, чтобы понять, что вы прикажете.

– Говорит первый помощник Гтзео Прал, – сказал всит. – Наш корабль захвачен земными вооруженными силами. Приказываю всем оставить свои боевые посты и явиться... – всит посмотрел на меня.

– В главный десантный зал, – подсказал я.

– И явиться в главный десантный зал без оружия. Вскоре подойдут челноки с земными десанниками. Не оказывайте им сопротивления.

– Отлично. Теперь оставайтесь на своих местах.

Я двумя выстрелами разнес главный пульт, потом то же самое сделал со связным, огненным и инженерным пультами. Сменив обойму, я подошел к двери, открыл ее и врезал рукояткой пистолета по щитку регулировки открытия.

– Уходим, ребята, – сказал я своим и добавил по-вситски: – Оставайтесь в рубке. За вами придут.

Мы вышли, и, закрыв дверь, я разбил пульт и с этой стороны.

– Думаете, экипаж послушается? – спросила Азелика.

– Вряд ли. Часть, конечно, подчинится, но остальные будут сражаться.

– Куда мы сейчас?

– На оружейную палубу. Нужно вывести из строя генератор, чтобы помочь нашим.

– Согласна. Кстати, командир, возьмите, – Азелика достала запасную обойму к пистолету и протянула мне, – а то вы совсем без оружия.

– Спасибо.

Виталий тоже отдал мне запасные патроны. Через несколько секунд мы уже спускались на лифте на нужную палубу.

– Как действуем в этот раз?

– Они наверняка заняты боем с нашими челноками и не окажут серьезного сопротивления. Просто прорываемся к генератору и уничтожаем всех, кто попадется на пути. Помните планировку палубы?

– Честно говоря, не очень, – сказал Виталий и виновато улыбнулся. – После этого взрыва все из головы повывлетало.

– Тогда слушай. Вся переднюю часть занимает носовой торпедный отсек. За ним идет отсек передних башенных установок. Дальше генераторный зал, потом поперечный переходной коридор. За ним отсек задней башенной установки. Потом кормовой торпедный отсек. Мы окажемся прямо перед входом в генераторный зал. Как правило, там находится до тридцати вситов. Однако сейчас зал наверняка превращен в опорный пункт. Нам нужно уничтожить генератор в дальнем конце зала. Пустим в ход все, что есть. Сколько у вас гранат?

– У меня шесть, полный комплект, – ответил Виталий.

– У меня пять, – Азелика пересчитала боекомплект.

– Так. У меня всего две. Подорвем дверь, а там закидаем их оставшимися гранатами.

Мы вышли из лифта. Переходной коридор был пуст. Виталий занялся минированием двери, а мы с Азеликой взяли под прицел концы коридора.

– Готово, – наконец сообщил Виталий.

Спрятавшись за поворотом, мы подорвали взрывчатку и стали продвигаться к пробитой двери. Несколько вситов попались нам навстречу, но были тут же срезаны огнем. Когда мы достигли входа, я выглянул из-за поворота и был неприятно удивлен количеством вситов, оборонявших зал. За внушительным завалом расположилось около сотни противников. В четырех местах я заметил тяжелые лучеметы.

– Забросать гранатами, говорите? – сказала Азелика, тоже выглянувшая из-за угла.

– Сам вижу, что не получится. Все-таки придется выводить из строя вооружение по отдельности. Сначала займемся залом передних башенных установок.

Вдруг послышался сильный удар, и корпус корабля содрогнулся.

– Слышите? – прокомментировал я. – Наши штормовые челноки стыкуются с кораблем.

Вновь вернувшись к повороту, мы увидели то, чего меньше всего ожидали увидеть. Со стороны кормового торпедного отсека на нас неслись около полусотни вситов. Это было не наступление, это было бегство. Их по пятам преследовали два десятка десантников, с ходу ударивших в штыки.

– Огонь! – скомандовал я и, вытащив пистолет, начал стрелять.

Передние ряды отступающих вситов заметили нас, когда несколько противников упали от наших выстрелов. Но этого было слишком мало. Передние вситы пытались остановиться, но задние толкали их вперед. Началась давка. В эту кучу на полном ходу врезались десантники. Гонимая страхом перед штыковым боем толпа все еще двигалась вперед.

У меня кончились патроны, и я, вложив пистолет в кобуру, вытащил штык-нож, предусмотрительно снятый с «Аллигатора» еще в капитанской рубке. Через несколько секунд вситы наткнулись на нас. Большинство из них даже не пытались сопротивляться, они просто бежали вперед. Зажатые между десанниками и нами, вситы превратились из организованной боевой единицы в стадо, предназначенное на убой. С подобным я всегда боролся в нашей армии и предпочитал застрелить сто паникеров, чем погубить тысячу бойцов, позволив им превратиться в такое же стадо.

Вскоре со вситами было покончено. Один из десантников в пылу боя замахнулся на Азелику, но она ловко перехватила приклад его оружия и, прижав бойца к стенке, заорала:

– Свой!

– Извини, – десантник открыл забрало. – Лихо вы их.

– Да, стараемся, – я расстегнул ремешок на подбородке и снял шлем. Десантники узнали меня и вытянулись по стойке «смирно». – Вольно, ребята. Сколько наших на борту?

– Две роты, товарищ маршал.

– Собирайте всех здесь, похоже, что в генераторном зале сконцентрированы основные силы вситов. Их нужно либо взять в плен, либо уничтожить.

– Есть, товарищ маршал! – четко ответил десантник. – Но мы управимся сами. Пожалуйста, пройдите на наш челнок.

– Чего? – Азелика удивленно уставилась на десантника.

– Командиры кораблей получили личный приказ Президента Суворова, – десантник смерил Азелику насмешливым взглядом. – Велено после обнаружения направить вас на наш корабль.

– Мы все это сделали, чтобы вы закончили операцию без нас? – весело спросил я у десантника. – Нет, милейший, мы пришли первыми и уйдем последними. А сейчас хватит разговаривать, пора за дело. У вас есть тяжелое вооружение?

– Есть. Пара ракетных установок «АТ-40».

– Отлично. Они там, видимо, настроились на длительную перестрелку. А мы их штыковым ударом. Я вижу, вы неплохо обращаетесь со штыком.

– Так точно. Школа генерала Коновалова. Шесть лет командовал ротой его охраны.

– А потом?

– Попросил перевести. Скучновато.

– Ладно, сейчас развлечемся, – я махнул рукой, и мы двинулись к отсеку. – Там засело около сотни вситов. У них есть как минимум четыре станковых лучемета. Нужно разнести их, а потом снесем вситов штыковой атакой. Кстати, есть у кого-нибудь лишний автомат?

– Держите! – один из ракетчиков подал мне «АК-1000».

Подойдя к пробитому отверстию, мы расположились так, чтобы быстро ворваться внутрь. Я указал ракетчикам цели.

– Готовы? – я посмотрел на бойцов, они кивнули. – Вперед!

Синхронно выскочив из-за укрытий, ракетчики уничтожили первую пару лучеметов, а через несколько секунд и вторую. Сделав это, они отскочили в стороны, чтобы не загоразивать проход.

– Ура! – я влетел в зал, за мной ринулись остальные бойцы.

Вситы пытались отстреливаться, но это не имело значения. Потому что не было защиты от русской штыковой атаки. Я вскочил на баррикаду, устроенную вситами, и обрушил приклад на голову первого попавшегося противника. С громким хрустом череп всита проломился. Я вогнал штык в живот следующему врагу и спрыгнул с завала. Один всит попытался отбежать, но не успел и был сражен моим штыком. Несколько противников бросились на меня, но они больше мешали друг другу. Постоянно перемещаясь, я вывел из строя трех вситов, и остальные предпочли отступить.

Рядом со мной сразу пять вситов атаковали с разных сторон десантника, разговаривавшего с нами. Я применил здесь один из моих любимых приемов ближнего боя: шагнул вперед, одновременно нанося удар прикладом снизу вверх. Всит упал, а я, завершая комбинацию, опустил приклад на голову другого противника. Еще один враг появился слева, и мой приклад проломил его грудь. Тем временем десантник разделался с двумя оставшимися.

Несмотря на пятикратное превосходство, вситы быстро сдались. Мы взяли в плен около сорока противников, остальные были уничтожены. Наши потери составили только пять бойцов ранеными.

– Ну как тебе, Азелика? – я присел на завал рядом с девушкой. Это было единственное чистое место в зале, потому что весь пол был залит кровью вситов.

– Да, такому в Академии не учат.

– И тем не менее, ты отлично справилась. Скольких записала на свой счет?

– Двенадцать, – тихо ответила девушка.

– Ого! – воскликнул я. – Мне удалось только девять.

– Кстати, товарищ маршал, вы ошиблись. Нам понадобилось только полчаса.

– Да? – удивился я и посмотрел на часы. – Действительно, сейчас 03:43. А состыковались с крейсером в 03:14. В бою невероятно прессуется время.

Подождал десантник.

– Товарищ маршал, сейчас вы уже можете идти на наш челнок?

– Думаю, да. Основные силы вситов разбиты.

– Отлично, а то командир авианосца меня вообще разжалует за то, что я позволил вам участвовать в этом бою.

– А что ты мог сделать? Вежливо заломить руки и погнать с вооруженной охраной? Это маршала-то? Да к тому же «бессмертного»?

– Да, вы правы, – смутился десантник.

– Виталий, Азелика. Поднимайтесь. Мы летим домой.

03:57:11.

– Командир, – сказала Азелика, когда мы, устроившись в одной из свободных офицерских кают «Княгини Ольги», наслаждались ранним завтраком или поздним ужином, – мы ведь не подумали, как попадем на Землю. Корабли уйдут отсюда только после того, как подойдет буксир с Плутона и отведет крейсер на нашу базу. А это пара часов минимум.

– Это ты верно сказала, – я отхлебнул из ложки мое любимое блюдо – окрошку. – Но у меня есть идея. Если получится, то мы будем на Земле через двадцать минут.

– Что за идея? – поинтересовался Виталий.

– Сейчас увидишь, – я дохлебал крошку и сел перед пультом связи. Набрал номер экстренной связи с Генштабом, я ввел свой личный код – не всякий мог так просто позвонить в главный КП Федерации. На экране появился Суворов.

– О, наши герои! – воскликнул Президент. – Все живы-здоровы? Как лейтенанты Афоненко и Николаев?

– Вы уже знаете их по фамилиям! Ну, в общем, все живы и почти здоровы, – ответил я, имея в виду ранение Виталия.

– Отлично, отлично. Ну, как же не знать. Мне как сообщили, что ты улетел, я сразу навел справки – с кем. И выяснил, кого ты втянул в очередную авантюру.

– Ну, если авантюрой можно назвать захват флагмана одной из главных эскадр вситского флота, то да. Кстати, я надеюсь, что по ордену и повышение в звании для товарищей лейтенантов гарантировано.

– Само собой. Да мы и тебе орден не забудем. Только вот повышать в звании тебя больше некуда, – Президент улыбнулся, но сразу посерьезнел. – Мне сообщили, что вы настолько испортили двигательные установки крейсера, что техники уже треть часа бьются, не могут наладить. А вситских техников вы перебили.

– Так получилось. Уничтожили мы действительно много. По моим прикидкам, не меньше двух сотен. Но нам сильно помогли десантники с крейсера.

– Помогли-то помогли. Но вы и сами не лыком шиты. Если быть точным, то 223 всита. По моим сведениям, лейтенант Николаев с ранением только в последней атаке уничтожил семерых. А лейтенант Афоненко вообще – двенадцать. Она, кстати, там?

– Так точно, товарищ Президент, – Азелика шагнула в зону обзора камеры.

– Отлично. Благодарю за отличную службу, товарищ лейтенант.

– Служу Федерации.

– Можете продолжать трапезу, Азелика, – заботливо добавил Президент.

– Откуда ты знаешь все это? Даже кто скольких прирезал, – спросил я.

– Положение обязывает. Ты, кстати, знаешь, сколько сейчас времени на Земле?

– Клонишь к тому, что поздно звоню? – я засмеялся.

– Нет. Если бы клонил, то скорее к тому, что рано. Просто сообщаю тебе, что не сплю. Все жду вестей. Сам, как видишь, на звонки отвечаю. Скоро ты меня вообще заставишь участвовать в своих операциях.

– Патроны подносить, да? – улыбнулся я. – Ладно, я чего звоню. Мы тут слегка застряли.

– Не понял? – Президент удивленно посмотрел на меня.

– Пока буксир подойдет с Плутона, это час как минимум. А там корабли будут сопровождать буксир с кораблем на Лунную базу. Это еще столько же.

– Ну и что?

– Ну, мы на одном из кораблей. На авианосце «Княгиня Ольга», если совсем точно.

– Понятно, значит, долго. Ну, пересаживайтесь на какой-нибудь корвет, пускай он вас доставит на Землю.

– Да чего корветы гонять. Две тысячи восьмисот человек ради нас троих.

– Ну, так чего ты хочешь?

– Можешь за нами прислать свою яхту?

– Ох, ну и аппетиты у тебя! – глаза Суворова округлились. – Хотя... Что не сделаешь для старого друга и лучшего бойца. Жди. Через пять минут будет.

– Спасибо, – я потянулся к кнопке отключения связи.

– Подожди, – остановил меня Президент. – Обещай, что яхту будет сажать мой пилот.

– Хорошо, хорошо, – я улыбнулся и выключил связь.

Бойцы уже справились со значительной частью того, что приготовил корабельный кок. Я взял пирожное и налил чаю из стоящего на столе термоса.

– Что он имел в виду, когда говорил про своего пилота? – спросила Азелика.

Я усмехнулся.

– Там целая история. Я пару лет назад выполнял одно задание на территории броффов. После выполнения мою капсулу подобрала боевая пограничная станция. Но получилось, что я оказался в самом дальнем уголке Федерации. Я обратился к Президенту с аналогичной просьбой. Он, конечно, согласился. Со мной был один боец. Он во время задания пилотировал капсулу. Надо сказать, пилот он отличный. Но имеет слабость. Любит выпить. Перелет через всю Федерацию даже на президентской яхте – дело не быстрое, я разрешил ему расслабиться. Он это понял по-своему. Совершил прямо-таки набег на камбуз яхты и вылакал все спиртное. Поскольку операция закончилась, само по себе это было не страшно. Но когда мы уже подлетали к Москве, ему приспичило показать свое летное искусство. Пришел в кабину, затеял практически драку с пилотом. И попытался посадить яхту одной рукой, потому что другой держал пилота. Я зашел в кабину, узнать, почему мы садимся на огромной скорости и под невероятным углом. Когда мне удалось оттащить его, мы были уже над крышей здания Генштаба. Пилот успел перехватить управление, но корабль уже практически сел. Причем сел на два дорогостоящих радара спутниковой связи. А кроме того повредили левый маршевый двигатель.

– Представляю, что сделали с этим пилотом, – сказала Азелика.

– Да ничего особенного. Мне удалось его выгородить. Но с тех пор Президент позволял мне пользоваться его яхтой, только когда я летел один. Сейчас вот первый случай за два года, когда он пустил на яхту со мной кого-то еще.

– Вот ребятам расскажу, как на президентской яхте летал, – мечтательно произнес Виталий. – Никто не поверит.

– Да ты лучше про нашу операцию расскажи. А еще лучше вообще ничего не говори, насколько я понимаю, этой информации присвоят статус секретной.

– И все-таки на «Чайке» полетать дорогого стоит.

Тут он был прав. Президентская яхта «Чайка» несмотря на свой возраст, уже успела стать легендарной. Она появилась у Суворова шесть лет назад. К тому моменту он уже три года исполнял обязанности Президента. Хотя «Чайка» была куплена на его личные деньги, да и платил команде он из своего кармана, корабль по праву мог считаться боевой единицей военного космического флота Федерации. Не считая небольших прогулочных рейсов, Президент не использовал яхту по личным нуждам ни разу. Но полетать ей довелось. Очень часто яхта выполняла функции посыльного корабля, когда нужно было доставить какой-нибудь приказ или информацию особой секретности. Несколько раз «Чайка» привлекалась для охраны кораблей послов других государств в Солнечной системе. А два раза даже участвовала в космическом бою. Один раз, когда Президент совершал инспекцию дальних станций Федерации. На эскадру напали несколько десятков истребителей и три пиратских корвета. Корабли эскорта вступили в бой, но силы были не равны. Яхта могла бежать, так как имела абсолютное преимущество в скорости. Но Президент приказал принять бой. В яхту попали, и артиллерист был ранен. Тогда Суворов лично сел за огневой пульт и точным огнем сбил восемнадцать истребителей, уничтожил один корвет и серьезно повредил другой. Благодаря этому эскорт потерял только один эсминец и девять истребителей, а корабли пиратов были уничтожены полностью. После этого бессменный капитан «Чайки», полковник Виктор Быстров, часто шутил, что в этом бою в его экипаже был Президент. Несмотря на то, что Суворов никогда не был военным и носил звание верховного главнокомандующего только из-за должности Президента, он был человеком отважным от природы. Этому, конечно, нигде не учат. Второй раз яхта сражалась с противником, когда пираты напали на корабль дипломатического представителя одной из независимых планет, входящих в состав Федерации. Это случилось недалеко от Солнечной системы, и «Чайка» прикрывала отход посла. Пираты, увлеченные боем, преследовали отступающих

до самого Заслона – боевой станции, созданной для защиты Солнечной системы, и умелыми маневрами капитан «Чайки» один за другим подставил пять пиратских фрегатов под мощные орудия станции.

Сама «Чайка» представляла собой довольно изящный корабль длиной около двадцати метров, шириной в пять, а высотой в четыре. Сделанный по спецзаказу корабль был выполнен в форме пикирующей чайки с прижатыми к телу крыльями. Крылья могли сдвигаться в позицию перпендикулярно корпусу, благодаря чему корабль мог при внутриатмосферных полетах экономить топливо, поддерживая судно в воздухе за счет аэродинамики, а не вертикальных реактивных струй. Кроме того, крылья содержали значительное количество вооружения: шесть счетверенных пусковых установок ракет, две сдвоенные автоматические пушечные установки калибра 230-мм. Остальное оружие составляли двуствольная лазерная пушка под головой чайки и выдвижной четырехтрубный торпедный аппарат у основания шеи. Таким образом по огневой мощи «Чайка» соответствовала легкому крейсеру. По быстроходности яхта превосходила лучшие разведкорабли. Во время одного перехода «Чайке» удалось преодолеть рекорд скорости для кораблей Федерации. А о живучести «Чайки» вообще ходили легенды. Три независимых генератора силовых щитов делали яхту практически неуязвимой. Дублированная двигательная система обеспечивала «Чайке» полную скорость хода, даже при уничтожении одной из них.

– Товарищ маршал, – в дверь вошел пилот с нашивками первого помощника. – За вами и вашими людьми прибыла президентская яхта «Чайка». Она ждет вас в восьмом шлюзе.

– Понятно. Ну, пошли, ребята, – сказал я. – Пора домой.

Корабль возвышался посреди шлюза, сверкая броней обшивки. Трап был спущен. Когда мы подошли к кораблю, на трап вышел полковник Быстров.

– Товарищ маршал, – сказал он, – надеюсь, в этот раз ваши спутники не пожелают сажать мою красавицу.

– Можете быть спокойны, полковник. Для этого мы слишком устали.

Глава 3

На рассвете Четвертой Межзвездной

14:41:13. 14.07.3282 года. Лунная база.

Пробуждение не было приятным. Я открыл глаза и долго смотрел в потолок. После боя я так устал, что заснул в одежде, сняв только сапоги и бронежилет. Несмотря на это, удалось нормально выспаться. В других обстоятельствах следовало бы радоваться отлично проведенной операции и тому, что мы никого не потеряли. Но я помнил, что этот бой был лишь легкой разминкой перед тем, что нам предстояло меньше чем через десять часов.

Несколько минут я пролежал, вспоминая события, произошедшие после прилета в Генштаб. Поздравления Президента, короткая торжественная церемония. Мне вручили орден «Двуглавый орел», высшую награду Федерации. Это был уже восьмой орел на моем мундире. Поэтому для меня награждение не было чем-то особенным. Но для Азелики и Виталия это был звездный час. Чего могут еще пожелать молодые патриоты Федерации? Они, получив по высшей награде из рук самого Суворова, сразу стали майорами. Надеюсь, что это только начало их пути.

Перевернувшись набок, я дотянулся до тумбочки и взял с нее коробку с орденом. Открыв ее, вынул награду и посмотрел на «Орла». Это был герб Руси, России, а потом Федерации, уже на протяжении двух тысяч лет. Однако орел Федерации несколько отличался от орла России. В лапах вместо скипетра и державы он держал длинные прямые мечи. Отсутствовали короны, а на щите на груди орла была чернота, символизирующая космос, и белые точки – звезды. Выполненный из чистого золота орел был невероятно красив. В глаза его обеих голов были вставлены небольшие рубины, между перьями сверкала россыпь мелких бриллиантов. Лезвия мечей были покрыты темным серебром, а эфесы инкрустированы изумрудами. Щит представлял собой пластину из черного алмаза с инкрустацией обычными бесцветными.

Положив награду в коробку, я встал. Надо было что-то делать. Так просто сидеть на одном месте не в моем стиле. Станция прибудет не раньше шестнадцати тридцати. Ладно, читаем что-нибудь. Я подошел к книжной полке. У меня собрана небольшая коллекция книг, которые я предпочитал читать не на экране компьютера, а в оригинале. В основном, это были книги по военной истории, несколько классических произведений, документальные книги о великих полководцах прошлого, пара уставов, которые уже можно считать раритетами, Конституция Федерации. И все это располагалось без всякой систематики. Я скользнул глазами по полкам. «Воспоминания и размышления» маршала Жукова, «Мастер и Маргарита» Булгакова, «Наука побеждать» Александра Суворова, «Вне Земли» Циолковского, «Устав сухопутных войск 2040 года», «Оружие наших Побед» – энциклопедия по всей технике, которая применялась в войнах Федерации, «Разведка в космосе» генерала Фомина, «Завет павших» маршала Орлова. Я вытащил последнюю книгу. Это небольшое военно-философское исследование было написано маршалом в 2167 году, за два месяца до его гибели. Почти сразу «Завет павших» привлек внимание военных и многих гражданских. В этой книге с военной точностью и четкостью рассказывалось о месте армии в Федерации. Приводились примеры того, на какие жертвы шли славные сыновья и дочери Федерации во имя благополучия всех. В книге формулировались основные направления развития отношений между армией и обществом в далеком будущем. Главным выводом стало то, что в Галактике никогда не утихнут войны, и, если не будет армии, то Федерация погибнет. Это было своего рода ответом многим критикам, которые предлагали тогда распустить армию, так как уже больше девяноста лет не происходило ни одного конфликта. Но маршал Орлов оказался прав. Всего через шестнадцать дней после выхода книги разразилась Первая Межзвездная война. И маршал погиб через полтора

месяца после ее начала. Но его книга стала своего рода постулатом. В ней также описывалась социальная структура Федерации, в понимании маршала. Он считал, что для жизни Федерации необходимы три, скажем так, типа людей: политики и экономисты, которые делают возможным социальное развитие Федерации, ученые и инженеры, обеспечивающие движение вперед и материальное функционирование Федерации, и военные, защищающие Федерацию, подчас и от нее самой. Ко всем остальным у маршала было очень неприязненное отношение и, хотя в книге этого не сказано, их он считал лишь балластом на пути к процветанию Федерации.

И это не было пустыми декларациями. Орлов прямо указывал, что в армии Федерации служат лучшие люди, как в моральном, так и в физическом плане. И они, во имя существования Федерации, отдают свои жизни. В этом и был парадокс. Храбрые, чистые помыслами, физически сильные и здоровые люди гибнут. А спасая Федерацию, они спасают и тех, кто не отважился бы отдать свою жизнь за других. Тех, для кого сиюминутная выгода, деньги и собственное благополучие важнее друзей, любви, государства. И маршал предрекал, что конфликт между слоями общества неизбежен. Когда все эти обыватели забудут, благодаря кому они живут вообще и живут именно так, тогда названные им три типа людей объединятся и избавятся от балласта. И родится новая, жизнестойкая и готовая на самопожертвование нация. Но до этого момента много отважных мужчин и женщин погибнут за так называемое общее благо.

Лично я всегда руководствовался этой книгой в своих действиях. В моей работе мне несколько раз приходилось сталкиваться с владельцами крупных межпланетных корпораций. Такие корпорации рождались в периоды затишья и умирали в огне глобальных войн, в которых периодически участвовала Федерация. Люди, руководившие ими, имели деньги, их охраняли армии телохранителей. И они думали, что можно купить все на свете. Они считали, что «какой-то солдафон, возомнивший себя неизвестно кем», не опасен для них. Но в этой жизни не все покупается и продается. Святые понятия Честь, Верность, Отвага купить нельзя. И эти боссы стали бояться меня, когда их личные гвардии не смогли защитить их от моих солдат, которые проникали в самые охраняемые крепости, тихо уничтожали их, а затем растворялись в ночи. Вот тогда они поняли, что от гнева Федерации, от святой мести не спасут никакие деньги. Для людей, верных своим идеалам, не существует невозможного. В основном такие «операции мести» проводились нелегально. О них знали многие высокопоставленные военные и политики, но никто не предавал дело огласке. Всем было ясно, если подобные корпорации достигнут определенной степени могущества, то неизбежно попытаются выступить против государства. А это приведет к гражданской войне. Пока Федерация сильна, она может поддерживать баланс в обществе, не позволяя социальному недовольству достигнуть определенного порога, поскольку семьдесят процентов населения составляли люди, лояльные государству. Но когда эта цифра начнет уменьшаться, то опасность может стать вполне реальной.

Открыв книгу, я поймал себя на мысли, что за последнюю неделю уже в двенадцатый раз беру в ее руки. Я все чаще задумываюсь над строками о неизбежности конфликта. Возможно, в свете грядущей войны они приобретают особое звучание. В этой битве погибнут лучшие сыны и дочери Федерации. И кто останется? Кто будет после них?

16:23:15.

– Товарищ маршал, боевая станция «Космическая Заря» прибыла. Посадочный челнок ждет вас в пятом шлюзе, – раздалось из настенного динамика.

– Понял, иду.

Я подошел к полке и поставил книгу. Остановившись у двери, одернул парадный китель. Это было частью боевой традиции. Представители Военного Совета Федерации являлись на боевые посты в парадных мундирах и с полным комплектом своих наград. Надев фуражку, я оглядел свою комнату.

– Я вернусь сюда с победой. Или не вернусь вообще.

Несколько раз по пути встречались бойцы. Я отвечал на их приветствия подчеркнуто четко. Двигаясь к указанному шлюзу, я всем существом ощущал ответственность возложенную на меня. Кончики пальцев холодели от предчувствия схватки, сердце билось с удвоенной скоростью. На боку чувствовалась приятная успокаивающая тяжесть именного «ТТБ».

– Здравия желаю, товарищи офицеры! – сказал я, войдя в модуль. Там уже находились почти все члены Совета.

Пожав им руки, я сел в приготовленное мне кресло. Мягкость его обивки действовала очень неприятно. Она обволакивала тело, и я чувствовал себя беспомощным, хотя по идее должен был расслабиться. Несколько минут сидения в кресле по напряжению давались мне как многокилометровый марш-бросок.

– А чего ждем? – спросил я сидевшего рядом Фомина.

– Так не все еще. Президента, например, нет. Нервничаешь?

Я окинул взглядом салон. Пустовали шесть мест.

– Нет, я так не могу, – я встал и быстро вышел из челнока. Офицеры проводили меня взглядами, но никто ничего не сказал.

В противоположном конце зала к старту готовился еще один челнок, который, судя по всему, должен был отправиться с десантниками на станцию. Это был обычный армейский посадочно-десантный катер с двумя десантными отсеками на двадцать человек каждый. Хотя комфорта в нем было поменьше, чем в специальном президентском челноке, откуда я только что вышел, мне он нравился гораздо больше.

– Скоро стартуете? – спросил я копошившихся рядом техников.

– Да уже. Гидравлика вроде действует, – ответил один из них, не оборачиваясь. Он удовлетворенно похлопал по посадочной опоре челнока и повернулся. – Э...э. Здравия желаю, товарищ маршал! Хотите удостовериться в готовности челнока?

– Я вообще-то хотел попасть на станцию. Пилоты там? – я кивнул в сторону кабины.

– Да.

Пандус модуля, одновременно служивший дверью был опущен, и я зашел в отсек. Там вдоль стен сидели в противоперегрузочных креслах десантники в полном боевом снаряжении.

– Командующий в отсеке! – выкрикнул сержант, и все десантники вскочили.

– Здравия желаю. Как настроение? – я подошел к крайнему бойцу у левой стенки.

– Готовы разорвать Альянс на куски, товарищ маршал! – боец ответил без запинки.

– Все остальные тоже?

– Так точно, товарищ маршал! – в один голос ответили десантники.

– Отлично. Как снаряжение? Оружие к бою готово?

– Так точно, – десантник извлек свой автомат из ячейки, куда тот ставился во время посадки и взлета челнока.

Я взял автомат и, вытащив магазин, передернул затвор. Потом положил палец на спуск и щелкнул курком.

– Оружие в образцовом состоянии, – сказал я, возвращая автомат десантнику. – Ладно, времени мало, а дел много. Поэтому задерживаться не могу. И, если вы не против, полечу с вами одним рейсом, – с этими словами я прошел к лестнице, укрепленной на противоположной стене отсека и полез в кабину пилотов. Кабина находилась на уровень выше остальных отсеков, и попасть в нее можно было только по этой лестнице. Это было сделано на случай захвата корабля противником, чтобы пилоты могли обороняться.

– Кого это несет? – раздался недовольный возглас пилота, видимо, услышавшего громы-хание лестницы.

– Маршал Шолохов, – ответил я, поднявшись в кабину.

– Ой, извините, товарищ маршал, – недовольным оказался второй пилот, совсем «зеленый», необстрелянный парнишка.

– Да брось. Все мы тут нервничаем, – я положил руку на спинку кресла первого пилота. – Техники сказали, что скоро взлет.

Пилот развернулся ко мне. Это была девушка примерно того же возраста, что и парнишка.

– Да, уже взлетаем, – сказала она.

Я увидел через стекло, что президентский челнок оторвался от пола шлюза и устремился к защитному полю.

– Сможешь их догнать? – спросил я, указывая на удаляющийся челнок.

– И даже перегнать! – озорно улыбнулась девушка и повернулась ко второму пилоту. – Взлетаем!

– Внимание, взлет! – сказал пилот в микрофон. – Десанту занять свои места. Поднимаем пандусы. – Он перещелкнул несколько переключателей. Через пару секунд на приборной доске загорелись зеленые огоньки.

Девушка потянула на себя штурвал, и машина оторвалась от опоры. Взревев маршевыми двигателями, челнок рванулся за президентским модулем. Несколько секунд тот продолжал удаляться, но вскоре скорости стабилизировались, а потом мы стали нагонять их. Челнок развернулся перпендикулярно поверхности, и через главный иллюминатор стала видна «Космическая Заря». Это было сооружение, поражающее своими масштабами. Оно представляло собой диск, с обеих сторон которого отходили огромные конструкции. Почти вся станция имела серо-стальной цвет, но небольшой сектор диска выделялся абсолютно черным цветом. Здесь находился лазер главного калибра. При выведении его на максимальную мощность, он мог одним выстрелом уничтожить планету по размерам вдвое меньше Луны. А ударив по самой Луне, нанес бы ей такие разрушения, которые были бы видны с Земли.

Наша машина нагнала челнок. Некоторое время он шел рядом с нами, но потом отстал. Мы приближались к станции снизу и должны были войти в отсек на нижней стороне диска. Внезапно президентский челнок обогнал нас и понесся к нужной точке на поверхности шлюза. Из дюз вылетали длинные языки темно-синего пламени. Это означало, что он включил резервные маршевые двигатели, и пилот принял навязанную ему гонку. Но у обычного десантного челнока не было такой роскоши. Видя, что мы отстаем, девушка резко развернула машину. Я понял, что она задумала. Отсек, в который мы должны войти, находился практически в центре диска станции. Пилот президентского челнока шел к нему по всем правилам – параллельно вертикальным конусам, чтобы потом развернуться и войти в свободное пространство между основной частью конуса и диском. Замысел девушки-пилота заключался в том, чтобы пройти сквозь этот конус и не тратить время на долгий вход под диск. Мы вошли в сплетение массивных конструкций станции. Здесь находились служебные помещения, спасательные шлюзы и другие редко используемые отсеки.

Челнок резко крутанулся, чтобы не врезаться в один из переходных коридоров. На стекле главного иллюминатора отражалось побледневшее лицо второго пилота. Я только усмехнулся. Мы сделали десяток крутых поворотов и теперь летели в огромной трубе, образованной несколькими спасательными отсеками, расположенными перпендикулярно диску станции. В конце этой трубы виднелся основной диск. Мы почти вышли из маневра, и тут нам навстречу вылетел грузовой челнок, размерами раза в два превышающий наш. Пилот тоже, видимо, решил срезать путь, так как этим коридором обычно не пользовались. Столкновение привело бы к мгновенному взрыву двух челноков. Я заметил пальцы девушки на штурвале. Они были совершенно белыми.

Но ее головокружительный маневр спас положение. Развернув челнок на сто восемьдесят градусов по продольной оси, отважная девушка провела машину в нескольких метрах от

второго модуля. Через стекла на потолке кабины были видны испуганные лица пилотов грузовоза, который оказался прямо над нами. Через пару секунд мы очутились в более свободном поддисковом пространстве. Президентский челнок еще только заходил сюда с другой стороны. Мы проскочили между двумя эвакуационными челноками и вошли в шлюз сквозь защитное поле. Последовал легкий толчок и, тихо гудя останавливающимися двигателями, челнок замер.

– Товарищ второй пилот, – с усмешкой произнес я, – можете уже отцепиться от подлокотников.

Парень убрал руки. На мягких подлокотниках кресла виднелись глубокие вмятины от пальцев.

– Отлично, первый пилот. Это ваш постоянный корабль? И, кстати, я хотел бы узнать ваше имя и звание.

– Спасибо, товарищ маршал, – девушка сняла шлем и, повернувшись ко мне, улыбнулась. – Да, это мой постоянный корабль. А зовут меня Екатерина Игнатьева, звание – младший лейтенант.

В сопровождении пилотов я вышел из челнока. Десантники выгрузились почти сразу. Президентский челнок приземлился совсем рядом, и из него начали выходить представители Совета. Я направился к ним. Пилоты остановились у своей машины.

– Пошли, – махнул я им рукой. Они слегка смутились, но не посмели ослушаться приказа маршала.

Когда я с пилотами подошел к президентской машине, Суворов шагнул ко мне.

– Ну что, товарищ маршал, похоже обычные пути не для вас.

– Это как раз самые обычные, – ответил я. Но тут вперед вылетел Свердлов.

– Товарищ Президент, – запальчиво произнес он. – Я предлагаю наказать этих пилотов за нарушение устава. Они подвергали опасности жизни моих десантников и товарища маршала!

Я посмотрел на Свердлова, и мой взгляд случайно скользнул по лицу Зайцева. «Я твой должник. И учти: я всегда отдаю долги», – вспомнились мне его слова.

– Товарищ Зайцев, – я посмотрел на генерала. – Не найдется ли у вас в резерве линкор с вакантными должностями капитана корабля и первого пилота?

– Так точно, товарищ маршал, – ответил Зайцев, видимо, вспомнив наш разговор. – Линкор «Александр Невский». Им сейчас командует не самый талантливый капитан. Я подыскивал более подходящих людей.

– Ну вот, можно сказать, нашли. Тут во вспомогательном флоте такие таланты пропадают, – я похлопал пилотов по плечам. – Товарищ генерал армии, – подчеркнуто официально произнес я, – прошу вас немедленно присвоить этим пилотам звания майоров и направить на линейный корабль «Александр Невский» в качестве капитана корабля и первого пилота.

– С удовольствием. Обещаю, что в грядущей битве они будут принимать участие уже в этих должностях.

Когда Зайцев сказал это, глаза пилотов торжествующе сверкнули. Чего еще можно желать? Они, судя по всему, только из Академии Звездного Флота имени Терешковой, из младших лейтенантов сразу становятся майорами и вместо десантного челнока направляются на линкор. И не просто так, а командовать им.

– Разрешите лично проследить, товарищ Президент? – спросил Зайцев у Суворова.

– Разрешаю, – последовал ответ, и Зайцев вместе с новоиспеченными майорами направился к выходу из шлюза.

Свердлову оставалось только шипеть от злости. Но он молчал, буравя удаляющуюся спину Зайцева немигающим взглядом. Это заметил Президент.

– Товарищ Свердлов, я не для того запретил всем членам Совета командовать кораблями, чтобы вы взглядом убили товарища Зайцева еще до начала сражения!

Взрыв хохота почти заглушил окончание фразы. Суворов подождал, пока все отсмеются, и добавил:

– Между прочим, это вы приказали пилоту соревноваться с их челноком. А если уж проиграла, так с достоинством признайте это.

Мы поднялись наверх, в главный боевой зал. Здесь располагались все средства, необходимые для координации действий огромного флота. Четыре мощных голографических проектора были способны формировать точные объемные изображения различных участков сражения в реальном времени, передатчики могли поддерживать связь почти на полумиллионе каналов со скоростью передачи в четыре миллиона терабайт в секунду. Военный совет, мозг армии Федерации, мог полностью контролировать сражение. В центре зала стоял круглый стол, аналогичный столу в Генштабе. Но во время сражения редко кто сидел за этим столом, так как почти все члены Совета когда-либо лично участвовали в боевых операциях и усидеть на месте, когда на глазах гибнут братья и сестры по оружию было нельзя. Перед главным иллюминатором протянулся пульт связи.

– Внимание, говорит капитан станции! – раздался голос из динамиков. – Начинаем подготовку к прыжку. Всему экипажу занять места по маршевому расписанию. Прыжок будет начат без повторного предупреждения.

– Нервничаете, товарищ маршал? – спросил Суворов.

– Нет, – с мрачной усмешкой ответил я. – Сотни миллионов таких же, как я, солдат Федерации, скоро превратятся в межзвездную пыль, а мне наплевать.

– Ирония в вашем голосе, это уже неплохо, – он понизил голос. – Некоторые и на это неспособны, – Суворов кивнул в сторону Тимофеева. – Возможно, я переоценивал его.

Генерал сидел за столом, нервно оглядываясь по сторонам. Его руки бесцельно терзали кобуру. Я обошел стол и сел рядом с Тимофеевым. В этот момент станция легко дернулась, и чернота космоса сменилась удивительной феерией гиперпространственного туннеля: «Заря» начала прыжок. На стенах тоннеля постоянно возникали абстрактные фигуры из красных, синих и серых лент, а сквозь них виднелись непривычные созвездия, образованные знакомыми звездами. Это было явление до сих пор неразгаданное учеными. Самая распространенная гипотеза заключалась в том, что это куски пространства, вырванные гравитацией гиперпространственного тоннеля. При прыжке особые гравитационные излучатели на корпусе корабля искривляли пространство, как бы подтягивая друг к другу точку отправки корабля и необходимую точку прибытия. После этого между этими точками открывался тоннель, по которому и двигался корабль со скоростью, в сотни раз превышающей скорость света. На оживленных межсистемных магистралях это несколько раз приводило к трагическим авариям с сотнями жертв. Как известно, два тела не могут одновременно находиться в одной точке пространства, и если это происходило, то следовал взрыв, уничтожавший любые корабли на расстоянии четверти светового года. Если на пути взрыва оказывалась планета размером с Землю, на ней гибло все живое. Меньшие планеты просто разлетались на части. С появлением более точных компьютеров такое стало случаться все реже и реже. Последний случай произошел более двух веков назад, однако гипотетическая вероятность подобного сохранялась.

– Готовы к бою, товарищ генерал-лейтенант? – спросил я Тимофеева.

– Что? – он вздрогнул от моего голоса. – Ах, да-да.

– Тимофеев, вы хоть осознаете, что через несколько часов нас с вами может уже не быть? – тихо проговорил я, наклонившись к уху генерала.

– Да, у меня не выходит из головы эта мысль, – от дикого страха Тимофеев разоткровенничался. В других обстоятельствах он бы несколько раз подумал, прежде чем признаться в этом.

– Это и плохо, – заявил я наставительно. – Военный должен не задумываться о смерти, а воевать. И умереть, если придется. А вы, на мой взгляд, на это неспособны.

Прыжок вскоре закончился. Мы вынырнули точно в расчетной точке. Здесь был почти весь флот Федерации. Эскадры строились в боевые порядки, между ними курсировали челноки, развозя боекомплект и людей. Станции выстроились в сферу, в центре которой оставалось место для «Космической зари». Главный командный пункт был отлично защищен.

В зал вошел Зайцев.

– Ну что, товарищ генерал, наши новые пилоты на местах? – я встал ему навстречу.

– Да, они уже на пути к линкору.

– А вы не заметили, в отсеке остались обычные челноки?

– Нет, только президентский. А зачем вам?

– Хочу лично проверить готовность флагмана к сражению.

– «Иван Грозный» готов ко всему. Но если сомневаетесь – пожалуйста.

– Нет, не сомневаюсь. Скорее сам хочу успокоиться.

Зайцев улыбнулся.

– Никогда не видел вас растерянным. Ну ладно, когда будете там, передайте Маринке привет.

– Обязательно передам.

На Президентском челноке лететь не хотелось, и я отправился на верхнюю палубу. Туда, где была размещена авиация станции. Я подошел к технике с нашивками капитана.

– Здравия желаю. Мне для инспекционного полета на флагманский линкор «Иван Грозный» требуется истребитель. Какой готов к взлету?

– Товарищ маршал, – техник немного опешил от такого простого обращения, – к вылету готовы все, кроме двенадцати штурмовиков в конце зала. Прикажете организовать истребительное прикрытие?

– В этом нет необходимости, капитан. Спасибо за помощь.

Я выбрал надежный, хотя и довольно старый истребитель «Су-250». Оснащенный четырьмя мощными двигателями, он мог развивать скорость в 241С, однако дальность хода оставляла желать лучшего – всего 30 000 километров. Корпус истребителя был построен по аэродинамической схеме с крыльями создающими подъемную тягу. Таким образом корабль имел те же преимущества при движении в атмосфере, что и президентская яхта. Для вертикальной посадки и взлета имелись два двигателя малой мощности. Вооружение «Су-250» составляли два лазера с независимым наведением в носовой части и двадцать универсальных ракет, расположенных в два ряда на каждом крыле. Защиту истребителя обеспечивал легкий щит. Словом, это была довольно надежная машина, любимая пилотами. От удара крупного корабля истребитель бы испарился мгновенно, но попасть в юркий ястребок даже для компьютера было очень трудно. А в воздушном бою с истребителями и штурмовиками противника он проявлял значительную живучесть.

Оказавшись в кабине, я надел шлем, включил двигатели и начал предстартовую подготовку. Внезапно в наушники ворвался голос диспетчера:

– Машина 12–41, почему начали предстартовую подготовку? Вам не было приказа взлетать.

– Говорит маршал Шолохов, – я включил экран видеосвязи и увидел удивленное лицо диспетчера. – Я направляюсь на инспекцию одного из кораблей флота.

– Ой, извините, товарищ маршал. Можете лететь.

– Спасибо.

Прогрев двигатели, я оторвал машину от опоры. Штурвал на себя, и через несколько секунд машина уже была в открытом космосе. Большую часть пространства закрывали корабли флота. Я ввел в компьютер запрос, и на стекле загорелась метка, обозначающая флагман. Направив машину туда, я стал вспоминать, что мне известно об этом корабле. Самый мощный в классе линейных кораблей и мощнее любого линкора Альянса. Служить на нем даже про-

стым техником было очень почетно. А уж числиться в боевом составе стало мечтой каждого космофлотчика. Разумеется, что на командование этим кораблем претендовали многие. Был даже проведен конкурс на должность капитана флагмана. Здесь проверялось все – от умения командовать кораблем до степени сдержанности и хладнокровия в критических ситуациях. И дочь генерала Зайцева обошла всех соперников без малейшего покровительства со стороны отца. В истории Федерации женщины часто командовали кораблями, но Марина Зайцева первая получила пост капитана флагмана.

Линкор быстро приближался. Я посмотрел на оружейную палубу. Там, за мощными броневыми заслонками, дремали до поры мощные лазерные установки. А меньше чем через час они обрушат миллионы мегаватт энергии лазерных лучей на противника. Всего у линкора имелось сто сорок малокалиберных лазеров зенитной артиллерии, шестьдесят четыре средних лазера, сгруппированных по двадцать на каждый борт и нос, и четыре на корму. Кроме этого было восемь тяжелых лазеров, установленных по четыре в две башни: одна над верхней палубой линкора, а другая под днищем. Таким образом линкор мог сосредоточить вперед или на любой борт огонь двадцати средних и восьми тяжелых лазеров. Под капитанской рубкой располагались орудия главного калибра: два лазера особой мощности, не уступающих по суммарной силе лазеру таранных кораблей. И это только лазерное оружие. Имелись и пушки, ракетные ПУ и торпедные аппараты. Хотя автоматические пушки имели очень ограниченную дальность, но повреждения, наносимые ими на дистанции до тысячи километров были ужасны. На каждом корабле имелся достаточный запас ракет для длительного боя. Как правило, для уничтожения корабля противника применялся скоординированный залп одного или даже нескольких кораблей. Ракеты перехватывались противоракетами, которые подрывали их на безопасном расстоянии от корабля, резались лазерами. Поэтому для точного уничтожения кораблей противника одним-двумя выстрелами были разработаны торпеды, имеющие длину более пятидесяти метров и диаметр более десяти. Попадание одной такой торпеды означало гибель судна. Однако из-за их размеров запас торпед был очень ограничен и характеризовался даже на линкоре несколькими десятками. При попадании в щит корабля торпеда вызывала взрыв, который забирал значительное количество энергии.

– Неизвестный истребитель, – раздалось из динамика, когда я приблизился к «Ивану Грозному». – Немедленно измените курс, иначе мы откроем огонь.

Зенитная оборона линкора действовала отлично. Я слишком близко подошел к корпусу, и это могло вызвать столкновение.

– Последнее предупреждение! Мы откроем огонь через пять секунд!

– Отставить! – командным голосом прогремел я, одной рукой включая монитор, а другой выводя самолет на безопасный курс.

– Товарищ маршал, – выражение лица командира зенитной батареи напомнило мне выражение лица диспетчера на «Космической заре». – Мы не знали, что это вы... Сообщить капитану о вашем прибытии?

– Не надо, пусть это будет сюрпризом, – ответил я и повел машину на посадку.

Приземлившись, я выбрался из самолета и, отвечая на приветствия попадавших на дороге бойцов, направился в капитанскую рубку.

– Маршал на палубе! – скомандовал один из пилотов, когда я вошел в рубку.

– Вольно, можете сесть, – сказал я и подошел к Зайцевой, которая стояла рядом со своим капитанским креслом. Темные волосы были убраны под пилотку, а умные карие глаза смотрели на меня с легким удивлением. – Здравия желаю, товарищ полковник.

– Здравия желаю. Что привело вас на мое скромное судно?

– Я бы не сказал, что скромное, – усмехнулся я. – Разрешить? – я кивнул на капитанское кресло. – А то никогда не сидел в кресле капитана флагманского корабля!

– Конечно. Но не думаю, что вы посетили корабль, только чтобы посидеть в моем кресле.

– Правильно, не только для этого. Твой отец сказал, что корабль полностью готов к бою, и я решил проверить, так ли это. Кстати, он передает тебе привет.

– Значит, с инспекцией пожаловали! А мы и не готовы! – в притворном ужасе воскликнула Зайцева. Я усмехнулся. – Лейтенант Нефедов, проводите товарища маршала.

Лейтенант подошел. Я знал такой тип людей. Видимо, он еще ни разу не участвовал в бою и поэтому держался подчеркнуто по-строевому. И если в первых боях его минует смерть или он будет только ранен, то из него выйдет хороший боец. Может быть, станет вторым полковником Соболевым, а, возможно, и генералом Зайцевым.

– Что желаете проинспектировать, товарищ маршал?

– Все основные системы. Двигательный зал, инженерный отсек, оружейные палубы, отсек связи.

– А что в первую очередь?

– Это же военный корабль, а у военного корабля главное – огневая мощь. Вот и осмотрим сначала оружейные палубы. Потом двигатели и инженерное обеспечение. В последнюю очередь – связь.

Мы с Нефедовым вышли из рубки.

– Начнем с лазеров главного калибра, – сказал я.

– Так точно, – четко ответил Нефедов. – Тогда нам нужно сюда, – он указал рукой на лифт, ведущий на оружейную палубу.

– Лейтенант, вы давно получили это звание? – спросил я, когда мы поехали вниз.

– Три месяца назад. А что? – Нефедов удивленно посмотрел на меня, не понимая, зачем легендарный маршал интересуется судьбой простого лейтенанта.

– Просто интересно, насколько вы готовы к бою.

– Готов жить и умереть за Федерацию! – лейтенант повторил строчку из присяги.

– Это, конечно, похвально, но ответьте честно – страшно перед боем?

– Нас учили не обращать внимания на страх.

– Нет, я имею в виду не ужас перед смертью, а просто предбоевое волнение. – Лифт остановился, и мы вышли.

– Ну, – протянул Нефедов. – Конечно, немного страшновато.

– А хотели бы вы находиться сейчас в тылу? Где-нибудь на Луне, к примеру?

– Товарищ маршал, не сочтите за дерзость, но зачем вы это спрашиваете? – Нефедов шел немного впереди и оглянулся, чтобы посмотреть на меня.

– Интересно, скажем так.

– Понимаете, – Нефедов задумался, – не знаю как это объяснить, но моя судьба в какой-то степени сложилась не совсем обычно. Вы наверняка знаете, что в армию, в основном, идут люди, которые выросли в Федеральном приюте. Я воспитывался в семье, в глухом селении на Актиоке-4. И меня воспитывали так, чтобы патриотизм и все остальное, присущее военным, не имело значения. Но, как ни странно, на меня такое воспитание практически не подействовало. Меня тянуло служить всем людям, человечеству. И едва мне исполнилось шестнадцать лет, я сбежал из дома и явился на армейский вербовочный пункт. Когда я попал в тренировочный лагерь, то был потрясен. Да, там были тяжелые нагрузки, но нам постоянно внушалось и доказывалось на деле, что это необходимо и мы нужны Федерации и, главное, друг другу. Там я почувствовал себя по-настоящему счастливым. И я понял, что за такое государство и умереть не жалко. И еще я прочитал там «Завет павших». Великая книга. Я раньше как-то не задумывался над этим, но ведь Орлов был прав. В армии мы – одна семья. И несмотря на некоторую нашу неприязнь к политикам и ученым мы все настоящие ЛЮДИ. Все остальные – балласт. Остальные нам не нужны. И я верю, что наступит тот день, когда человечество превратится действительно в суперрасу. Поэтому я не боюсь умереть. Понимаете?

– Понимаю, – я рассеянно кивнул, поскольку не ожидал от лейтенанта подобного откровения.

– И вообще я узнал много нового. Например, ваша реформа армии еще на заре Федерации была просто невероятна.

Я понял, о чем он. В 2309 году, сразу после бегства фобосианцев, я подал рапорт в Совет по военным вопросам с предложениями по реорганизации армии. В ту пору я был полковником и не мог серьезно влиять на глобальное устройство армии. Но меня поддержала группа молодых талантливых офицеров. И Совет был вынужден рассмотреть мое предложение. Но в его реализации мне отказали. Совет считал меры, которые я предлагал, совершенно недопустимыми. Я писал в рапорте о том, что нужно так строить обучение бойцов, чтобы каждый из них чувствовал себя необходимым для общего дела, чувствовал себя Человеком. Главное, жестоко пресекать любую грубость и некорректность по отношению к новичкам и вообще бойцам. Любой инструктор, позволивший себе грубое слово в разговоре с курсантом, должен был попасть в тюрьму или быть изгнанным из армии. Те, кто тогда сидел в Совете, сочли нереальным «цацкаться с каждым бойцом», как мне написали в ответе на рапорт. Кроме того, я предлагал отменить систему «звание-должность». Другими словами, если раньше командовать, например, взводом мог только сержант, то теперь им мог командовать и рядовой, причем сержант мог оказаться у него в подчинении. Для офицерского состава это стало просто потрясением. Никто раньше не мог представить лейтенанта, сидящего в окопе как рядовой или ефрейтор. Кроме того, тогда были сильны традиции родственного покровительства, когда, давая своим сыновьям офицерские звания, отцы помогали им сделать офицерскую карьеру, не подвергаясь опасности. Второе мое предложение заключалось в том, что бы подкорректировать Конституцию и закрепить в ней неприемлемость принудительного набора в армию. К тому моменту принудительный набор происходил в случае войны. Но моя логика была такова: если государство имеет армию из добровольцев, значит, граждане готовы умереть за него. Если же в его армию никто не идет, то стоит ли защищать такое государство? Третье предложение касалось совместной военной службы женщин и мужчин. До этого создавались отдельные женские и мужские батальоны. Главное сопротивление в этом вопросе мне оказали представители космического флота, которые почему-то считали, что женщины на кораблях – к несчастью. И рапорт был отклонен. Тогда офицеры, поддерживающие меня, подняли своих солдат на бунт. Половина армии оказалась на моей стороне. Генштаб благоразумно решил не допустить гражданскую войну и провести в жизнь предложенную мною реформу. Поначалу многие военные противились, но потом эта реформа стала считаться одним из величайших военных достижений Федерации. Армия превратилась в своего рода элитный клуб, вступить в который мог каждый, но, чтобы удержаться в нем, следовало иметь высокие моральные качества. Именно поэтому солдаты Федерации никогда не отступали и не сдавались в плен. В армии были утверждены либеральные уставы, отменено дурацкое правило «командир всегда прав». Каждый солдат Федерации сознавал свою значимость и свою силу и никому не позволял оскорблять себя. И в армии уважали сильных людей, тех, кто идет прямой дорогой, не ища обходных троп и легких путей. Те, кто готов был поступиться честью, чтобы просто выслужиться, долго не задерживались. Оскорбление от равного или младшего по званию еще считалось возможным стерпеть, если виновник принесет извинения и попросит мира. Но если боец оставлял без возмездия оскорбление от старшего по званию, то он с позором изгонялся из армии. Такое оскорбление можно было смыть только кровью. Для этого в моем рапорте имелся особый пункт. Я предлагал после почти полутысячелетнего забвения восстановить дуэли. И они были восстановлены. На дуэль можно было вызвать любого, кто оскорбил тебя. Если он не принимал вызов, то также изгонялся из армии. Если принимал, то дуэль, как правило, велась до гибели одного из участников. В истории Федерации произошло не более двух тысяч дуэлей, и мне приходилось быть секундантом на восьми. Присутствовать на дуэли, кроме судьи, самих дуэлянтов и секундан-

тов, никто не мог. Видео – и другая съемка также запрещались. В крайнем случае, с согласия обоих дуэлянтов, на дуэли могли присутствовать не более четырех посторонних лиц. Несмотря на редкость дуэлей они являлись сдерживающим фактором в отношениях между бойцами.

– Я вот до сих пор не понимаю, – неожиданно сказал Нефедов, – как вы отважились фактически на государственный переворот? Ведь умереть в бою – это одно, а погибнуть, считаясь изменником, – другое. А вас вполне могли назвать таковым, если бы не разумные действия Генштаба.

– Могли. Но и ставка при выигрыше была высока. Понимаешь, до той реформы я условно делил военных на две группы: тех, кто учился в тренировочных лагерях, и тех, кто обретал опыт на войне. Первые обучались в соответствии с уставами, и инструкторы зачастую наказывали своих подчиненных физическими нагрузками за то, что порой и не являлось провинностью. Лишний вопрос – и могли послать подтянуться двадцать раз на перекладине. Это явно не способствовало развитию творческого мышления, без которого никакую войну не выиграть. Мне рассказывали один любопытный случай, довольно красноречиво показывающий, какие порядки тогда царили в армии. Два солдата бросили окурки прямо рядом с казармой. Это заметил старшина. Так вот он приказал им взять в медсанчасти носилки, положить один окурочок на них и вынести за несколько километров. Потом им пришлось бежать обратно в часть за лопатами – старшина заставил их выкопать яму глубиной и шириной в метр, а длиной в два, потом положить туда окурочок и засыпать яму. Затем он их послал с носилками за вторым окурком, и они вынуждены были копать и вторую такую яму. Все это ночью, под дождем. В итоге эти два солдата попали в казарму только к пяти часам утра, а в шесть подъем. Сейчас все это кажется диким, но тогда являлось практически нормой. Так что солдаты из первой, условно говоря, группы ни на что, кроме точного исполнения приказов, были неспособны. Вторая группа военных, и я в том числе, это те, кто проходил школу войны. Лично я пошел в армию добровольцем, когда началась Третья мировая война. Меня без всякого обучения отправили в формирующуюся часть. Там, пока мы стояли на формировании, резервисты обучали нас, новичков, которые даже не знали, как держать автомат, основам войны. За десять дней я научился стрелять из «АК-74», кидать гранаты и драться штыком. Всему остальному меня научила война. А на войне уставами не обойдешься. Поэтому у прошедших школу реальных боевых действий развито независимое мышление. Только такие люди могут побеждать. И, послав тот рапорт, я преследовал цель создать армию целиком из таких людей. Которые не боятся сказать командиру «я не согласен», которые знают, ради чего они сражаются. И которые, самое главное, умеют ДУМАТЬ. Так что, будучи изменником или нет, но я заботился о благе армии и в конечном счете Федерации.

23:56:17.

Все было готово к сражению. Наш флот выстроился в соответствии с планом, составленным накануне. Экипажи заняли боевые посты. Никогда еще в истории Земли не собиралась такая мощь. Линия обороны протянулась на четыре с половиной миллиарда километров. А в глубину наши позиции составляли около двух миллиардов. Я стоял перед главным обзорным экраном и смотрел на развернутые порядки флота. Изредка защитные экраны вспыхивали, когда на них попадали частицы межзвездной пыли. Перед нашими передовыми эскадрами виднелся антилазерный газ, удерживаемый вместе гравитационными захватами. После начала боя, когда линкор будет готов дать залп, облака быстро уберут, изменив направление гравитационного воздействия. После залпа завесу восстановят вновь.

– Говорит капитан станции, – раздался голос из настенных динамиков. – Обнаружен флот противника. Всем занять боевые посты.

На главном обзорном экране появилась цветовая метка. Она обозначала флот противника.

– Покажите построение флота, – приказал я одному из связистов, сидящих за пультами.

В центре зала зажглась огромная голограмма. Это было увеличенное изображение с обзорного экрана. Несколько секунд мы рассматривали голограмму, и только потом Президент произнес:

– Отлично, товарищ маршал. Вы полностью угадали построение их сил.

– Мы не гадаем, товарищ Президент. Мы предсказываем. И надеюсь, это нам поможет.

Метка на экране росла, и вскоре уже можно было увидеть клин таранных кораблей и следующие за ними броффианские крейсера. Впереди них огромным прямоугольником выстроился флот фобосианцев. Остальной флот остановился в двенадцати миллиардах километров.

– Ориентировочное время начала боя? – спросил я связиста.

– Если скорость не изменится, три минуты и двадцать четыре секунды.

– Да, они не изменяют себе.

– Это точно. Ладно, дайте мне голосовую связь со всеми кораблями флота.

Президент имел в виду захваченную нами несколько месяцев назад директиву главного командования Альянса. Там было приказано начать первое сражение точно в ноль часов шестнадцатого июля. Почему они выбрали это время, осталось загадкой. Тем более, что двадцатичетырехчасовая система использовалась только в Федерации. В других государствах были другие системы, основанные на времени их родных планет. Практически везде это было циклическое исчисление секунд, из которых складывались минуты, которые в свою очередь складывались в часы и так далее. Везде были разные протяженности секунд и, следовательно, всего остального. Как правило, секундой называлось время, за которое свет проходил определенное расстояние. Но самая интересная система исчисления времени существовала у броффов. Они основали ее не на цикличности, а на увеличении времени, прошедшего от определенного события. Этим событием было основание броффианского государства. Для человека сложно понять, как броффы понимают время.

– Связь установлена, – сказал связист. И протянул мне микрофон.

Сейчас меня слышали в каждом помещении каждого корабля огромного земного флота. И от того, что я скажу, мог зависеть исход сражения. Как известно, моральное состояние войск так же важно для победы, как военное искусство. В главном зале воцарилась тишина.

– Говорит маршал Шолохов, – произнес я негромко, но проникновенно. – Братья и сестры! Над нашей Родиной нависла угроза. Это не былые территориальные или другие претензии. И мирных договоров больше не будет. Нам выпала великая честь участвовать в самом грандиозном сражении из тех, что когда-либо вело человечество. Если мы выстоим и победим, то потомки не забудут нас никогда. А если дрогнем и проиграем, то не будет больше ничего. Земля и другие наши планеты будут захвачены, а мирное население уничтожено. Но мы победим. И не допустим, чтобы на планетах свободного человечества фобосианцы строили свои уродливые храмы и броффы уничтожали памятники великим сынам и дочерям человечества. За нами Земля и Москва! Так давайте стоять насмерть за прошлое и тех, кто пал, за настоящее и тех, кто жив, за будущее и тех, кто еще не родился! Наши дела отзовутся в вечности! За Родину!

Последнее слово было практически заглушено дружным «Ура!». Связист выключил связь. Я знал, что после таких слов каждый, кто не трус, будет самоотверженно сражаться. То, что я сказал, было давно известно. Просто я напомнил, что каждый будет вести бой и за себя, и за многовековые великие традиции Федерации.

Корабли противника приближались. Я представил, как орудийные расчеты замерли в ожидании команды, как капитаны кораблей напряженно всматриваются в необъятное пространство, расстелившееся перед ними, как ровные голоса компьютеров отсчитывают последние тысячи километров перед тем, как корабли противника окажутся в зоне действия наших орудий.

– Включить отсчет дальности! – приказал я. Связист включил дальномер на звуковое сопровождение.

– Расстояние от наших позиций до передовых порядков врага, – раздался бесцветный голос компьютера, – четыреста восемьдесят тысяч километров. Скорость противника: три тысячи километров в секунду, идут стабильно.

Дальность действия лазеров линкоров составляла около ста двадцати тысяч километров. Это означало, что если скорость противника не изменится, то бой начнется менее чем через две минуты.

– Расстояние: четыреста пятьдесят тысяч. Скорость: три тысячи километров в секунду, идут стабильно.

Я оглянулся на Президента. Он сидел в одном из кресел и, не отрываясь, смотрел на экран. Его пальцы впились в подлокотники. Но во взгляде читалась решимость. И я знал, что это не показуха. Он мог встретить смерть с достоинством. И с этого поля боя он, как и я, уйдет только победителем. Или не уйдет вообще.

– Расстояние: четыреста двадцать тысяч. Скорость: три тысячи километров в секунду, идут стабильно.

Кроме ровного голоса компьютера в зале царила мертвая тишина. Все напряженно всматривались в экран.

– Расстояние: триста девяносто тысяч. Скорость: три тысячи пятьсот километров в секунду, наблюдается значительное ускорение.

Это было неожиданно. Я развернулся к Президенту. Он смотрел на меня вопросительно и непонимающе. Как и несколько других офицеров.

– Расстояние: триста пятьдесят тысяч. Скорость: пять тысяч семьсот километров в секунду, продолжают ускоряться.

– Товарищ маршал, – нарушил тишину Зайцев. – Они наверняка хотят на максимальной скорости прорвать огневой вал и приблизиться на дистанцию действия своих орудий. Я прикажу переложить наводку орудий на максимальную дистанцию.

Я молча кивнул. Действия фобосианцев и «реформаторов» были вполне обдуманы. Дальность действия их орудий составляла не более пятидесяти тысяч километров, и они хотели как можно быстрее пройти дистанцию, на которой они будут просто мишенями.

– Расстояние: двести восемьдесят тысяч. Скорость: восемь тысяч километров в секунду, продолжают ускоряться.

Вот это уже было необычно. Они продолжали наращивать скорость, а это могло привести к тому, что они просто не успеют приостановиться для ведения огня. Стандартной боевой скоростью для таких крупных соединений считались две тысячи километров. Если будет больше, то даже компьютеры не смогут точно высчитать координаты целей, и это может привести к поражению своих. Краем глаза я увидел, что Фомин что-то приказал одному из связистов и посмотрел в монитор.

– Расстояние: двести тысяч. Скорость: восемь тысяч километров в секунду, ускорение прекратилось, идут стабильно.

– Товарищ маршал, – окликнул меня Фомин, – посмотрите на это.

Я быстро подошел к пульту и взглянул на монитор. Там было изображение одного из тыловых порядков флота Альянса. Было видно, как плотный строй брэффианских крейсеров подпространственного боя входит в гипертоннели. Мои пальцы похолодели.

– Срочно дайте связь со всеми кораблями! – крикнул я связисту. Его пальцы запорхали над клавиатурой.

– Расстояние: сто шестьдесят тысяч. Скорость: восемь тысяч километров в секунду, ускорение прекратилось, идут стабильно.

– Связь готова.

– Говорит Шолохов, – заорал я в микрофон, – приказ флоту – огонь по передовым эскадрам противника не открывать! Переложить наводку на среднюю дистанцию! Ждать противника там!

– Предатель! – крикнул Свердлов и рванулся на меня, но Фомин ловко перехватил его и заломил руки за спину.

– Что ты делаешь?.. – вскочил Президент, его голос был полон отчаяния. Последнее слово заглушил ровный голос компьютера:

– Расстояние: сто двадцать тысяч. Скорость: восемь тысяч километров в секунду, ускорение прекратилось, идут стабильно. – Вместо того, чтобы замолчать, компьютер начал следующую фразу: – Внимание! Обнаружен противник на дистанции шестьдесят тысяч! Выходит из гиперпространственного тоннеля!

И тут же пространство между нашими линкорами и кораблями противника расцвело выходами гипертоннелей. Это были подпространственные крейсера броффов.

– ОГОНЬ ПО КРЕЙСЕРАМ!

Глава 4

Великая битва

00:00:02. 15.07.3282 года. 1,6 светового года восточнее Солнечной системы.

Миллиарды лазерных лучей, снарядов, ракет и торпед устремились к вышедшим из гиперпространства крейсерам. Они не успели поставить щиты, и единый залп линкоров нанес им серьезнейшие потери. Я представил, что в этот момент испытывают капитаны гибнущих судов.

– Браво, товарищ маршал! – воскликнул Президент. – Вы разгадали их замысел!

– Вот кого надо благодарить, – я махнул рукой на Фомина и увидел, что он до сих пор держит Свердлова. – Можете отпустить товарища генерал-полковника.

Фомин отпустил Свердлова. Тот с достоинством одернул китель и сел в кресло. Ему, безусловно, было стыдно за то, что он, десантник, не смог справиться с разведчиком.

– Как ты все это понял? – спросил я Фомина.

– Они шли слишком быстро. На такой скорости вести огонь очень сложно. Значит, они превратили свои корабли в мишени для наших орудий. Но на мишени тратятся боеприпасы. Мы бы израсходовали часть запаса, а их крейсера вынырнули бы и, пока мы меняли бы наводку, разнесли наши передовые эшелоны.

– Отлично, товарищ Фомин, – похвалил Президент.

Молодец все-таки! Я тоже понял, что происходит неладное, но соображал слишком медленно. Старею!

– Так, ситуация меняется в нашу пользу, – я посмотрел на экран. – Видите, фобосианцы и «реформаторы» тормозят. Они пытаются уйти обратно, поскольку их затея не удалась. Но мы им не позволим. Ввести в бой гиперпространственные эскадры!

– Но мы же рассчитывали бросить их против таранных кораблей, – вмешался Степанов. – Если введем их в бой сейчас, то окажемся бессильными против таранных кораблей.

– Не согласен, – меня поддержал Зайцев. – Зажатые между линкорами и крейсерами фобосианцы и «реформаторы» будут быстро уничтожены. И мы сможем использовать гиперэскадры по второму разу.

– Нет, – Свердлов встал напротив меня и посмотрел в глаза. – Силы мы, возможно, сохраним, но не тактическое преимущество. Они поймут наш маневр и примут меры, чтобы помешать нам сделать это во второй раз.

– Товарищи офицеры, – сказал Фомин, – фобосианцы и «реформаторы» почти закончили экстренное торможение. Еще полминуты, и они выйдут из зоны прыжка. Давайте решать побыстрее.

– Товарищ Президент, – я повернулся к Суворову, – на мой взгляд, они не смогут предположить, что мы предпримем это еще раз. Что скажете?

– Будем рисковать. Ввести в бой крейсера.

Президент произнес это уверенно, но я понимал, какой ценой далось ему это решение. Он фактически взял всю ответственность на себя.

– Эскадрам крейсеров гиперпространственного боя, – сказал я в микрофон, – приступить к выполнению плана «5-16». Авианосцам прикрытия оставаться на месте.

Это было кодовое название плана обходного маневра. Капитан каждой эскадры знал, что ему делать по этому плану. Всего через два десятка секунд после отдачи приказа стали видны вспышки открывающихся выходов гипертоннелей.

– Дайте крупный план! – приказал Президент.

Голограмма в центре зала показала место, где эскадры выходили из гиперпространства. Фобосианские и «реформаторские» корабли спешно меняли курс и пытались перестроиться, но было слишком поздно. Наши крейсера с ходу вступили в бой, и прежде чем фобосианцы сменили построение, каждый наш крейсер торпедным залпом успел уничтожить более двух десятков кораблей противника. Не меньше половины объединенного реформаторско-фобосианского флота к тому моменту уничтожили линкоры. Хотя голограмма не передавала всю величественность огромного сражения, она ясно показывала – фобосианцы и «реформаторы» обречены. Все их корабли развернулись на крейсера, стремясь нанести нам максимальный урон перед тем, как погибнуть. Суда Альянса не двигались. Они могли прийти на помощь гибнущему флоту союзников, но не делали этого. Силы фобосианцев и «реформаторов» предоставили нам для расстрела, а тем временем таранные и прикрывающие их авианосцы уходили.

Бой приближался к закономерному завершению. Корабли фобосианцев и «реформаторов» один за одним исчезали в огне наших крейсеров и линкоров. Но Альянс по-прежнему не двигался с места. Их корабли ждали развязки. Тараны и авианосцы достигли расположения своего флота. Стало ясно, что они просто предали своих союзников.

– Товарищ маршал, – сказал один из связистов, – докладывает командир объединенной эскадры гиперкрейсеров. Все корабли фобосианского и девяносто пять процентов кораблей «реформаторского» флотов уничтожены. Небольшая часть «реформаторского» флота отступает. Преследовать их?

– Не надо, – сказал я. – Пусть возвращаются на исходные позиции. И запросите информацию о потерях.

– В общей сложности флоты потеряли около двенадцати эскадр. Большая часть кораблей была уничтожена собственными экипажами, для предотвращения захвата противником.

– Итак, первая атака закончилась, – подвел итог Зайцев.

– Да, – я сел в кресло рядом с Суворовым и посмотрел на часы. 00:12:08. – Двенадцать минут, и многомиллионного флота больше нет. Фактически силы сравнялись.

– Товарищ маршал, – спросил Фомин, – как думаете, через сколько минут они начнут вторую атаку?

– Ну, думаю, минут восемь-десять у нас есть.

– Товарищ маршал! – сказал связист. – Посмотрите!

Он перевел голограмму на изображение передовых порядков флота Альянса. Было видно, как часть кораблей сформировала три больших конуса, и они начали двигаться в нашу сторону.

– Так, похоже, я ошибся, – я вновь вскочил. – Определите тип атакующих кораблей.

– Это, – связист потянулся к пульту и увеличил изображение флота, стали видны отдельные корабли, – авианосцы, товарищ маршал.

Взгляд бойца был полон недоумения. Да и мой, наверное, тоже. Авианосцы!

– Но это же бред! – проронил кто-то из младших офицеров Совета.

– Сам понимаю, что бред, – ответил я. – Думайте, товарищи офицеры, думайте! За время сражения я видел действия только товарища Фомина. Остальные что? Полковник Соболев, что скажете?

– Должен признать, – Соболев шагнул к голограмме, – я ничего не понимаю. Использовать авианосцы против линкоров – это чистое самоубийство. Авианосцы будут уничтожены на подлете, а те истребители, что успеют подняться, встретит шквальный зенитный огонь.

– То-то и оно. А вы, товарищ Тимофеев? Это, кстати, ваш шанс.

Тимофеев поднял на меня глаза. В них, вопреки моим ожиданиям, читалась робкая уверенность.

– А может быть, они, – Тимофеев обвел рукой часть голограммы, показывающую один из конусов, – хотят проверить операцию, которая только что провалилась? Я имею в виду –

оставить авианосцы и самолеты нам на растерзание а потом прыжком перебросить свои тараны к конусам и резко ударить?

– Неплохо, товарищ Тимофеев, – я был удивлен, – но этот вариант отменяется потому, что авианосцы будут уничтожены гораздо раньше, чем подойдут на приемлемую для таранов дистанцию. Какие еще будут предложения?

В зале повисла напряженная тишина. Было слышно только очень тихое гудение компьютеров. Большинство офицеров даже затаило дыхание.

– Итак, ни у кого мыслей нет, – подвел я итог после двадцатисекундного молчания.

– Может быть, это вовсе не тактика... – сказала вдруг стройная высокая брюнетка с короткой стрижкой.

– Майор Стрелина, – перебил девушку Свердлов, – вы разговариваете с маршалом, соблюдайте субординацию.

Конечно, десантник хотел не услужить мне, а просто сорвать на ней злость.

– Отставить, генерал-полковник. Я сам могу приказать подчиненным соблюдать порядок. Когда это будет нужно. Продолжайте, майор, – я подошел к девушке.

– Это не тактический маневр, – она ничуть не смутилась простому обращению маршала. – Они просто пытаются имитировать бессмысленную атаку авианосцами.

– Зачем? – я обернулся и посмотрел на голограмму: авианосцы шли на половинной скорости в 68 скоростей света, и у нас оставалось больше семи минут.

– Отвлечь. Спрятать что-либо. Возможно, обманный удар из гиперпространства, а возможно, это и не авианосцы вовсе.

– Ну, насчет гиперпространства, это, конечно, вряд ли, – я подошел к пульта связиста. – У них практически не осталось гиперкрейсеров, а другими кораблями мощный удар из гиперпространства не нанесешь. Но вторая версия вполне вероятна. Примем ее в качестве рабочей, – я обвел зал взглядом. – Все равно ничего лучше нет. Проверить авианосные построения противника сканерами на максимальной мощности. Все частоты. От радиоволн до гамма-излучения.

Четверть минуты мы стояли в полном молчании. Все понимали важность момента. Каждая секунда промедления могла стоить жизни тысячам, если не миллионам бойцов.

– Товарищ маршал, – наконец доложил связист, – ничего нет. Совсем. Авианосцы как авианосцы.

– Выходит, ошиблись? – я посмотрел на девушку.

– Возможно. Хотя есть идея. Встань, – приказала она связисту и сама села за пульт. – Ты проверял сканерами «Зари»?

– Да, – растерянно ответил связист. – Они же у нас самые мощные.

– Мощные-то мощные, – девушка говорила одновременно с набором команд на клавиатуре. – Но расположены не там. Дай код доступа к главному компьютеру «Ивана Грозного».

Связист посмотрел на меня. Коды доступа к компьютерам кораблей были секретной информацией первого уровня. Только по приказанию Президента или маршала Федеральных сил эти коды могли быть сообщены посторонним.

– Быстро, быстро, код! – почти крикнул я.

Набрав несколько команд на клавиатуре, связист произнес:

– Код: 1-4-9-0-2-0. Это максимальный доступ.

– Отлично, – девушка уже набирала код.

– Свяжись с «Иваном Грозным», – приказал я другому связисту, – передай, что в их компьютер сейчас влезут. Пускай не пытаются помешать.

– А вот и мы, – девушка вывела на экран схему линкора. – Нам нужны носовые сканеры. Активизируем. Итак, смотрим.

На мониторе появилось фронтальное изображение броффианского авианосного флота. По-прежнему три конуса авианосцев.

– Вот оно! – воскликнула девушка. – Товарищ маршал, смотрите!

Она указала на монитор, одна часть которого теперь показывала фронтальное изображение броффианского флота, а другая – вид сбоку.

– Обратите внимание на этот корабль, – она указала пальцем на один из кораблей во фронтальной проекции. – Этот же корабль, но вид сбоку, – она показала на другую часть экрана. – А теперь совмещаем. Видите?

Она попала в самую точку. Боковое и фронтальное изображения смещались относительно друг друга более чем на двести метров. В масштабе сражения это было не видно, но детальное рассмотрение подтверждало вывод девушки: они что-то прячут.

– Итак, это голограмма, – сказал я. – Видимо, каждый корабль воспроизводит свою часть голограммы. Снаружи авианосцы, а внутри что-то другое. Мы посмотрели с двух разных точек, а они не ожидали такого. Значит, в глубине строя не авианосцы.

– Но, товарищ маршал, – сказал связист, вновь сев за пульт. – Масс-индикаторы показывают количество материи соответствующее авианосцам.

– Может, это и есть авианосцы, только с другим оружием? – предположил Фомин.

– Нет, зачем тогда делать голограмму? Тут что-то другое. Отсюда мы вряд ли что-то узнаем. Выделите три отряда по двадцать эскадр, и пусть они на максимальной досветовой скорости пройдут сквозь конусы. В бой специально не вступать.

– Есть!

– Да, майор Стрелина, – повернулся я к девушке, – если не ошибаюсь, ваши действия отвечают требованиям ордена Александра Невского. Я прав, товарищ генерал-полковник? – я повернулся к Свердлову.

– Так точно! – прошипел десантник.

И чего он на меня взелся? Я отклонил его бредовое предложение снять с кораблей десант, а Свердлов, видимо, воспринял это как личное оскорбление.

– Товарищ маршал, эскадры готовы.

– Отлично, пусть начинают движение.

В главном иллюминаторе стало видно, как три небольших отряда гиперкрейсеров начали полет к приближающимся конусам. Не более десятка секунд занял предбоевой марш. Затем эскадры приостановились и перешли на досветовую скорость в двадцать тысяч километров в секунду. Несколько мгновений после этого два флота летели навстречу друг другу. Но затем броффы начали перестраиваться, и конусы стали как бы продавливаться, переводя широкую часть нам навстречу.

– Как будто приглашают, – едва слышно прошептала Стрелина.

Эскадры гиперкрейсеров продолжали двигаться вперед. Несколько секунд – и они скрылись в гуще авианосных эскадр. Я ожидал взрыва, невероятного по мощности удара лазеров – чего угодно. Но не происходило НИЧЕГО. Наши эскадры должны были показаться с другой стороны, но лишь конусы продолжали двигаться вперед, быстро замедляя скорость и перестраиваясь в прежний вид. Подождав пятнадцать секунд после критического срока, я сказал:

– Вызовите флагман любой из этих эскадр.

– Крейсер «Архангельск», вас вызывает станция «Космическая заря», – послышался ровный голос связиста. – Крейсер «Архангельск», вас вызывает станция «Космическая заря», отзовитесь!

– Попробуйте другие крейсера! – сказал я. Это выходило за рамки нормального.

– Крейсера «Владислав Волков» и «Владимир Мономах», отзовитесь! Вас вызывает станция «Космическая Заря»! – связист повторил это более десяти раз, – Ничего, товарищ маршал. Как будто они исчезли!

– Исчезли! Гиперпространственная ловушка? – я посмотрел на Зайцева, потом на Степанова и Соболева.

– Не думаю, товарищ маршал, – покачал головой Степанов. – Представьте, какой мощности должны быть излучатели на этих кораблях, чтобы открыть восемьсот гиперканалов и принудительно направить туда все корабли. Да и тактика гиперловушек не подходит для этого сражения.

Да, эта тактика устарела. А раньше с ее помощью выигрывались целые сражения. Суть ее была проста: открывались каналы прямо в центр какой-нибудь звезды, и гравитационными излучателями корабли противника направлялись в эти проходы.

– Внимание на экран! – резко произнес Зайцев, и все вскинули головы.

Конусы прошли те места, где эскадры вошли в них. За арьергардом конусов появились наши крейсера. Но они не двигались. Казалось, с того момента, как мы потеряли их из виду, эскадры не сделали ни одного движения.

– Крейсера «Владислав Волков», «Владимир Мономах», «Архангельск», отзовитесь! Вас вызывает станция «Космическая Заря»! – связист вновь начал вызов крейсеров, – Любой корабль первой, второй и третьей сводных гиперэскадр – отзовитесь.

– Да они что там, заснули! – воскликнул Степанов и подскочил к пульту связиста. – Капитанам флагманских кораблей сводных эскадр немедленно выйти на связь. Григорьев, Иванов, Лисицын, – генерал-майор назвал капитанов по фамилиям, – если немедленно не ответите, пойдете рядовыми техниками в ремонтные доки! Выйти на связь!

– Бросьте, Степанов, – резко оборвал его я. – Они мертвы!

– Но корабли-то целы!

– Не знаю, что бродффы с ними сделали, но не сомневаюсь – все, кто был на борту, мертвы.

– Тогда давайте обстреляем их торпедами. Что бы там ни было, против торпед они не устоят.

– И потерять еще шестьдесят эскадр? Нет, мы поступим по-другому. Перестроить флот для открытия линии огня станций. Подготовить орудия главного калибра станций!

– С ходу и главным калибром? – негромко произнес Зайцев, – Не рано ли?

– Не рано. И приготовьте оставшиеся гиперкрейсера для добивания противника.

Внезапно бродффианские авианосцы стали ускоряться. За ними пришел в движение весь флот Альянса.

– Все, обмен любезностями окончен, – сказал я, – медленно опускаясь в кресло, – Теперь впереди глобальный бой. Доложить, как только станции будут готовы к стрельбе. Сколько осталось до соприкосновения с авианосцами?

– Если они продолжают так же ускоряться, то две минуты одиннадцать секунд.

– Больше нам и не надо.

Авианосцы продолжали наращивать скорость. Какое бы оружие ни находилось на их борту оно явно предназначалось для ближнего боя. Остальной флот уже перестроился и набрал такую скорость, чтобы оказаться за боевыми порядками как раз в тот момент, когда авианосцы выйдут на нужную дистанцию. Но мы им не дадим.

– Станции готовы к залпу, товарищ маршал!

– Отлично! – я поднялся и встал позади связиста. – Притемните иллюминатор, цель для станций – авианосное соединение противника. – Я приказал снизить светопропускаемость иллюминатора, потому что вспышка лазера главного калибра могла запросто ослепить.

– Цель захвачена!

– Огонь!

Тысяча восемьсот лазерных лучей огромной мощности понеслись к вражеским эскадрам. С интервалом в миллисекунды лучи врезались в них. Большая часть лучей насквозь прошла

сквозь строй кораблей, уничтожив по пути несколько десятков боевых единиц противника. Центральный конус был практически уничтожен.

– Подготовить второй залп! Цель – левый конус!

Всего десять секунд понадобилось станциям, чтобы сменить наводку и подготовить новый удар.

– Огонь!

И еще более мощный, сосредоточенный только на половине эскадры, залп снес конус.

– Все, – сказал я, когда отзвучал второй залп. – Дальше стрельба по эскадре бессмысленна. Посылайте вперед крейсера. А станциям сменить наводку и вести огонь по основным силам противника!

Гиперпространственные эскадры начали сближение с оставшимся конусом, к которому примкнули уцелевшие корабли из двух других. Наши крейсера пошли на сближение стройной цепью. Вскоре они приблизились на дистанцию выстрела торпед.

– Товарищ маршал, крейсера готовы к торпедному залпу!

– Огонь!

Десятки тысяч серебристых снарядов отделились от строя крейсеров и понеслись вперед. Авианосцы даже не попытались сменить направление движения! Торпеды врезались в их строй. Но вместо мощнейшего взрыва, который должен был смести весь первый эшелон, произошло несколько мелких, почти не причинивших вреда противнику вспышек.

– Повторить залп! Огонь по готовности!

Крейсера продолжали приближаться к противнику. Перезарядив торпедные аппараты, они произвели второй залп и с тем же успехом: большинство торпед просто не взорвались.

– Да что за чушь! – воскликнул Степанов. – Мои крейсера способны разорвать на куски десяток боевых станций, не то что какие-то авианосцы!

– Как видите, не способны! – я тоже терялся в догадках, чем они обезвредили торпеды. – Перебросьте туда авианосцы, предназначавшиеся для прикрытия, и пусть они вместе с крейсерами уничтожат противника любой ценой!

– Может, лучше отведем силы к линии обороны? – предложил Соболев. – И примем удар там?

– Нет, – я устало потер глаза. – Судя по всему, от лазеров они защищены плохо. А кроме того, неизвестно, что они могут своим оружием сотворить с нашим основным флотом. Авианосцев осталось не так уж много, так что пусть крейсера пройдут по ним лазерами.

Наши авианосцы, которые по первоначальному замыслу должны были прикрывать крейсера при прыжке в тыл таранным кораблям, начали движение на максимальной скорости. На подходе к противнику с них взлетали самолеты. Когда наши крейсера, заливая противника огнем, появились на дистанции в десять тысяч километров, авианосцы бродяг вновь образовали воронку, в которую пытались направить наши корабли. Но крейсера, наученные горьким опытом, не пошли на поводу у противника. Они разошлись кольцом и прошли сверху внешнего диаметра. Хотя торпеды были самым мощным оружием гиперкрейсеров, но далеко не единственным. На каждом крейсере стояло по два тяжелых лазера и восемь средних. Да плюс штурмовики, бомбардировщики и истребители с авианосцев. Бродяги поняли, что их тактика дала осечку, и стали резко перестраиваться, судя по всему, в сферу. Но крейсера и самолеты работали очень оперативно, и всего через три минуты после первого залпа остатки авианосцев отступили. Но на подходе была основная часть флота Альянса.

– Крейсерам и авианосцам отступить! Двигаться к основному резерву.

– Товарищ маршал, станции израсходовали основной запас энергии, – предупредил связист. – Аккумуляторов и реактора хватит только на энергообеспечение зенитной артиллерии и поддержание функционирования основных систем.

– Ладно, мы и так здорово потрепали незваных гостей! Теперь вся надежда на линкоры, – я повернулся к Зайцеву. – Надеюсь, товарищ генерал, они готовы драться до последнего.

– Они готовы драться и умереть, если понадобится.

– Умирать как раз не надо. Надо выжить. И победить. Дайте связь! – последняя фраза относилась к связисту. Он протянул микрофон. – Внимание, экипажам линкоров! Наступает момент, когда нужно показать врагу всю мощь нашего линейного флота! Не подведите Землю!

Когда флот Альянса приблизился на дистанцию стрельбы, началось то, что называется словом «сражение». Взрывались одновременно десятки кораблей. Несмотря на губительный огонь станций, прошедшийся по флоту противника, линкорам приходилось драться с противником, количественно превосходящим их более чем в десять раз. Флот Альянса продолжал двигаться вперед, неся огромные потери от огня линкоров и сам уничтожая наши корабли. В авангарде находились тараны, на которые бродффы надеялись как на чудо-оружие. Несмотря на то, что практически все авианосцы – четверть бродффианского флота – были уничтожены, их корабли составляли две трети флота Альянса.

Огонь линкоров выкашивал ряды противника, но Альянс продолжал наступление. Ему некуда было деваться: все его планы разгаданы, секретное оружие уничтожено. Оставалось только лобовое сражение. И они стремились как можно быстрее приблизиться к нашим кораблям на заветные две сотни километров. Но линкоры стояли насмерть.

– Товарищ маршал! – почти выкрикнул один связист. – С «Ивана Грозного» передают, что было попадание в район рубки. Флагман лишился управления.

– Жертвы есть? – я на секунду опередил Зайцева, который хотел задать тот же вопрос. Там ведь была его дочь.

– Так точно. Из двадцати четырех человек один погиб сразу и еще трое в корабельном госпитале.

Зайцев побледнел.

– Имена погибших?

– Они не передали.

– Ну хоть что-то! – крикнул Зайцев. Даже у такого бывалого воина нервы были на пределе. – Мужчины, женщины? Кто?

– Сейчас, – на несколько секунд радист отвернулся к пультам. – Погибли две женщины и двое мужчин.

Я мысленно выругался. По штатному расписанию в рубке «Ивана Грозного» могли находиться три женщины. Представляю, что творилось в душе у Зайцева.

– В рубке работает спасательная команда. Там сплошные завалы...

– Значит, так, – жестко сказал я, – пусть немедленно составят список тех, кого вытащили. Живых и мертвых. Быстро! И кто им нужен на замену!

– Есть.

Одного взгляда мне хватило, что бы понять состояние Зайцева: глаза устремлены в центральный иллюминатор, кулаки сжаты так, что пальцы стали пепельно-белыми. Он стоял позади связиста, ожидая запрошенных мною списков. Я отошел к столу.

А сражение тем временем продолжалось. К счастью, флагман лишь потерял управление, но не вышел из строя совсем, так как КП флота находился на две палубы ниже рубки. Там же располагался резервный центр управления кораблем. С поврежденного флагмана продолжали руководить действиями линейного флота.

– Списки есть! – послышался голос связиста, и на мониторе вспыхнули двадцать четыре фамилии.

Зайцев опустил глаза медленно, боясь увидеть напротив фамилии своей дочери сокращение П.В.Б – погибла в бою. Я активировал дальние сенсоры «бессмертных» и прочитал на экране: «Полковник Зайцева М. И. Статус: Р.В.Б. – ранена в бою. Примечание: состояние ста-

бильно тяжелое, угроза жизни – сорок шесть процентов. Проводится транспортировка на гарнизонную станцию «Петропавловск». Генерал Зайцев шумно выдохнул.

– Кто командует кораблем? – спросил я.

– Лейтенант Нефедов, офицер связи.

– Что, больше некому? – это был чисто риторический вопрос. Нефедов, безусловно, пожертвует и собой, и кораблем, если будет нужно, но «Иван Грозный» – флагман, и гибнуть ему никак нельзя. – Товарищ Президент, линкору нужен капитан. Я немного знаю этого лейтенанта. Он угробит и себя, и корабль.

– Товарищ маршал, Вы же знаете, что сейчас пилотов не хватает, – в словах Суворова имелся смысл. Экипажи были укомплектованы неопытными летчиками, только что вышедшими из стен Звездной академии. Именно поэтому я постарался, чтобы хоть те двое пилотов из звездного челнока, пусть неопытные, но несомненно талантливые, получили линкор под свое командование.

– Товарищ Президент, – тихо произнес Зайцев, – разрешите мне?

Суворов посмотрел на него долгим взглядом и так же тихо сказал:

– Иди.

– Спасибо, товарищ Президент, – глаза Зайцева сверкнули.

Генерал резко повернулся и вышел из комнаты. А сражение кипело. Линкоры перенесли огневой вал на сверхближнюю дистанцию, и только слаженная работа орудий и лазеров не позволяла противнику подвести свои таранные корабли на необходимое расстояние. Накал сражения достиг такого масштаба, что стало понятно: через десять минут, если не раньше, атака Альянса завершится. Их корабли гибли уже не десятками – сотнями. Но было понятно и другое. У наших линкоров нет этих десяти минут. Четыре-пять, может быть, шесть минут, и фронт будет не просто прорван. Он будет уничтожен, а те жалкие остатки линейного флота, что не погибнут в первую очередь, даже не успеют перегруппироваться для отхода.

– Товарищ маршал, – сказал Фомин, – либо мы что-то делаем либо отступаем. Просто так давать расстреливать наши корабли нельзя!

– Знаю! – я резко сел в кресло. – Гиперкрейсера пополнили боеприпасы?

– Так точно, товарищ маршал.

– Тогда вводите их в бой.

Учитывая обстановку, я задействовал самый мощный наш резерв. Крейсера быстро построились, и уже через полминуты после отдачи приказа первые ряды нападавших были смяты торпедным залпом с ходу. На дистанции в двадцать тысяч километров для гиперкрейсеров это была настоящая штыковая. Торпедный удар отбросил противника. Практически все прикрытие таранных кораблей было уничтожено, но Альянс наступал, не считаясь с потерями. Торпеды перезарядили, и еще один залп накрыл порядки противника. На этот раз досталось и таранам. Как минимум, пятая часть их была уничтожена. Видимо, поняв, что такая тактика не приносит успеха, они начали набирать скорость.

– Они ускоряются! – Фомин, не отрываясь, смотрел на монитор.

Альянс сознательно лишал свои корабли возможности вести прицельный огонь, чтобы проскочить на максимальной скорости смертоносное пространство.

– Приготовить к введению в бой резерв линкоров и гиперкрейсеров! – я понимал, что оставшиеся десять процентов от этих объединенных эскадр могли задержать атаку.

– Товарищ маршал, – связист посмотрел на меня, – на связи «Иван Грозный».

– Включай.

– Товарищи офицеры, говорит генерал Зайцев. Положение на линкорах крайне тяжелое, – когда эти слова раздались в зале, некоторые офицеры удивленно уставились в иллюминатор, но с такого расстояния бой выглядел хоть и грандиозно, но как-то нереально. – Линкоры не выдержат еще одну атаку. Боеприпасы на исходе, запасы энергии истощены, реакторы рабо-

тают на пределе. Предлагаю нанести максимальный урон противнику, пусть это даже обернется для нас гибелью. Они наверняка приостановятся на двухсоткилометровой отметке. Когда это произойдет, нужно сконцентрировать максимальную огневую мощь на противнике.

Зайцев замолчал. Я посмотрел сначала на Президента, потом на Фомина, потом на Соболева.

– Нам предлагают пожертвовать линейным флотом, – негромко произнес я. – Причем предлагает человек, который сам находится на линкоре.

Командующие молчали.

– Восполнить резервом самые серьезные потери, – я подошел к иллюминатору и посмотрел на рваный строй линейных кораблей. Где-то среди них «Иван Грозный». – Приготовить авианосцы и десантные корабли к введению в бой. Боевым станциям задействовать резервные мощности. Необходима энергия для одного залпа. Всем кораблям, находящимся на боевых позициях, перезарядить вооружение и не стрелять до приказа.

Я замыслил грандиозный маневр.

– Товарищ Соболев, – обратился я к полковнику. – Какая эскадра в вашем флоте самая лучшая?

– Седьмая гвардейская авианосная эскадра.

– Отлично, тогда не вводите ее в бой пока. Пусть ждут отдельного приказа. А у вас, товарищ Свердлов?

– Пятьдесят шестая разведывательная эскадра, – с едва заметной заминкой ответил генерал.

– Приказ тот же.

– Товарищ маршал, боевые станции готовы к залпу. Резервы на боевых позициях.

– Отлично. Дайте связь с «Иваном Грозным», – я взял микрофон. – Товарищ генерал, мы решили принять ваше предложение. Вы координируете залп.

– Спасибо, товарищ маршал.

– Всему флоту ориентироваться на орудия флагмана, – я отдал связисту микрофон. – Эскадры ждут?

– Так точно, – ответил Соболев.

– А ваша эскадра, товарищ Свердлов?

– Десант всегда готов к бою.

Напряжение нарастало. Противник развил такую скорость, что для ее погашения до приемлемого уровня им нужно будет применять экстренное торможение. Еще десяток секунд, и последует самый мощный удар, который когда-либо наносило человечество в сражении. Я мельком оглядел командующих. Степанов замер, неотрывно глядя в монитор. Соболев стоял расслабленно, но лицо было очень бледным. Суворов сидел в кресле и, глядя в иллюминатор, бесцельно царапал ногтем стол.

Корабли Альянса выпустили из кормовых частей так называемые солнечные паруса. Резкие вспышки, и в них ударили тормозные лазеры, сообщая кораблям обратную скорость. Это был наиболее эффективный способ торможения в космосе. И тут из самого центра линии обороны вылетели молнии выстрелов: «Иван Грозный» открыл огонь. Но лишь какие-то мгновения его выстрелы солировали. Шквал лазерного, ракетного, пушечного и торпедного огня ударил по противнику. Это было потрясающее зрелище. Строй противника в глубину до пятисот километров был смят. Казалось, что еще пара таких залпов, и сражение будет выиграно. Но сил больше не было. Прошло несколько секунд, и второй эшелон таранных кораблей произвел свой чудовищный залп, взламывая нашу оборону. Линкоры вспыхивали, плавились и гибли сотнями. Еще через пять секунд корабли Альянса врезались в наш строй. Больше не существовало наших рядов и рядов противника. Был один огромный котел, в котором за секунду гибли сотни кораблей.

– Авианосцы и линкоры – в бой! – после этой команды роль Ставки в сражении была закончена. Когда битва доходит до беспорядочного сражения, в котором непонятно, кто свой, а кто чужой, – мастерство стратегов не поможет. Остается только надеяться на умение, отвагу и талант экипажей каждого корабля. Я устало рухнул в кресло.

– Покажите «Иван Грозный», – сказал Суворов, и голограмма показала могучий линкор в окружении пяти броффианских крейсеров. Он отчаянно оборонялся, но силы были не равны. По корпусу пробежала серия взрывов. И вдруг сразу два корабля противника взорвались. Я мысленно поздравил Зайцева с этой небольшой победой. Но тут голограмма показала четыре броффианских крейсера, летящих на выручку своим. Теперь флагман дрался против семи противников. В кормовую часть линкора угодили две ракеты, а через несколько секунд там прошелся лазер, и левый нижний двигатель оторвался от корпуса. Развернувшись на последних мегаваттах энергии, линкор в упор отстрелил четыре торпеды, наверняка последние. Одна была подбита, но три других нашли свои цели. Одновременно взорвались три вражеских крейсера, и яркий цветок пламени закрыл голограмму.

– Им на помощь подходят еще несколько кораблей Альянса. Наши сенсоры не могут пробиться туда сквозь их строй.

Но все было ясно и так. Зайцев уже погиб или скоро погибнет. В одиночку уничтожив пять броффианских крейсеров, он не мог победить еще четыре, не говоря уже о тех, которые спешили тем на подмогу.

– Какова общая ситуация в сражении? Покажите наши корабли и противника.

Голограмма стала показывать тот же вид, что был и на главном иллюминаторе. Но здесь цветом отмечались наши и вражеские силы. Красные точки, обозначающие наши корабли, почти в три раза уступали в численности противнику. Но самое плохое заключалось не в этом. Наши силы были распылены по всему полю сражения и постепенно окружались. Я услышал, как Суворов тихо выругался.

– Где находится флагман Альянса?

На экране зажглась стрелка, указывающая на «Горбагемо», флагманский корабль врага.

– Срочно связь с седьмой отдельной авиаэскадрой и пятьдесят шестой десантной эскадрой.

Я решил ввести в бой последнее средство.

– Говорит маршал Шолохов. Задача – захватить или уничтожить флагманский корабль Альянса «Горбагемо». Совершите прыжок к кораблю и выполните приказ любой ценой. От этого зависит исход сражения.

– Две эскадры против всей охранной флотилии «Горбагемо»? – пробормотал Свердлов. – Это же самоубийство!

– Мы и так практически мертвы! – зло ответил я. – Дайте голограмму!

Эскадры вышли из гиперпрыжка рядом с кольцом кораблей охранения «Горбагемо». Противник явно не ожидал такой дерзости, и пока он перестраивался для открытия огня, несколько кораблей с десантниками успели прорваться к вражескому флагману, а с авианосцев поднялись самолеты. Первый эшелон десантников почти прорвался к кораблю, и корабли уже собирались включить магнитные захваты. Но флагман первым же залпом разнес десантные суда. Зенитная артиллерия «Горбагемо» заработала на полную мощность, и первые две волны самолетов были уничтожены. Началась бойня. Самолеты и десантные корабли гибли под губительным огнем полусотни боевых судов. Авианосцы, выпустив самолеты, пытались отстреливаться, но слабое зенитное оружие не могло причинить вреда крейсерам и эсминцам, охранявшим «Горбагемо». Наши эскадренные миноносцы прикрывали огнем десантные суда. Пилоты самолетов понимали, что даже если они выживут под огнем противника, даже если им удастся серьезно повредить флагман, все-равно это будет билетом в один конец. Большинство авианосцев уничтожены, а после гибели флагмана весь гнев противника обрушится на самолеты, погу-

бывшие его. И вдруг произошло то, чего я даже не мог предполагать. На максимальной скорости сотня истребителей направилась прямо к сверкающей рубке флагмана. Противник разгадал замысел отважных пилотов и сосредоточил на них весь огонь. «Горбагемо» попытался уйти с опасного курса, но было поздно. Сильно поредевшая от огня противника группа истребителей подлетела к рубке, и одна за другой четыре машины врезались в центральный командный пункт Альянса. Мы знали, что противник настолько уверен в себе, что даже не потрудился продублировать КП, чтобы перенести его на другой корабль. И теперь флагман противника оказался в худшем положении, чем «Иван Грозный» десять минут назад. Около минуты поврежденный флагман еще вел ответный огонь, но он становился все слабее, так как линкором больше никто не командовал. Когда огонь окончательно прекратился, к флагману рванулись двенадцать кораблей пятьдесят шестой разведывательной эскадры, лучшего десантного подразделения Федерации. Из двенадцати судов только семь было десантными. Остальные – корабли обеспечения: транспортник, штабное, ремонтно-эвакуационное и два госпитальных. Причем они построились так, чтобы обеспечить хоть какую-то защиту десантным кораблям. Те, кто находился на вспомогательных судах, понимали, что если у десантников еще есть небольшие шансы состыковаться с флагманом и выжить, то у них шансов нет совсем. От мощного залпа один госпитальный корабль потерял управление и начал крениться в глубину строя десантных кораблей. Через несколько секунд он взорвался. Вскоре два десантных корабля и транспортник были сметены торпедным ударом. Но, несмотря на тяжелейшие потери, эскадра почти достигла флагмана. Идущий в авангарде десантный корабль активировал магнитные захваты и присоединился к корпусу «Горбагемо». Но один эсминец противника выбрал момент и впритирку с обшивкой флагмана запустил торпеду. Она взорвала наш корабль, так и не успевший высадить десант.

Однако больше этот эсминец рисковать не стал, поскольку опасался зацепить собственный флагман. Подошли сразу три наших десантных корабля и пристыковались к корпусу «Горбагемо». Мощные лазеры вырезали в обшивке отверстия, через которые внутрь судна устремились десантники. Корабли охраны флагмана уже поняли, что по пристыкованным кораблям бесполезно стрелять, и перенесли весь огонь на остатки десантной и авианосной эскадр. Последний десантный корабль, не успевший пристыковаться, был уничтожен вместе со вспомогательными судами. Эминцы и авианосцы также были почти полностью разбиты. Небольшие группы истребителей не могли повлиять на исход битвы. Оставалось надеяться на те три корабля, которые успели высадить десант. Ведь на каждом из них было по три тысячи десантников. Плюс две сотни экипажа самих десантных кораблей. Эти люди, несомненно, тоже высадились на флагман. Практически десять тысяч человек. Легкая дивизия. Но и флагман Альянса был немаленьким кораблем. По размерам он превосходил «Ивана Грозного» в три раза, а по численности экипажа более чем в пять. Так что десанникам противостояло более шестидесяти тысяч броффов и других рас Альянса. А враги уже наладили управление кораблем со вспомогательной рубки. «Горбагемо» вновь начал двигаться, не оставляя даже малейшей возможности уничтожить его внешним огнем.

Сражение тем временем продолжалось. С поврежденного флагмана поступали приказы флоту противника. Численное соотношение стало таким: пять кораблей Альянса на один наш. Изредка боевые станции накопив энергию, давали выстрел в самую гущу противника, но это не могло принести решающего результата. Резервов больше не оставалось. Боевые станции с истощенными реакторами могли только обороняться. Но когда очаги сопротивления наших кораблей будут подавлены, противник сметет станции одним залпом.

– Товарищ маршал, – голос связиста срывался, – Генштаб вызывают десантники из «Горбагемо»!

– Срочно давай связь!

Динамики включились, но сначала были слышны только выстрелы и взрывы. Еще через минуту мы слышали девичий голос:

– Говорит заместитель командира второго десантного полка девятой дивизии пятьдесят шестой десантной эскадры лейтенант Стрелина, – услышав эти слова, я посмотрел на девушку, подсказавшую решение «авианосного» маневра бродффов. Дочь? Сестра? Или просто совпадение? – Командир эскадры погиб на подходе к флагману, командиры всех высадившихся полков и дивизий убиты или тяжело ранены. Под моим командованием находится только третий десантный батальон и штабная рота второго полка. Кроме того, несколько десятков человек из экипажа десантного корабля. Связь имеется только с восьмым полком. Мы захватили двигательный отсек, восьмой полк контролирует оружейную палубу...

Несколько секунд опять была слышна только стрельба. Причем преимущественно лучевых бродффианских винтовок. Хлопнул взрыв гранаты, и огонь бродффов стал немного слабее. Девушка вновь заговорила:

– Мы несем тяжелейшие потери, боеприпасы кончаются. Сможем продержаться самое большее четыре минуты. Отступать некуда, – голос девушки был ровным, она прекрасно себя контролировала, хотя даже по звукам было ясно, что там настоящий ад. – Гибнем на посту. Прошу уничтожить флагман.

Майор Стрелина побледнела. Нет, наверняка эта девушка ее родственница. Десантница просила уничтожить флагман вместе с бойцами. Они знали, на что идут. Десантники жертвовали собой. Но у нас просто не было сил, даже чтобы просто расстрелять корабль, не то что прорваться через кольцо охраны.

– Говорит «Иван Грозный», – вдруг, без всякого предупреждения раздался голос Зайцева. Он еще жив? – Мы уничтожим «Горбагемо»!

И в ракурс голограммы, разорвав кольцо охраны флагмана, влетел «Иван Грозный». Защитное поле было снято, передняя оружейная башня снесена, из двигателей уцелел только верхний левый. Линкор не вел огня, перенес всю энергию на этот последний двигатель.

– Громкую связь! – рявкнул я связисту. – Лейтенант Стрелина, говорит маршал Шолохов. Ваша просьба будет выполнена. Линейный корабль «Иван Грозный» сейчас уничтожит флагман противника. Прощайте, лейтенант! – сказал я и тихо добавил: – И спасибо вам!

– За Федерацию! – послышался голос храброй десантницы.

– Товарищ маршал, – вновь раздался голос Зайцева. Видимо, он говорил на той же частоте. – Примите сигнал!

Связист нажал на кнопку, и зал наполнили звуки гимна Федерации, идущие с обреченного линкора. «Иван Грозный» под шквальным огнем неся к беспомощному флагману Альянса.

– Прощайте, товарищи! – воскликнул Зайцев.

И могучий линкор на огромной скорости врезался в борт «Горбагемо». Последовал мгновенный взрыв кораблей. Гигантская вспышка закрыла от нас и линейный корабль, и флагман. А когда свет погас, «Ивана Грозного» больше не существовало. Как не стало и бесстрашного генерала армии Зайцева, храброй десантницы лейтенанта Стрелиной и еще двадцати тысяч отважных мужчин и женщин, отдавших свои жизни за Федерацию.

Около четверти минуты мы стояли в оцепенении, наблюдая, как обломки двух кораблей, двух флагманов противостоящих флотов, разлетаются в космической бездне. А гимн все звучал. Видимо, сигнал, посланный Зайцевым, включил эту запись в компьютере станции. И только когда гимн завершился, в рубке возникло какое-то движение. Краем глаза я заметил, как выбежала из зала майор Стрелина. Глаза ее были абсолютно сухими, но тело содрогалось от сдерживаемых рыданий. Я подошел к Свердлову, который проводил девушку долгим взглядом. Вся его злость исчезла.

– Это была ее дочь, – пояснил он, заметив мой вопросительный взгляд. Я понимающе кивнул.

Бой продолжался. Корабли Альянса, несмотря на численный перевес, постепенно теряли преимущество. У бродффов, корабли которых составляли большую часть флота, не существовало промежуточного командования. Флагман управлял всеми кораблями. И теперь, лишившись командования, они несли огромные потери от потрепанного, но все еще организованного нашего флота. Сражение превращалось в побоище. Уже через десять минут соотношение сил выровнялось, и противник побежал. Не отступил, а именно побежал. Наши корабли заливали их огнем, но ответом были только отдельные выстрелы некоторых орудий. Об организованном залпе хотя бы одного вражеского корабля, не говоря уже об эскадре, речи не шло.

Через полчаса после гибели «Горбагемо» сражение было практически окончено. Те корабли Альянса, что успели вырваться из огненного кольца, уже ушли в гиперпрыжки, те, что остались, были захвачены нашими бойцами. Уцелевшие наши суда подошли к станциям, челноки летали по полю сражения, подбирая тех, кто успел на спасательных капсулах покинуть погибающие корабли.

Грандиозная битва длилась пять часов и стоила Федерации, по моим прикидкам, более трех миллиардов жизней и ста шестидесяти миллионов кораблей.

– Товарищи офицеры, – торжественно произнес Президент. – Благодарю всех. Станция прибудет в Солнечную систему приблизительно в двенадцать часов. Вас известят. А сейчас можете отдохнуть.

Я несколько минут просидел в кресле, глядя на ту часть пространства, где совсем недавно кипела битва, в которой погибли лучшие сыны и дочери Федерации.

– Пойдемте. – Я поднял глаза. Надо мной стоял Свердлов. Он примиряюще протянул руку. – Наше дело сделано, товарищ маршал. Мы победили.

– Да, вы правы, – я встал и пожал ему руку. – Мы победили. Все вместе.

Глава 5

Война продолжается

11:56:59. 15.07.3282 года. Орбита Луны, база «Космическая Заря».

Я открыл глаза. В каюте было темно, только через иллюминатор лился свет звезд. И очень тихо. На Земле не бывает такой тишины. Космическая тишина громче любого звука. А звезды только усиливали ощущение одиночества. Казалось, что ты один в бесконечном космическом пространстве. Но это было не так. К сожалению. Где-то, совсем недалеко по меркам Вселенной, находились остатки флота Альянса. Угроза Земле и другим планетам Федерации. Поэтому сейчас расслабляться было нельзя.

Громко хрустнув суставами, я встал. Вчера из-за усталости мне пришлось лечь спать в форме, даже не отстегнув кобуру. На кителе и рубашке почти не было складок – видимо я так устал, что за всю ночь ни разу не пошевелился.

Включив компьютер, стоящий на столе, я ввел свой личный код и открыл базу данных армии. Там уже была полная информация о наших потерях. Часть базы была доступна и гражданским. Каждый мог узнать судьбу бойца, введя его имя и часть, где он служил. Но меня интересовала общая сводка: сколько? Оказалось, что в сражении погибло 3 миллиарда 8 миллионов 256 тысяч 412 человек. При том, что армия Федерации насчитывала всего пять миллиардов, а в сражении принимали участие 3 миллиарда 563 миллиона 106 тысяч 320 человек. Арифметика проста. Выжил каждый седьмой. И это в среднем. А ведь есть подразделения, уничтоженные подчистую. Та же пятьдесят шестая десантная эскадра.

Мне вспомнился ровный голос десантницы, которая вызывала огонь на себя ради уничтожения неприятельского флагмана. А генерал Зайцев, под звуки гимна шагнувший со своим кораблем в бессмертие! Да и мало ли было таких героев? Поэтому сейчас главное, чтобы их жертвы не пропали даром. Альянс смертельно ранен, но еще не мертв.

Я уже собирался уйти, но вспомнил кое-что и ввел в компьютер: «Полковник Марина Зайцева». Компьютер тут же ответил: «Необходимая информация?» Не колеблясь, я написал: «Местонахождение». Несколько секунд компьютер искал нужное среди огромного количества информации и наконец ответил: «Медчасть Лунной базы, палата 840».

12:01:02.

Белые двери разошлись в стороны, и я шагнул в полумрак палаты. Стараясь не шуметь, подошел к койке, на которой лежала Марина.

– Мы победили? – послышался ее голос.

– Да, мы победили, – ответил я, потрясенный тем, что, только очнувшись, она думает о войне.

– А, это вы, товарищ маршал! – Зайцева зажгла тусклый светильник над изголовьем, и мне удалось разглядеть ее усталое лицо. У виска был замечен заживающий шрам.

– Марина, – я присел на стул рядом с ее койкой, – мы победили, но погибло более трех миллиардов бойцов. К сожалению, твой отец тоже.

Она судорожно сглотнула. На глаза навернулись слезы, и она закрыла лицо руками. Тихие всхлипы наполнили каюту. Генерал воспитал свою дочь слишком сильным человеком. Слишком сильным для того, чтобы позволить себе просто разрыдаться.

– Как он погиб? – наконец спросила она.

– После твоего ранения, он принял командование «Иваном Грозным» и в самом конце битвы протаранил «Горбагемо». Альянс потерял командование, и именно поэтому мы смогли победить.

– Какая злая ирония, – Зайцева убрала руки от лица. – Один флагман уничтожает другого. Но отец... – она всхлипнула. – Если бы меня не ранили, он бы остался жив.

– Он погиб героем. Как и жил. Даже в последний момент перед тараном он помнил о Федерации. С «Ивана Грозного» на все корабли Федерации шел радиосигнал с гимном.

Несколько минут мы просидели в молчании. В приглушенном свете все казалось нереальным и далеким. Великая битва, которая кипела несколько часов назад, уже казалась частью истории. И не только казалась.

– Я отомщу Альянсу за отца. Клянусь. Чего бы мне это ни стоило.

12:12:07.

– Итак, товарищи офицеры, – начал Президент, когда все командующие собрались в Генеральном штабе. Точнее, не все. Место генерала Зайцева пустовало. – В прошедшем сражении мы победили. Эта победа дорого нам далась. Все знают цифры потерь. Но война еще не окончена. Альянс потерял девяносто процентов боевого состава флота. Восполнить хотя бы половину потерь они смогут не ранее чем через двадцать дней, поэтому время есть. Однако противник обладает мощными наземными силами. Необходимо готовиться к затяжной войне за отдельные планеты. Сейчас остатки нашего флота взяли в блокадные кольца наиболее важные звездные системы Альянса. Однако, заблокированные системы составляют лишь восемнадцать процентов от общего количества. Хотелось бы услышать ваши соображения о дальнейших действиях.

Несколько секунд мы молчали. Потом встал Степанов.

– Товарищ Президент, а может быть, одним ударом аннигиляционными ракетами уничтожить все живое на их планетах? Абсолютно все, чтобы не дать им возможность нанести ответный удар.

– Нет, мы не можем объявлять аннигиляционную войну. Даже в конфликте на истребление мы соблюдаем «Договор об аннигиляционном оружии».

Он имел в виду договор, заключенный между Федерацией и остальными государствами. Тогда только появилось аннигиляционное оружие, основанное на принципе взаимоуничтожения материи и антиматерии. Всем была ясна его разрушительная мощь, в тысячи раз превышающая мощь ядерного. Договор позволял добиться определенных гарантий неприменения этого вида оружия, даже в условиях глобальной войны.

– Я согласен с товарищем Президентом, – вступил в разговор Фомин. – Мы можем уничтожить все планеты, но останутся их корабли. Существуют сотни баз хранения аннигиляционных зарядов на астероидах. Корабли придут туда, возьмут на борт бомбы и нанесут удар по нашим планетам. Пусть это будет последнее, что они сделают, но людям на планетах будет уже все равно. Двух дюжин аннигиляционных зарядов большой мощности хватит, чтобы уничтожить Землю. Ну, допустим, есть войска Заслона. К Земле они не пропустят корабли противника, но в Федерации более семидесяти звездных систем...

– Вы, безусловно, правы, товарищ Фомин, – сказал я. – Мы применим это оружие, лишь в том случае, если нам будет нечего терять. А пока что нам нужно воевать обычными средствами.

– Для массированного удара хотя бы по двум звездным системам одновременно у нас не хватит сил. Следовательно нужно нанести один удар. Куда? – Суворов включил голограмму с объемной картой Федерации и миров противника.

В Федерации принята система навигации относительно так называемой «основной плоскости». Опорными точками в этой плоскости являются: Земля, Солнце, Плутон. Все, что лежит условно выше этой плоскости, называется Высоким космосом, а все, что ниже – Глубоким. Но так исторически сложилось, что большинство планет Федерации и других государств находились чуть выше или чуть ниже этой плоскости. Поэтому исследования Высокого и Глубокого космосов практически не велись. В основном, изучался космос, располагающийся в основной

плоскости или недалеко от нее в обоих направлениях. Такой космос назывался Дальним. В нем были условно проведены стороны света. И судя по этой системе координат, Солнечная система находилась на северо-востоке Федерации. На востоке и чуть-чуть на юго-восток от Федерации находилась Броффианская империя. С юга – деонианцы, арвасы, цейколианцы и гэлеронды. Вситы подходили с юго-запада и запада. Северо-запад не был занят, и через него Федерация в мирное время имела выход к ничейному космосу. С севера находились эдорианцы и тердорианцы, которые являлись одной расой, расколовшейся в результате междоусобной войны, и виругорцы.

Если нужно бить в одну точку, то для удара идеально подходит единственная звездная система гэлерондов – Кэор, располагающаяся практически в центре космического пространства гэлерондов. Эта система являлась промежуточной между цейколианцами и вситами. Других систем в этом районе Альянс не имел. Лишившись перевалочной базы, Альянсу придется обходить эту зону по Глубокому, Дальнему или Высокому космосам. А это неосвоенная территория, на которой промышленно космические пираты, не отягощенные договорами и пактами. Они будут нападать на всех. И хотя для организованного военного флота пиратские корабли не страшны, в условиях почти полного уничтожения космических сил Альянса, пираты могут серьезно повредить нашим противникам. Да природа и сама без чьей-либо помощи серьезно подорвет силы врага. Ведь в том районе очень сложная навигация, неразведанные метеоритные рои, гравитационные возмущения.

– Кэор, – громко произнес я.

– Товарищ маршал, вы представляете себе наши возможные потери? – это спросил Свердлов, ведь он был десантником. И именно его бойцам придется первыми высаживаться в самое пекло.

– Постараемся свести их к минимуму.

– Товарищ Президент, – предложил Свердлов. – Включите, пожалуйста, учебный курс по гэлерондам.

– Хорошо.

Голограмма показала бойца гэлерондов. Тело – хитиновая «коробка», содержащая внутренние органы. Голова треугольная, пасть никогда полностью не смыкается. На верхней челюсти – мощный шип длиной в полметра. Существо опирается на длинные, почти трехметровые лапы, которые тоже являются мощным оружием. Высочайший уровень мимикрии, потрясающая живучесть. Даже если отстрелить гэлеронду конечности, он выживет и сможет продолжать бой. Челюсти способны перекусить человека в бронежилете, а лапа – пробить насквозь двадцатимиллиметровый лист броневой стали. Но это не самое плохое. Под действием особых гормонов в теле гэлеронда начинались преобразования, которые приводили к образованию двух органических лазеров по бокам головы.

– Раса гэлерондов, – начал компьютер, – представляет собой самую загадочную культуру среди известных человеку. Они не создают и не используют орудия труда. Социальная структура напоминает муравейник. Во главе стоит королева, которая управляет всем сообществом. Основной способ общения – телепатия. Способ размножения – откладка яиц королевой. Чрезвычайно опасны в бою. У гэлерондов нет страха смерти, они всегда готовы пожертвовать собой ради общества. Помимо рядовых бойцов известны следующие разновидности гэлерондов: летающие бойцы, – голограмма показала летающего бойца. Он напоминал рядового бойца, только тело было длиннее, а лапы – короче. Верхняя часть тела была образована надкрыльями, которые защищали хрупкие прозрачные крылья, – рабочие, – на этот раз голограмма показала небольшого приземистого жука, напоминающего земных тараканов, – огнеметчики, – огромный черный жук, вроде скарабея, – зенитчики, – жук такой же формы, что и предыдущий, но с большим брюшком и сам по размеру больше, – королева, – глава сообществ гэлерондов –

королева – выглядела приблизительно как рядовой боец, но была в несколько раз больше, так что ее высота достигала двадцати метров.

Суворов выключил голограмму.

– Надеюсь, мы все понимаем, – сказал Свердлов, – с каким сопротивлением нам придется столкнуться. Не лучше ли просто заблокировать систему, а потом, когда остальные противники будут разгромлены, обрушиться на нее все мощью?

– Не думаю, что мы сможем долго держать в блокаде гэлерондов, – ответил я. – Товарищ Президент, давайте досмотрим этот учебный фильм. – Я много раз видел эти материалы и знал, о чем речь пойдет дальше.

Президент кивнул.

– Кроме этого имеются еще две немногочисленные разновидности гэлерондов. Встречи с ними чрезвычайно редки, поэтому нет образцов тел для подробного изучения. Документальных подтверждений существования первого вида нет, описание составлено со слов бойцов, встречавших этих чудовищ. Данный вид, условно называемый супербойцом, представляет собой четырехметровое существо, покрытое блестящим слоем вещества, устойчивого к огню, плазме, лазерным лучам, бронебойным и осколочным снарядам. Предположительно – это органическая броня. Несмотря на свои размеры, существо довольно гибко. Зарегистрирован случай, когда один из этих гэлерондов забрался внутрь эвакуационного модуля. Для справки – высота десантного отсека эвакуационного челнока составляет двести сантиметров. Основным вооружением такого гэлеронда являются четыре лазера, предположительно органического происхождения, сгруппированные по два на каждой стороне головы. Кроме того верхние конечности существа оканчиваются мощными клешнями, способными, как показали боевые действия, насквозь пробивать броню бронетранспортера «БТР-370». Второй вид появляется реже первого, однако имеется видеосъемка одного из боестолкновений. Форма тела существа торпедообразная, обтекаемая. Размеры его составляют в длину около трехсот метров, а в высоту и ширину – пятьдесят. Данные существа представляют собой органические космические корабли. Как ни странно, вооружения на них нет. Однако они идут на таран и могут серьезно повредить космический корабль класса линкор и уничтожить меньшие. Следующая видеозапись демонстрирует атаку данным видом тяжелого крейсера «Владимир Жириновский».

Голограмма показала кусок межпланетного пространства. В пустоте плывет «Владимир Жириновский» – один из самых мощных крейсеров Третьей Межзвездной войны. Защитный щит включен на максимум, корабль ведет сильнейший огонь по невидимому пока противнику. Вдруг из пространства, неконтролируемого голограммой, всплывает объект, который повторяет описание компьютера. Он быстро сближается с крейсером и, наткаясь на щит, разрывается. Из объекта вытекает в космическое пространство масса серого цвета. Часть ее, не перехваченная щитом, попадает на обшивку крейсера и тут начинается невероятное. Яркая вспышка, и обшивка начинает гореть. Причем не просто гореть – создается впечатление, что броня горит и в то же время разъедается кислотой. Могучий крейсер пытается развернуться и получает в лоб еще одно попадание такого живого снаряда. Рубка плавится и горит, обе передние башни снесены. В зону видимости влетает еще один «снаряд», но ему наперерез идет легкий миноносец, который и врзается в противника. Враг взрывается, и в ослепительной вспышке отважный корабль гибнет.

– Таким образом, анализ записи показывает, что если бы не смелые действия миноносца «Решительный», то крейсер был бы уничтожен. По сути, данный вид представляет собой космические брандеры, наполненные какой-то самовозгорающейся кислотой. Поверхностная оболочка, видимо, представляет собой то же, что и броня первого вида. Победить в сражении таким образом противник вряд ли сможет, однако, нанести нам серьезные потери вполне в силах.

Голограмма отключилась. Я посмотрел на Президента. Было понятно, что он решит.

– Все ясно. Первая цель – Кэор.

– Кто командует операцией? – спросил Свердлов.

– Непосредственно высадкой будете командовать вы. А товарищ Шолохов станет координировать действия десанта и флота. А теперь перейдем к обсуждению плана предстоящего сражения.

15:57:09.

Пол главного ангара сотряснулся от двигающихся по нему людей и машин. Я находился на капитанском мостике линкора «Александр Невский», ставшего новым флагманом флота, и наблюдал на мониторе подготовку к отправлению корабля. Линкор был пристыкован к станции «Санкт-Петербург», которая находилась на дальней орбите Земли. План сражения был определен. До конца погрузки оставалось меньше трех минут. Ровно в 16:00 старт к Кэору.

Масштаб подготовки впечатлял. Стройными рядами по переходным коридорам со станции в главный зал входили дополнительные батальоны десантников. Танкисты вгоняли на платформы грузовых модулей тяжелые «Т-930», самоходки «СУ-689» «Тополь», зенитные самоходные установки «Двина», плазменно-реактивные системы залпового огня «Ливень». Мотопехота ставила в модули «БМП-211» и бронетранспортеры «БТР-370» «Каракурт». В дальнем конце ангара находилось то, что по габаритам не входило ни в какие посадочные модули – самоходные комплексы орбитальной обороны «Нептун», орудия особой мощности «ДС-700», сверхтяжелые танки СТ «Черный дракон». Если в такой мощи появится необходимость, то к носовой части линкора пристыкнутся легкие десантные корабли, которые могут садиться на планету.

Я включил изображение с камеры, установленной в авиационном ангаре линкора. Здесь к вылету готовились штурмовики «Су-230», истребители «Су-250», истребители-бомбардировщики «Миг-673» «Альбатрос» и другие самолеты.

– Нервничаете, товарищ маршал? – подошла Екатерина Игнатьева, та самая девушка, которую я просил направить на этот линкор. На войне порой случаются невероятные совпадения.

– Есть немного. Но больше всего жаль, что самому не придется сражаться. Одно сражение уже отсидел в штабе. Надоело, – я посмотрел в иллюминатор.

– Но зато мы победили. И в этом немалая доля вашей заслуги.

– Да, и вашей тоже, – я в упор посмотрел на Игнатьеву. – И всех, кто принимал участие в сражении.

– Да, да, – Игнатьева немного помялась и задала вопрос: – Товарищ маршал, как вы думаете, будут еще до конца войны такие крупные сражения?

– А что, одного не хватило, товарищ майор?

– Да нет, хватило. В прошедшей битве мой корабль записал на свой счет три линкора, один фрегат, восемь крейсеров, четыре авианосца и еще двадцать три корабля поменьше, не считая самолетов. И после этого нам придется, наверное, всю оставшуюся войну обеспечивать вот такие десантные акции.

– Понимаю вас, – я слегка усмехнулся. – Серьезной работы для вас нет. Доставите вы десантников, обеспечите огневое прикрытие. Но они, – я кивнул на главный иллюминатор, где виднелись лазеры главного калибра, – будут молчать. Да, наиболее вероятен такой исход. Но кто знает.

– Да, война непредсказуема.

– Но если это вас утешит, то мне тоже почти нет работы. Я боевой офицер и сидеть в штабе для меня не лучший вариант. Так что мы с вами в одной лодке.

– Скорее, на одном линкоре.

Мы засмеялись.

– Товарищ майор, – обратился к Игнатьевой первый пилот, – погрузка закончена.

– Отлично, начинаем отход от станции.

– Ну, давайте, майор, покажите класс! – сказал я.

– Так точно, товарищ маршал, – Игнатьева села в капитанское кресло. Я встал рядом. Майор включила микрофон внутренней связи. – Говорит капитан корабля. Погрузка завершена. Всем занять свои места. Начинаем отстыковку от станции.

Девушка взялась за штурвал и мягко потянула на себя. Линкор автоматически отстыковывал переходные коридоры и герметизировал отсеки. Почувствовался мягкий толчок – это выключились гравитационные захваты, державшие линкор рядом со станцией. Еще один толчок, и на мониторе перед Игнатьевой появилось изображение с одной из задних камер: раскрылся парус, и в его центр уперся лазерный луч, давая линкору задний ход. Несмотря на мощные установки искусственной гравитации, помимо собственного притяжения корабля действовала еще гравитация «Санкт-Петербурга». Это создавало небольшие неприятные ощущения, как-будто тело тянут в разные стороны, но вскоре это прекратилось. Нос линкора был уже на расстоянии нескольких сотен метров от станции, и капитан стала разворачивать судно перпендикулярно основному диску станции. Прошло около десяти секунд, и корабль начал сворачивать парус, готовясь включить маршевые двигатели.

В этот момент я посмотрел на Землю. Она проплывала над нами. Только небольшая ее часть просматривалась через два иллюминатора на потолке. То место, где находится Москва, было видно, но величественный город закрыли облака.

Корабль вновь дернулся. Мощные двигатели понесли его вдоль станции. Когда линкор вышел в свободное пространство, Игнатьева приглушила двигатели и посмотрела на меня.

– Ну, что, товарищ маршал, готовы?

– Да.

– Ну, тогда вперед!

Девушка быстро сориентировала линкор на нужную точку и нажала кнопку перехода на сверхсвет. На датчике скорости почти сразу загорелась цифра – «314». Максимальная. Стандартным расстоянием входа в гиперпространство считались три орбиты Плутона или в переводе на километры – приблизительно семнадцать с половиной миллиардов километров. На максимальной сверхсветовой скорости корабль пройдет это расстояние за три минуты.

– Хорошее начало, – похвалил я.

– А как же, – отозвалась Игнатьева.

Вскоре мы подошли к нужной точке, и Игнатьева точно по расчетному времени отключила двигатель и начала торможение. Линкор перешел на досветовую скорость. Совсем рядом виднелся флот, выделенный для десантной операции на Кэор. Пятнадцать десантных эскадр и десять линейных. Более трех с половиной миллионов десантников.

– Ладно, передай на все эскадры, чтобы командиры прибыли в главный зал флагмана и вводи флот в гиперпространство.

16:15:11.

В главном зале собрались почти все командующие эскадрами. Присутствовал и Свердлов. Не хватало только командира флагманской эскадры генерала Леонида Кошкина. Существовало множество причин, почему другие командующие могли бы задержаться, но почему опаздывал Кошкин, было непонятно, ведь командир любой эскадры находился на ее флагмане, а в нашем случае на «Александре Невском», где и проходило собрание.

Мы ждали генерала. Я прохаживался вдоль стены, на которую был спроецирован план сражения. Командиры эскадр сидели за круглым столом. Сквозь иллюминаторы виднелись стены гипертоннеля. Где-то совсем рядом в таких же тоннелях шли другие корабли флота. Они

шли удивительно синхронно, ведомые сигналами с флагмана. Именно эта потрясающая синхронность позволила командующим эскадр явиться на флагман уже после того, как мы вошли в гиперпространство. Для этого корабли, добившись максимальной синхронизации, открыли канал связи. С помощью этого канала осуществлялась телепортация командиров на флагман. Вообще телепортация была довольно опасна, однако идущие на максимальной синхронизации корабли сводили риск к минимуму. Правда, несмотря на то, что технология телепортации существовала более половины тысячелетия, мы не использовали ее нигде, кроме сообщения между кораблями, идущими в гиперпространстве. В других случаях опасность возрастала пропорционально расстоянию между точками телепортации. Нужна была ювелирная точность, гораздо точнее, чем при гиперпрыжке. Однако бродяги, например, достигли более впечатляющих результатов, и для общения на своих планетах они использовали именно телепортацию.

– Здравия желаю, товарищи офицеры! – наконец вломился в зал Кошкин.

– Почему опоздали? – спросил я.

– Да там эти паразиты как полезли, – Кошкин спокойно сел. – На третьей палубе обнаружилось несколько десятков мышей!

– Не смешно, товарищ генерал, – сказал я.

– Нет, серьезно, – так же спокойно ответил Кошкин. – Видимо, у кого-то убежали несколько штук. А тут они и расплодились. Ребята их начали сетями ловить. Я помог, но мне тоже досталось, – он показал левый рукав кителя, на котором виднелась пробитая держателем сети дырка.

– Представляю запись в компьютере санчасти, – улыбнулся я, – «ранен в сражении с мышами».

– Так точно, – весело ответил Кошкин.

Да, мыши стали одним из бедствий больших кораблей. На линкоре двенадцать тысяч человек, и трудно было удержать всех от того, чтобы не завести какое-нибудь домашнее животное. Хотя люди обеспечены лучшей едой, развлечениями и так далее, все-таки многие тосковали по родным планетам, где почти у каждого имелось домашнее животное. А на боевом корабле категорически запрещено заводить животных. Поэтому многие тайно проносили их на корабль. Но собака, даже маленькая, быстро привлечет к себе внимание хотя бы лаем. Кошке нужен простор, ей будет тесно в одной каюте. Вот поэтому многие предпочитали мышей. Они неприхотливы, могут жить в просторной клетке, которую довольно просто пронести на корабль или сделать в корабельной мастерской, едят все, что им дают. Но, к сожалению, мыши очень часто убегают. Достаточно одной сбежавшей пары мышей, и через полгода на линкоре будет несколько тысяч зверьков. А сотни кубометров коммуникаций и различных служебных помещений служат им отличным домом.

– Ладно, с мышами разобрались, – сказал я, – теперь будем разбираться с тараканами.

На лицах офицеров появились улыбки. Шутка разрядила напряженную до предела обстановку. Я невольно отметил, что Кошкин произвел на меня хорошее впечатление. Другой бы придумал какую-нибудь историю, мол, инспектировал десантные отсеки или что-то в этом роде, а этот спокойно выложил правду.

– Итак, товарищи командующие, – продолжил я уже серьезным голосом, – наша задача очистить одним ударом планеты системы Кэор. Напомню, что система состоит из пяти планет. На каждую из них приходится две линейных и три десантных эскадры. Основная ударная сила – десант. На каждую планету будет высажено 480 тысяч бойцов. Это главная группа. По нашим расчетам, для подавления сопротивления на любой из них хватит трехсот тысяч человек, так что у десанта останется резерв. Кроме основной группы, на линкорах около полумиллиона десантников, на случай непредвиденных обстоятельств, например, если помимо войск гэлрондов на планетах окажутся силы других рас Альянса. Тогда линкоры с помощью десантных челноков высадят подкрепление. Общий план атаки следующий: эскадры одновременно под-

ходят к назначенным планетам. Затем начинается получасовая артподготовка. Во время нее линейные эскадры должны ракетно-бомбовыми ударами и лазерами прямой наводкой уничтожить главные узлы зенитной обороны противника и нанести удары по крупным группировкам. После этого с линкоров стартуют самолеты и начинают расчистку зон приземления десантных кораблей. В это время огонь линкоров переносится на дальние подступы к этим зонам. Когда зоны будут очищены, начнется высадка десанта. Корабли десантных эскадр должны минимум времени находиться в зонах действия зениток противника. После высадки им необходимо отойти к линейным кораблям. Дальше дело за десантом. Под прикрытием огня линкоров и ударов авиации десантники должны быстро продвигаться к входам в подземные пещеры гэлерондов. Именно там находятся главные цели атаки – королевы. Их уничтожение полностью лишит гэлерондов коммуникации между подразделениями и организованного руководства. В результате противник потеряет большую часть боеспособности, а десанту необходимо продвигаться дальше, в хранилища яиц, отложенных королевой. Среди них могут находиться личинки других королей, которые, вероятно, возьмут на себя руководство силами врага после гибели действующей королевы. Поэтому задача десанта – полное уничтожение всех яиц и личинок гэлерондов. Когда это будет сделано, десантники должны выйти на поверхность, разбить полевые лагеря и ждать прибытия транспортных кораблей с пехотой и танками, которые заменят десантников и займутся зачисткой планет. Если все пойдет нормально, то через двадцать часов после начала высадки планета будет под нашим контролем.

Я сделал паузу. Всем было понятно, что изложена чистая теория. Гэлеронды никогда не отступают, и очистить от них Кэор, значит полностью их уничтожить. А драться с ними невероятно сложно. Все планеты Кэора, преобразованные гэлерондами, представляли собой каменистые пустыни. Из-за каждого камня может появиться враг.

– Это основной вариант. В случае, если гэлеронды окажут сильное сопротивление, и десанту не удастся выйти на намеченные рубежи через три часа после начала операции, с линкоров будет высажен резерв. Если же через шесть часов после этого момента бойцы не выйдут на рубежи входа в подземные пещеры, то мы изменим тактику. Все десантные подразделения должны будут перестроиться таким образом, чтобы образовать один фронт. В тылу у них окажется очищенная от гэлерондов зона высадки. Задача десантников – продержаться до подхода наземных сил. После их высадки мы продолжим наступление, – я оглядел командующих. – Думаю, всем понятно, что такой вариант крайне нежелателен. В этом случае нам предстоит длительная войсковая операция. А первое, что дают такие операции, – потери. Поэтому прошу вас проявить максимум ответственности и умения, чтобы захватить планету за двадцать часов.

17:48:13.

Итак, мы были готовы. Подробно проинструктированные командующие отправились на свои корабли. Я сидел в каюте с «Заветом павших» в руках. Предстояло еще одно сражение, и я в очередной раз перечитывал строки, написанные маршалом Орловым. Теперь снова лучшие люди идут в бой за общее благо. Многие погибнут, еще не успев высадиться. Еще больше бойцов поляжет в жестокой схватке с гэлерондами. И опять же за общее благо. Это понимали все. Именно поэтому в Федерации существовала традиция. Перед самой высадкой десанникам дается три часа личного времени, а обед перед десантированием состоит не из созданных трансформатором продуктов, а из натуральных, выращенных и собранных на Земле. Конечно, они абсолютно идентичны искусственным, но традиция есть традиция. Абсолютно ясно, что для многих это последний в их жизни обед. Такова доля не только десантников Федерации. Так живут все военные. Мы берем от жизни все, но, если понадобится, отдаем жизнь.

Положив книгу на полку, я прошелся вдоль стены. Настроение поганое. Когда я в Третью мировую шел со своим взводом в бой, такого не было. Да, где-то в глубине души таилась мысль о возможной гибели, но основным чувством был боевой азарт. Я шел в бой, и опас-

ность близкой смерти не страшила меня. А теперь смерть будет собирать свою страшную жатву далеко внизу, на чужой планете, куда я буду вынужден посылать десантников, сам отсиживаясь в штабе. Это просто пытка для боевого офицера. Может быть, для кого-то, вроде Тимофеева, это – предел мечтаний, но не для меня.

В двадцатый раз пройдя вдоль стены, я посмотрел на часы. Мы будем у системы в 20:02. Оставалось чуть больше двух часов. Ужасное ожидание. Если бы я знал, что мне предстоит через эти два часа окунуться в огонь боя, то я бы наверное поспал. Но теперь не мог. А корабль дремал. Шла третья смена, и дежурным оставалось еще четыре часа. В жизненно важных отсеках патрули лениво обходят корабль, завидуя тем, кому выпало дежурство в другие смены. Только десантники на нижних палубах веселились. Кто-то травил анекдоты, кто-то слушал и неторопливо чистил до блеска отполированный штык.

Ладно, есть на корабле место, где можно почувствовать, что еще не засиделся в штабе. Капитанская рубка. Только там видно, что корабль, высаживая десант, ведя огонь прямой наводкой, тоже чем-то рискует.

Я покинул каюту и направился к ближайшему лифту. Вдруг из-за поворота, прямо на меня вышли несколько десантников. Впереди шел боец с нашивками сержанта. Увидев меня, он встал по стойке «смирно» и крикнул своим бойцам:

– Смирно, маршал на палубе!

Десантники вмиг замерли, а в следующую секунду по коридору прокатилось громовое:

– Здравия желаем, товарищ маршал!

– Здравия желаю, товарищи бойцы! – ответил я и приказал: – Вольно!

Солдаты не шелохнулись.

– Вы кто? – спросил я сержанта.

– Командир седьмой роты первого отдельного полка сорок второй десантной дивизии сержант Станислав Игрищев, – четко отработовал боец.

– А как здесь оказались? Да еще чуть ли не со всем подразделением? Заблудились?

– Никак нет. Мы из усиления. Не каждый день на линкоре приходится бывать. Вот и осматриваем корабль. А то все больше на десантных кораблях и фрегатах.

– Понятно. Но учтите, сейчас на палубах, с первой по четвертую, комендантский час. Смотрите, чтобы вас патруль не задержал. Хотя, – я взглядом пересчитал бойцов. За спиной Игрищева стояло семь человек, – такую гвардию они вряд ли остановят. Но если что, скажите – Шолохов разрешил, пусть у меня спросят.

– Спасибо, товарищ маршал.

Когда десантники двинулись дальше, я долго смотрел в спину Игрищеву, пока он не скрылся за поворотом. Вот он – «слуга царю, отец солдатам». Настоящий человек и настоящий военный. Именно такие люди будут строить новый мир, о котором писал маршал Орлов.

Вскоре я достиг дверей, ведущих на капитанский мостик, и ввел свой код в распознающее устройство. Двери открылись, и я вошел в рубку. В кресле капитана корабля никого не было, а Игнатьева сидела на коленях у первого пилота. Увидев меня, девушка торопливо встала. В голове у меня всплыли строки из проекта устава той реформы, которую, кажется, так давно расхваливал Нефедов: «Личные отношения между военнослужащими разрешены в той мере, в какой они не наносят вреда их физическому и моральному здоровью». Война войною, но любовь – высшая ценность всегда.

– Извините, товарищ маршал! – краснея, проговорила Игнатьева.

– Не за что извиняться. Я просто пришел проверить... э-э-э... боеготовность, – нашелся я. – Вижу, что все... в полном порядке. В следующий раз приду в двадцать часов, перед высадкой. Можете продолжать... нести вахту.

Я вышел. Не стоит ей мешать. Ей тоже нелегко дается эта война. Огромная ответственность за линкор и двенадцать тысяч человек на нем – это ноша не для хрупких плеч девушки. И отдых ей необходим. Пусть даже для нее этот парень – только мимолетное увлечение.

Но, тем не менее, я вновь остался не у дел. Разве что пройти по линкору с носа до кормы. Ведь если не спеша, то пять километров часа на полтора растянуть можно. А там уже, глядишь, и высадка.

Я усмехнулся своим мыслям и зашагал прочь от рубки.

20:01:15.

– Говорит капитан корабля, – голос Игнатьевой, идущий из настенного динамика был сух и официален. – Приготовиться к выходу из гиперпространства.

Я посмотрел на Свердлова, сидевшего напротив меня. Рядом с ним расположился Кошкин. Мы находились в штабе десантной операции, в главном зале линкора. В иллюминаторе некоторое время были видны стены гипертоннеля, но затем последовала яркая вспышка, и корабль перешел в обычное пространство.

– Выход из гиперпространства завершен. Всем эскадрам двигаться к намеченным планетам. Начинаем операцию.

Внизу расстилался пустынный мир Кэор-3. «Александр Невский» вел те эскадры, которые должны высаживаться на нем. Для нас со Свердловым пока что было мало работы. План намечен, и командиры кораблей знают, что им делать, если что-то пойдет не так.

Постепенно в иллюминаторе показались корабли эскадры. Мощные линкоры плыли в окружении крейсеров и фрегатов. Рядом сновали корветы.

– Внимание, эскадра достигла расчетной точки. Передаю командование штабу операции.

– Говорит маршал Шолохов, – сказал я. – Линейным кораблям начать артподготовку. Самолетам, десантным челнокам и остальным кораблям подготовиться к действию.

– Ну, что ж, товарищ маршал, кажется, началось.

Первые залпы лазеров чудовищной мощности ударили по поверхности Кэора-3.

Глава 6

Десант в бессмертие

20:51:17. 15.07.3282 года. Орбита Кэора-3, главный зал линейного корабля «Александр Невский».

– Товарищи командующие, – из динамика вновь послышался голос Игнатьевой, – командиры авиационных частей эскадры докладывают, что зоны высадки расчищены. Видеонаблюдение подтверждает это.

– Понял вас, – сказал я. – Ну, товарищ Свердлов, окажите честь, – я протянул десантнику микрофон.

– Говорит генерал-полковник Свердлов, – сказал он, взяв микрофон. – Десантным кораблям начать высадку десанта в подготовленных районах. Линкорам быть наготове для оказания поддержки. Обо всех непредвиденных обстоятельствах докладывать в штаб.

– Много вы отдали распоряжений, ничего не скажешь, – с улыбкой произнес я, когда связь отключилась.

– Работа у нас такая, – совершенно без прежней злости ответил Свердлов. – Больше выстрелов, меньше слов.

– Точных выстрелов, надеюсь?

– Ну а каких еще? Если не уверен, что пуля попадет в цель, то лучше не стреляй.

– Одобряю, товарищ генерал, одобряю.

Тем временем высадка началась. Десантные корабли лавировали между другими судами и ровными шеренгами шли к поверхности планеты. Сто двадцать кораблей – три волны. Тепловые датчики показали три подземных источника тепла, три вероятных местонахождения королевы. С поверхности велся слабый зенитный огонь, но мощный удар линкоров и действия авиации быстро подавляли очаги сопротивления. Однако без потерь не обошлось. Небольшой сгусток плазмы, взлетевший с поверхности, ударил в десантный корабль, идущий в первой волне. Он нарушил строй и стал стремительно падать. Вскоре от него отделились несколько темных точек – пятиместные спасательные капсулы. Но на каждом десантном корабле было сейчас четыре тысячи человек десанта и двести человек команды. Капсулы обладали потрясающей прочностью и их хватило бы на всех. Увы, удар плазмой почти не оставлял шансов выжить. Раскаленный газ в считанные секунды выжигал отсеки. Еще несколько кораблей начали падать. Но, в общем, цепь уверенно продвигалась вперед. Некоторые корабли уже сели на поверхность и начали высаживать десант.

Внезапно на одном из линкоров погасли огни, и из дюз перестало вырываться пламя. Он на секунду замер и устремился вниз. Та же участь постигла еще несколько кораблей. Мы со Свердловым переглянулись. Как будто невидимый лазер прорезал строй линкоров, все увеличивая область поражения. И на пути у него был «Александр Невский».

– Вот черт, похоже, они применили то же оружие, что и в прошедшей битве! – воскликнул Свердлов.

Освещение мигнуло и погасло. Зал освещался только светом, идущим через иллюминатор. Связисты защелкали переключателями. Через несколько секунд загорелись тусклые лампы аварийного освещения и через динамики прорвался голос Игнатьевой:

– ...Повторяю, корабль подвергся атаке оружием неизвестного действия. Основные энергосистемы вышли из строя. Мы падаем. Всему десанту – самостоятельно отстыковывать челноки и высаживаться на планету! Команде – покинуть корабль в спасательных капсулах.

– Все ясно, – я поднялся из-за стола. – Пора уходить.

– И бросить корабль?! – воскликнул Кошкин.

– А что делать? – я шагнул к выходу и открыл дверь. – Если бы на нас напали корабли противника, то мы бы дрались до последнего киловатта энергии, а сейчас нас просто расстреливают с поверхности. Уходим!

Пропустив вперед связистов, мы с Кошкиным и Свердловым дошли до аварийных лестниц. Можно было воспользоваться и лифтом, но неизвестно, на сколько хватит аварийных аккумуляторов. Выбив люк, мы быстро спустились в аварийный отсек первой палубы и оттуда вышли на самую палубу. Там уже находилось множество людей, направлявшихся к спасательным капсулам. Паники не было. Таково железное правило на кораблях Федерации. Паникер на гибнущем корабле сразу получал пулю.

Внезапно из толпы прямо на меня выскочила Игнатьева. За нею шел первый пилот. Я схватил девушку за руку.

– Куда ты? Ближайший спасательный шлюз в другой стороне!

– Товарищ маршал, там сейчас слишком много людей. Четвертый спасательный шлюз дальше, но оттуда можно быстрее выбраться с корабля.

– Ладно, пошли.

Мы побежали за Игнатьевой.

– Что произошло, когда нас ударило этим лучом или чем-то таким? – спросил я на бегу.

– Не знаю, очень странно. Отрубилась сразу вся энергия, даже реактор погас. А ведь, чтобы его заглушить, по штатному расписанию необходимы две минуты. А потом включилась авария... Ну, вот мы и на месте!

Тусклый свет аварийных ламп едва освещал спасательный отсек. Игнатьева повела нас к самой дальней части шлюза, где размещались пятиместные капсулы. Открыв одну, она сказала:

– Димка, – это относилось пилоту, – давай за штурвал! Все остальные на пассажирские места.

Мы быстро сели в кабину. Капсула имела вид цилиндра, соединенного с конусом. Простейшая форма, обеспечивающая минимальное сопротивление атмосфере. В конусе располагалось место пилота, в цилиндре, одна за другой, две пары кресел. Игнатьева заняла левое переднее, я сел рядом с ней, Кошкин и Свердлов устроились за нами.

– Готовы? – спросил пилот.

– Да.

– Ну, тогда поехали.

Парень вдавил кнопку на приборной доске, фонарь закрылся, включились двигатели, и капсула пошла по небольшому тоннелю. Через несколько секунд мы вылетели из корпуса линкора. Внизу была видна планета. Мы находились над ее теневой стороной. Сейчас на поверхности планеты шел бой. Было видно, как взлетают очередные заряды плазмы и врезаются в корабли. Значительная часть эскадры полностью вышла из строя и, потеряв энергию, как и наш линкор, все быстрее приближалась к поверхности планеты.

– Будем садиться здесь или попытаемся дотянуть до светлой стороны планеты? – спросил пилот.

– А смысл? – вопросом на вопрос ответил я. – На светлой мы окажемся в самом их тылу. Так что посмотри, где там наше ближайшее подразделение, и давай туда.

– Понял, – он пощелкал переключателями на пульте, – к нам ближе всего седьмой батальон сорок второй десантной дивизии. Запросить помощь или сами доберемся до них?

– Сами. Нас тут целое отделение. А отвлекать ребят незачем.

Я посмотрел на планету через прозрачный фонарь капсулы.

– Высота – двести восемьдесят тысяч метров, приготовиться к вхождению в атмосферу.

Капсулу начало трясти. По фонарю кабины потекли капли расплавленного металла обшивки. На высоте пятидесяти километров тряска несколько ослабла, капсула перешла в горизонтальный полет.

- Димка, – сказала Игнатьева, – ты уже нашел площадку для приземления?
- Да, начинаю снижение.

Скорость увеличилась до ста тридцати метров в секунду. И капсула пошла под углом сорок пять градусов к поверхности. Когда мы снизились до десяти тысяч метров, уже можно было разглядеть вспышки в местах, где шел особенно сильный бой. Постепенно мы дошли до высоты в пять километров. Под днищем капсулы проносились каменные гряды и равнины. Но скорость угрожающе росла.

- Димка, почему ты не тормозишь?
- Я открыл тормозные щитки.
- Но ты же видишь, что скорость увеличивается. А она должна снижаться.
- Что будем делать? – пилот неожиданно повернулся к Игнатьевой.
- Зараза! Вот дала тебе поуправлять, теперь хлопот не оберешься!
- Ну, чем я виноват? Может, в шлюзе щитки повредили.

– Ладно, потом будем ругаться, – сказала девушка. – Используем запасной вариант. На парашютах. Как только окажемся на тысяче метров, подавай все горючее, что у нас осталось, на тормозные движки. Когда горючее кончится, вылетаем на парашютах. Все ясно?

- Да.
- Отлично, вперед.

На назначенной высоте пилот включил тормозные двигатели. Из дюз на носу капсулы стало вырываться пламя, закрывающее переднюю часть кабины. Даже теплоизолированные стены капсулы не могли сдержать чудовищный жар сгорающего топлива. Я застегнул лямки парашюта.

- Пошли! – наконец крикнул пилот.

Фонарь отлетел, отброшенный взрывом пиропатронов, и нас с огромной скоростью вырвало из капсулы. От перепада давлений заложило уши, ведь капсула была герметична, и в ней поддерживалось то же давление, что и на борту линкора. Кресло-катапульта отлетело вниз, и началось падение к поверхности. Дернув за кольцо парашюта, я выпустил «медузу», и вскоре открылся основной парашют. Рывок, и начался тихий спуск. Это было очень опасно. Окажись рядом хоть один гэлэронд, он мог бы меня просто расстрелять с безопасной для себя дистанции.

Но, к счастью, мне удалось без происшествий достичь земли. Отстегнув парашют, я вытащил из рюкзака коробку с индивидуальным аварийным запасом. Здесь лежал «АК-1000У-О», облегченный и укороченный вариант «АК-1000», с одним боевым механизмом под 10-мм патроны, предназначенный для пилотов и экипажей бронетехники, и четыре обоймы к нему. Кроме этого тут же находилось шесть гранат, «ТТБ» с четырьмя обоймами и штык-нож «ШН-34». Помимо оружия в аварийном наборе имелся индивидуальный трансформатор материи – прибор, позволяющий преобразовывать один вид материи в другой или в энергию. По замыслам разработчиков комплекта, с помощью этого трансформатора боец может сам себе готовить еду. Однако в наборе все равно находился четырехдневный запас воды и еды. Еще в наборе был прибор ночного видения, аптечка и индивидуальный кординатоорпеделитель, или на военном жаргоне – «поводырь». Он представлял собой небольшой компьютер, который перехватывал всю незашифрованную информацию, исходящую с поверхности планеты или поступающую на нее в радиусе двух тысяч метров от прибора. Таким образом «поводырь» позволял создать вполне адекватную картину происходящего вокруг.

Надев ПНВ и распахав набор по карманам, я в очередной раз порадовался тому, что надел мою любимую форму – камуфлированную водонепроницаемую гимнастерку без знаков различия, такие же брюки и облегченные ботинки-берцы. Конечно, это не та форма, в которой мы штурмовали «Йарьенэто», но, по моему собственному мнению, она все-таки лучше тяжелых десантных бронежилетов – «панцирей», которые все равно не защищали от прямого

удара лапой или пастью гэлера, но своими размерами существенно снижали маневренность. Закончив с распределением набора, я вогнал в автомат магазин и взял в руки «поводырь». Итак, ближайшая ко мне точка приземления находилась в семистах с лишним метрах на юго-запад. Это было в два раза дальше, чем по моему расчету, а кроме того, в прямо противоположной стороне от первого ударного полка. Видимо, это произошло потому, что наш пилот направил машину в почти горизонтальный полет.

Перехватив поудобнее автомат, я побежал к месту, указанному «поводырем». К моему счастью, я оказался на довольно плоской каменной равнине, которая просматривалась почти на пятьсот метров. Гэлера не смогли бы подобраться незаметно. Однако вскоре я понял, почему равнина не просматривалась дальше. Там находилось огромное скопление камней, среди которых, почти не прячась, могли бродить гэлера. Хотя и без них тут было полно опасностей. Даже приземлиться на парашюте среди четырехметровых глыб – целое искусство.

Добежав до камней, я вновь вытащил «поводыря». Положение точек изменилось. Ближняя оказалась почти рядом, нас разделяло меньше пятидесяти метров. Две дальних также сблизились. И только средняя оставалась на месте. Спрятав датчик, я вновь взял автомат и крикнул в темноту:

– Это Шолохов! Не стреляйте, свои!
– Товарищ маршал! – донесся голос Свердлова. – Вы?
– Ну а кто? – я шагнул в каменный лабиринт и в зеленоватом свете ПНВ почти сразу увидел фигуру Свердлова. Он шел на меня. – Я у тебя прямо по курсу. Не стреляй!
– Все, вижу вас.
– Ну, что, как приземлился? – спросил я, когда он подошел.
– Да едва впился между камнями. Еще чуть-чуть...
– Осторожнее! – я оттолкнул Свердлова, и мимо него просвистела мощная лапа гэлера. – Огонь!

Из-за камня, который находился за спиной у Свердлова, выскочил гэлера. Не дожидаясь, пока он оправится от первого промаха, я открыл огонь. Меня почти сразу поддержал Свердлов. Вообще 10-мм свинцовые пули не очень действенны против хитиновой брони гэлера, но мы со Свердловым были опытными бойцами. Мы стреляли в ту часть головы, в которой находится главный нервный центр, заменяющий гэлерам мозг. Этому хватило двух десятков пуль. Когда тело гэлера рухнуло, Свердлов вытер со лба пот и сказал:

– Спасибо, если бы не вы, то он бы меня точно накрыл.
– Не сомневаюсь. Ну ладно, нужно поскорее найти остальных. Им наверняка не легче.
– Точно. Вы видели, что пилот не двигается?
– Так это пилот?
– Да, он катапультировался после меня.
– Может, ранен. А может, и убит.
– Да, скорее всего, убит. Я прокручивал масштаб на максимум, так он не двигался ни на метр.
– Плохо.

Внезапно из темноты прямо на нас вырвался летающий гэлера. Его траектория была такова, чтобы подцепить кого-нибудь из нас лапой и взмыть вверх. Но мы были начеку и, отпрыгнув в стороны, открыли огонь по крыльям. Уже через несколько секунд гэлера рухнул с пробитыми крыльями за одним из валунов. Мы подбежали к нему и добились летуна.

– Нужно убраться отсюда! Сейчас сюда подтянутся бойцы. Здешняя королева не упустит одиночную цель, – сказал Свердлов.

– Абсолютно верно.

Несколько сот метров мы пробежали в молчании. Пару раз на нас налетали гэлéronды, но мы отгоняли их огнем. Наконец мы почти достигли точки, где находился пилот. Свердлов остановился и вытащил «поводыря».

– Товарищ маршал, Кошкин и Игнатъева тоже идут сюда. А пилот в сорока метрах к югу.

Оранжевый спасательный парашют был хорошо замечен среди камней. Откинув край, я увидел, что парень лежит под тканью. Он был мертв. Комбинезон на спине в крови, парашютные стропы с одной стороны перебиты или перерезаны. Верхняя часть черепа пилота снесена ударом о камень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.